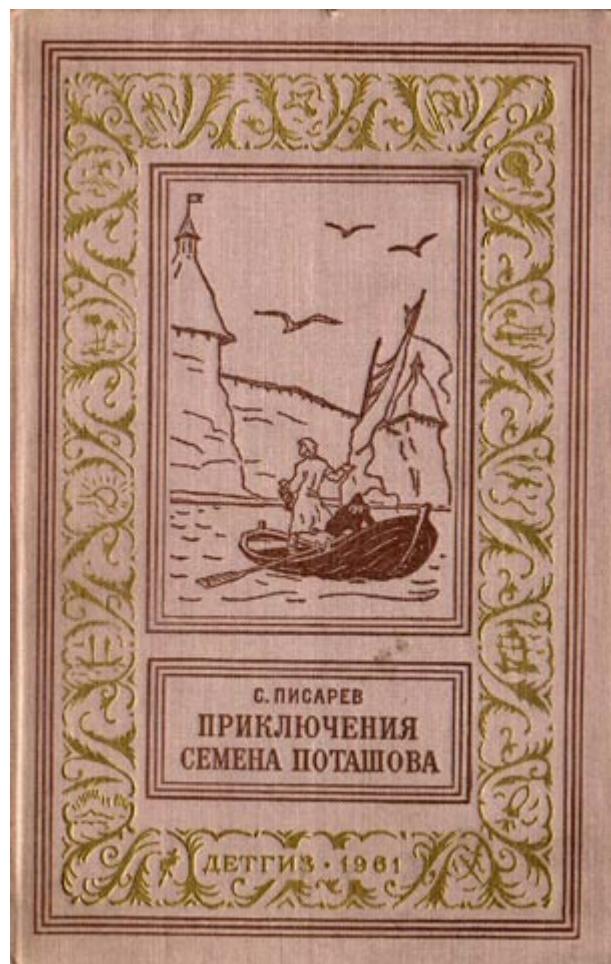

**Сергей Сергеевич Писарев
Приключения Семена Поташова, молодого помора из
Нюхотской волости**

**Сергей Писарев
Приключения Семена Поташова,
молодого помора из Нюхотской волости**

СОЛОВЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ ПО ОБЕЩАНИЮ МАТЕРИ

1

Из устья реки Сумы в Онежский залив Белого моря вышел карбас и, взяв курс на север, направился к Соловецким островам. В карбасе находились два человека и лежал небольшой груз.

На корме сидел за рулем монах, приказчик Соловецкого монастыря в Сумском Остроге. Это небольшого роста сухощавый человек, в черном, сильно потертом подряснике, опоясанном широким ремнем; на голове у него остроконечная скуфейка, а узкое лицо, с неприятно сдвинутыми к переносице бровями, было обтянуто бледной кожей.

У мачты находился молодой рыбак с поморского берега¹. Обязанностью его было смотреть вперед и, если понадобится, без промедления спустить парус. Роста он, несмотря на свои семнадцать лет, был высокого, имел широкие плечи и округлое лицо. Его обветренные щеки покрывал мягкий пушок, голубые глаза с белесыми бровями были широко расставлены. На нем высокие сапоги из кожи морского зверя, плотная суконная куртка до колен и меховая шапка со спадающими на плечи наушниками.

В носовой части карбаса лежал зеленый деревянный сундучок, расписанный желтыми цветами. Такие сундучки выделялись на реке Мезени, в Лешуконской Волостке, откуда их развозили по всему Белому морю. А на досках, покрывающих днище, были свалены железные цепи с крепкими скобами и замками. Кандалы эти изготавливались неподалеку от Сумского

---

¹ Поморским берегом считалось южное побережье Белого моря от Кеми до Архангельска.

Острога, где у Соловецкого монастыря имелась небольшая домница, выплавляющая железо из болотной и озерной руды.

Подгоняемый свежей поветерью – ветром, дующим в корму судна, – карбас быстро оставил позади Медвежьи Головы и, пройдя мимо мелких островов, вышел в открытое море. Пока дул южный ветер – летник, – можно было не грести. Ветер этот, сменив сентябрьские шторма, приносил немного тепла и ясную погоду. Но продолжается он короткое время, снова сменяясь в начале октября морянкой – северным ветром, который приносит холод и снег.

Ночь путники провели без всяких приключений в рыбачьей избушке на высоком берегу Шижикуя. К утру дальние острова стали казаться повисшими в воздухе; это служило верным признаком скорой смены погоды; со второй половины дня на море пал штиль.

Оба сели за весла. Монах, до этого времени молчавший, стал рассказывать про места, мимо которых они проплывали. С запада, указал он, на материке находится Кемский Острог. Молодому помору это было уже хорошо известно: судно Терентия Поташова, на котором он уже несколько лет промышлял рыбу и морского зверя, не раз там приставало. Когда проходили высокие Кузова, монах рассказал, что однажды до этих островов добрались враги.

– Плыли они, окаянные, прослышиав про богатство обители, и высадились здесь, чтобы пищу варить. Один влез на гору, увидел оттуда Соловецкую обитель и закричал: «Вот недолго тебе осталось красоваться, – приедем, всё разнесем – камня на камне не оставим!..» Сказал, сам превратился в камень; камнями стали и все те, кто с ним приплыли...

Молодой помор не раз уже слышал об этом. Он посмотрел на вершину острова; валуны там действительно походили на окаменевших людей.

Прошли Сеннуху, и на горизонте выросла самая высокая гора, затем и остальные поросшие густым лесом возвышенности Соловецких островов. Прилетели большие чайки, сделали над карбасом круг и спокойно расселись по борту: чайки устраивали гнезда даже во дворе монастыря и людей не опасались. Из воды высовывались усатые головы морских зайцев – тюленей; вдали на поверхности моря, переваливаясь толстыми тушами, выплывали белухи.

Оставив справа Заяцкие острова, карбас миновал Пёсси луды. На всех островках, коргах и лудах² были поставлены кресты. Два самых больших креста указывали вход в монастырскую гавань, называемую губой³ Благополучной.

Греб только монах. Молодой помор стоял в карбасе во весь рост, не сводя глаз со стен и церковных зданий монастыря. В волнении он стискивал пальцами свою шапку, которую скинул, заслышиав колокольный звон.

Берег был уже совсем рядом. Тревожно закричав, чайки поднялись с борса и улетели в море, – в монастыре к осени собирались вороны, с которыми чайки враждовали. Карбас подплыл к деревянной пристани, поставленной на сваях между двумя амбарами.

Перед глазами молодого помора поднималась в обе стороны стена, сложенная из громадных валунов, с амбразурами и высокими сторожевыми башнями. Вдоль галереи, которая тянулась по всей стене, расхаживали вооруженные монахи; из амбразур высовывались бронзовые жерла пушек; всё было как в крепости, готовой к отражению неприятеля.

Из больших ворот вышли люди в черных одеждах; они двигались в сторону пристани

---

² Корги и луды – низкие каменистые островки, частично или полностью заливаемые приливной водой.

³ Губами на севере называют морские заливы.

медленно, и мостки прогибались под тяжестью их тел. Увидя монахов рядом с собой, молодой помор подивился, что все они такие рослые и здоровые и совсем не походят на изнеможенных постом и молитвами людей, какими он всегда представлял себе монахов.

Пришедшие начали разгружать карбас. Делали они это молча, не поднимая глаз. Каждый взял по одной цепи, после чего все, сопровождаемые сумским приказчиком, пошли обратно. Теперь они шли еще медленнее, и мостки еще больше под ними прогибались.

Молодой помор остался на пристани один. Он ожидал, что его поведут поклониться мощам Зосимы и Савватия, а затем определят в келью к кому-либо из «благочестивых старцев», – так ему об этом рассказывала его мать.

Тем временем солнце опускалось все ниже и ниже, – башни и верхушки церквей заливало багровым светом. Молодой помор увидел – с севера надвигалась большая туча. Вспомнив, что карбас остался непривязанным, он обмотал цепь вокруг сваи и снова стал терпеливо ждать. Туча быстро расширялась, закрывая большую часть неба.

За тучей наблюдал и сумской приказчик. Он провел монахов к Сушильной башне, где вплотную со стеной стояло небольшое каменное здание.

Навстречу вышли двое вооруженных монахов. Сумской приказчик взял у одного из них фонарь и повел принесших цепи по узкой лестнице сперва наверх, затем по длинному проходу, с обеих сторон которого выходили деревянные дверки с окошками, заделанными железными брусьями.

Пропустив монахов вперед, сумской приказчик подошел к одной из дверок. Убедившись, что за ним никто не наблюдает, он просунул руку между брусьями. Внутри каморы что-то звякнуло. Выдернув руку, он быстро отошел от дверки.

Монахи сложили цепи и все вместе спустились во двор. Туча в это время вплотную подступила к монастырю, в проходах между зданиями завыл ветер, гоня пыль и сухие листья. Сумской приказчик заторопился к пристани; он вспомнил, очевидно, что карбас остался непривязанным.

3

Молодой помор все еще ждал. Наконец кто-то вышел из ворот и издали поманил его. Молодой помор быстро направился к воротам. Он увидел юношу в подряснике, с волосами, спадающими до плеч, с большими выразительными глазами. Юноша внимательно оглядел прибывшего и объяснил, что зовут его Елисеем. В ответ молодой помор сказал, что его зовут Семеном. Семен хотел о многом расспросить Елисея, но тот указал на тучу, которая уже нависла над монастырем, – нужно было спешить.

Ворота, обитые толстыми листами железа, были раскрыты. Оба прошли под сводами и попали на широкий монастырский двор. Стражникам, которые вышли из каморы в стене, Елисей сказал, что послан отцом келарем за прибывшим, и молодого помора не задержали.

Увидя в глубине двора большую пятиглавую церковь, Семен спросил, – не там ли находятся моши преподобных святителей? Елисей посмотрел на него удивленно и объяснил, что моши преподобных святителей «почивают в храме рядом».

– Можно, я сбегаю им поклониться? – попросил Семен.

Ему хотелось как можно скорее выполнить данное его матерью обещание.

– Успеешь еще, – ответил Елисей. – Гляди, какая сейчас начнется буря!..

Действительно, туча вот-вот готова была обрушиться па монастырь снежным вихрем.

Елисей повел молодого помора к длинному каменному зданию в северной части монастыря, где оба и нырнули в узенькую дверку. Они спустились по истертym ступенькам и попали в сводчатый подвал. Над входом висел чадивший фонарь, едва освещая несколько рядов нар и сидевших на них людей. Топилась печка, из которой порывами ветра выкидывало дым. В подвале было холодно и сыро, пахло прелой одеждой.

Молодой помор спросил, зачем они сюда пришли. Елисей объяснил, что в этом подвале

живут те, кто явился в монастырь «по обещанию», мирские трудники, и добавил, как само собой понятное, что Семен тоже будет тут жить. Молодой помор поразился: совсем не такой он представлял себе жизнь мирских трудников в монастыре. Что ему теперь было делать?

Не успел он об этом подумать, как вдруг вспомнил, что сундучок свой оставил в карбасе, и сразу же сказал Елисею.

— Так сбегай же за ним, покуда не украли! — воскликнул тот с неподдельным испугом.

В другое время молодого помора удивило бы, что в монастыре могут что-либо украсть, но сейчас ему было не до этого: в сундучке лежала заботливо припасенная матерью теплая одежда.

Он выскочил из подвала. Туча к этому времени разразилась снежной бурей. С трудом разглядев, где находятся ворота, Семен побежал к пристани.

4

Узник в тяжелых кандалах лежал в своей каморе, стараясь не шевелиться: каждое движение причиняло боль. Он слышал, как завыл ветер — приближалась буря; узник провел в заточении уже не один год и знал, что осенью на Соловецких островах редко стояла тихая погода.

Немного погодя до узника донесся необычный шум: внизу в здание вошли какие-то люди. Шум усилился — люди, побрякивая цепями, поднимались по лестнице. Узник насторожился.

Люди были уже близко, и между брусьями дверного окошка мелькнул свет. Когда все прошли мимо каморы в дальний конец, свет внезапно приблизился к самому окошку. Между брусьями просунулась рука, и на полу что-то звякнуло.

Когда все стихло, узник спустился с лежанки. Длинными пальцами, с непомерно отросшими ногтями, он в темноте нашупал на каменном полу подброшенную вещь.

Это был ключ.

Не мешкая он вставил ключ в замок, освободил одну, затем и вторую руку. С ножными кандалами пришлось повозиться дольше — замки сильно заржавели. Освободившись от цепей, узник пополз к низко расположенному окошку. Изнутри окошко было закрыто деревянными ставнями. Раскрыв их, он легко вытащил железные брусья, которые уже давно им же были подпилены.

Узник высунулся из окошка: внизу никого не было. Над верхушками башен неслась темная туча, каждое мгновение могла начаться снежная буря. Спуск с мокрой стены станет невозможным.

Выбравшись из окошка, узник нашупал ногами выступы валунов, из которых была сложена стена. Цепляясь руками, он начал спускаться.

Переломав ногти и исцарапав ладони, беглец спустился почти до самого низа. В это время пошел снег. Стена стала мокрой, ноги потеряли опору, и рукам уже не за что было ухватиться. Случись это наверху, узник сорвался бы со стены, разбившись насмерть.

Сейчас он только соскользнул к подножию стены, отдавшись ушибами.

Беглец поднялся на ноги и, придерживаясь стены, двинулся в сторону Прядильной башни. Стена здесь сворачивала вправо, к главным воротам.

На открытом месте густой снег разносил ветром. Беглец разглядывал амбары у пристани и прятавшегося за ними человека, который время от времени взмахивал руками. Это мог быть только тот, кто подбросил ключ. Все шло как давно уже былоговорено.

Оторвавшись от стены, беглец бросился к пристани.

5

Ветер едва не сбивал Семена с ног. Стражники отсиживались в своей каморе, и в воротах молодого помора никто не задержал. На мокрых мостках он поскользнулся, но сумел устоять на ногах и побежал дальше.

На пристани он увидел сумского приказчика и еще какого-то старца в рваной одежде и с развевающимися волосами. Семен хотел сойти в карбас за сундучком, как вдруг за монастырской стеной ударили в набат. Семен подумал, что начался пожар. Сумской приказчик, лучше его понимая, в чем дело, кинулся отматывать цепь; старцу он велел прыгнуть в карбас.

Донеслись громкие крики, и Семен увидел выбежавших из ворот вооруженных монахов. Монахи кричали тем, кто находился на пристани, чтобы они не смели отплывать.

Семен не понимал, что все это значит. Тем временем сумской приказчик быстро отматывал цепь. Монахи бежали, высоко подняв оружие. Вдруг первый из них поскользнулся и упал пополам мостков. Второй хотел через него перескочить, но тоже не удержался на ногах. Остальные попадали на них. Это спасло беглецов.

Отмотав, наконец, цепь, сумской приказчик прыгнул в карбас и начал поднимать парус. Семен смотрел на барабанящихся монахов. Когда он обернулся, карбас плыл уже прочь от пристани.

Семен закричал:

– Сундучок мой!.. Сундучок мой отдайте!..

Карбас унесло в снежную тьму, а набежавшие монахи окружили молодого помора. Заломив ему руки за спину, они потащили его к воротам.

Пытаясь вырваться, Семен кричал:

– Пустите меня!.. В карбасе мой сундучок с вещами!.. Пустите меня!

В воротах Семен рванул с такой силой, что ему удалось освободиться. Выбежав на

монастырский двор, он увидел, как с двух сторон на звуки набата сбегаются монахи. Самому ему бежать оставалось только вперед, где никого еще не было.

Семен мгновенно пересек двор и оказался у входа в освещенную фонарями галерею. Обернувшись, он увидел, что преследователи совещаются. Когда же они направились в его сторону, Семен бросился по галерее. Здесь ему дорогу преградила высокая двухстворчатая дверь. Семен распахнул дверь и вбежал в полутемное помещение. Это была церковь. От неожиданности он остановился, снял шапку и перекрестился, затем начал осматриваться.

Церковь была небольшой. Четырехугольные столбы переходили в высокие своды. Напротив входа поднимался искусно вырезанный из дерева позолоченный иконостас, перед которым висели зажженные лампады. Пахло ладаном.

Сперва Семен увидел низкий помост; на нем стояли две гробницы, отделанные серебряными украшениями. Здесь, догадался Семен, лежали моши Зосимы и Савватия.

Семен решил, что сама судьба привела его в это место: теперь он сможет выполнить обещание, данное матерью, «поклониться преподобным соловецким святителям».

Не обращая внимания на столпившихся в дверях монахов (они не осмеливались войти в церковь с оружием), Семен опустился на колени. Он начал шептать молитву.

6

Ветер гнал карбас прочь от берега. Все слабее доносился набат, пока совсем не смолк.

Сумской приказчик сидел на корме, крепко ухватившись за румпель. Слух его был напряжен: только по грохоту волн он мог определить, где находятся подводные луды и камни.

Старец на коленях стоял посреди карбаса. Пытаясь пересилить вой ветра и грохот волн, он громко выкрикивал слова молитвы и размашисто крестился, складывая пальцы по-раскольничьему – «двумя перстами».

Благополучно проведя карбас мимо мелких островков, сумской приказчик повернулся в сторону кемского берега, который был ближе всего. Через несколько часов из темноты снова донесся грохот разбивающихся о камни волн. Сперва удавалось лавировать, затем раздался сильный треск. Ударившись о скалу, карбас накренился и стал наполняться водой. От удара оба вывалились в воду, – сумской приказчик только успел схватить сундучок.

Глубина здесь была уже небольшой; они побрали по пояс в воде. Сумской приказчик нес сундучок на голове. Насквозь промокшие, выбрались они на берег. Старец едва стоял на ногах. Но сумской приказчик заставил его следовать за собой: находиться здесь, невдалеке от монастыря, было опасно. Сам он вскинул сундучок на спину и, согнувшись, пошел вперед.

7

Почувствовав, что к нему прикасаются, Семен обернулся. Перед ним стоял высокий старик в длинной мантии и клобуке. В руках он держал посох; лицо его было сурово. Семен решил, что это кто-либо из монастырских «благочестивых старцев». Он поднялся на ноги и, сложив, как полагалось, руки, попросил благословения.

Последовал строгий вопрос:

– Как, отрок, слагаешь персты?

В Нюхотской Волостке, где родился и вырос молодой помор, люди были раскольниками, – с детства Семен был выучен креститься «двумя перстами». Но в монастыре нужно было креститься по-другому, по-никониански – «тремя перстами». Он так и поступил.

Дав благословение, старик осведомился:

– За каким делом, отрок, явился в обитель?

– Поработать на Зосиму и Савватия...

Так полагалось отвечать каждому, кто «по обещанию» явился в монастырь. Старик спросил молодого помора, как его зовут, откуда он явился и на сколько времени дал обещание поработать на Зосиму и Савватия. Молодой помор все объяснил.

Он сын Ивашки Поташова, кузнеца из Нюхотской Волостки; зовут его Семеном. Отец умер, когда Семену не было еще тринадцати лет. С того времени он ходит на судне Терентия Поташова, братана⁴ его отца, на промысел. Этим летом судно не могло дойти до Мурмана, на лов трески: началась война со свеями⁵, и царским указом запретили выходить через горло Белого моря. Судно направилось в Кандалакшский залив, на лов сельди. К осени, когда начался ход семги, перешли к устью Варзуги. Во время бури много карбасов опружило⁶, погибли и люди. Утонувшим сочли и сына Ивашки Поташова, о чём передали в Волостку. Но Семен двое суток продержался на днище карбаса, и его возле Унских Рогов спасли пертоминские рыбаки. Пешком он добрался до Волостки, где узнал, что мать дала за него обещание: если сын вернется живым, отправить его в монастырь поклониться мощам Зосимы и Савватия и год поработать в монастыре мирским трудником...

Старик вглядывался в лицо молодого помора: Семен удивительно походил на человека, которого он хорошо знал в свои молодые годы.

А Семен продолжал рассказывать.

...Нужно было еще до зимы попасть в монастырь. Собрался в дорогу и на вторые сутки пришел в Сумской Острог. Терентий Поташов велел разыскать монастырского приказчика, с которым вел торговые дела, чтобы тот помог. Приказчик в это время сам отправлялся в монастырь и взял его с собой.

Старик спросил, где теперь этот приказчик, по какой причине Семен вернулся на пристань и что произошло у карбаса. Семен рассказал про сундучок с вещами и про всё то, что произошло у карбаса, когда он за сундучком вернулся...

– Правду ли говорит мне Семен? – спросил старик.

– Истинную правду! – воскликнул молодой помор.

И, сложив пальцы, как в монастыре полагалось, он перекрестился.

⁴ Братан – двоюродный брат.

⁵ Свеями называли в те времена шведов.

⁶ Опружило – перевернуло.

Старик осведомился, какое ремесло знает Семен. На это молодой помор ответил охотно. Он умеет рыбачить, знает промысел морского зверя, может провести судно из Белого моря на Мурман, – зимой он промышлял белку и куницу в отрогах Ветреного Пояса. Да ко всему этому отец начал обучать кузнечному делу.

Молодой помор вновь упомянул про отца, который был кузнецом, и старик еще внимательнее посмотрел на него. Человек, которого так напоминал молодой помор, тоже был кузнецом.

Наконец Семен добавил, что «знает счет и вразумлен грамоте», – этим он всегда гордился.

- Кто вразумил тебя грамоте?
- Покойный отец.
- Как, сказал ты, звали отца?
- Ивашкой Поташовым.

Такого имени старик не помнил. Монастырь вел торговые дела в Нюхотской Волостке с Терентием Поташовым, тамошним «лучшим промышленником», но Терентий Поташов не был отцом Семена.

– Следуй, Семен, за мной, – приказал старик.

Монахи, столпившиеся в дверях, расступились. На плечи старика накинули меховую шубу, а один из монахов пошел вперед, светя фонарем.

Буря пронеслась; монастырский двор был усыпан снегом, на котором ясно отпечатывались следы. Вслед за стариком Семен поднялся по лестнице большого деревянного дома, выстроенного вдоль стены, выходившей к губе Благополучной. Здесь, сбросив шубу на руки монаха, старик велел Семену подождать и скрылся за тяжелой завесой.

Ждать пришлось недолго. Не успел Семен как следует разобраться во всем, что с ним случилось, вернулся монах и сказал:

– Ступай, отрок; отец настоятель поджидает тебя в келье.

Слова эти Семена поразили. Настоятеля Соловецкого монастыря, архимандрита Фирса, на Белом море хорошо знали. Никониане считали его «святым человеком», а раскольники называли «пособником царя-антихриста»... Но времени на раздумье не оставалось. Он смело шагнул в келью.

Настоятель сидел в глубоком кресле. Старик был без мантии и клубка, в шелковом подряснике и бархатной скуфейке. Сейчас его лицо уже не казалось суровым.

Семен сдернул с головы шапку, и до слуха его донеслись удары маятника. Он оглянулся и увидел высокие часы с большим циферблатом и замысловатыми стрелками, стоявшие в простенке.

– Семен сказал мне, – проговорил настоятель, – что разумеет грамоте?

Не зная, как ответить, Семен утвердительно кивнул.

– Подойди к столу, там найдешь все, что требуется для письма.

Пол был покрыт мягким ковром. Ступая по нему, Семен осторожно переставлял ноги, боясь что-либо задеть: привык ходить широко расставляя ноги и покачивая плечами. Он подошел к столу, который стоял рядом с большим глобусом, окруженным медными обручами. На столе он увидел медную чернильницу, листки бумаги, гусиные перья и чашку с мелким песком.

Напротив стола топилась большая печка, обложенная белыми плитками и с широкими медными дверцами, которые были распахнуты. Почувствовав себя увереннее, Семен размашисто скинулся куртку, но, не зная, куда ее положить, опустил вместе с шапкой на пол.

Оставшись в вязаной рубашке из гагачьего пуха, Семен присел на край стула. Он очинил перо своим острым рыбачьим ножом, взял листок бумаги и пододвинул чернильницу. Руки у молодого помора, видел настоятель, были длинные, ладони широкие, пальцы грубые, однако он ловко управлялся с письменными принадлежностями.

Настоятель поднялся и подошел к сундуку, украшенному коваными узорами, вынул

небольшой свиток и сказал:

— Пиши, что буду говорить.

Развернув свиток, настоятель начал читать. Никогда еще Семен так тщательно не выводил буквы. К тому же ему впервые приходилось писать на такой дорогой бумаге. От напряжения он высывал кончик языка, а на лице у него выступила испарина. Настоятель за ним внимательно наблюдал.

Поставив последнюю букву, Семен облегченно вздохнул: все он сделал так, как учил отец. Настоятель взял листок и начал сличать с тем, что было написано в свитке.

В это время из печки на широкий медный лист вывалились уголья. Семен подскочил к печке и, присев на корточки, стал кидать уголья обратно, и это он делал ловко, не обжигая пальцев.

Взятый из сундука свиток был одной из тех «грамоток», какие рассылали более двадцати лет назад по всему Беломорью засевшие в Соловецком монастыре раскольники. Сличив написанное Семеном с тем, что было в свитке, настоятель увидел, что оба текста словно выведены одной рукой.

Молодой помор в это время удивленно разглядывал позолоченную люстру с зажженными свечами. Его поражало и то, что в окна вставлены стекла, а не бычий пузырь, как в крестьянских избах, или, как в избах богатеев, — кусочки слюды.

Настоятель опустился в кресло, и Семен услышал:

— Семен сказал мне, что отец его проживал в Нюхотской Волостке. А может быть, отлучался куда Ивашко Поташов?

Мать рассказывала Семену, что отца до женитьбы долгое время в Волостке не было. «Но откуда, — подумал он, — настоятелю это известно?»

— Рассказывал Ивашко своему сыну, как воевал он со святыми? — продолжал настоятель.

— Рассказывал...

— А про град Москву, где проживает государь?

— Рассказывал...

— А про то, как промышлял на Волге?

«И это знает настоятель», — подумал Семен, все больше и больше изумляясь.

— Что говорил Ивашко про государева вора и разбойника Стеньку Разина?

На Белом море можно было часто услышать рассказы о том, как казацкий атаман побивал царских воевод. Даже песни об этом складывали. Но никогда не слышал Семен о Степане Разине от отца.

— Про Соловецкую обитель Ивашко рассказывал?

— Рассказывал...

— А про то, как в обители заперлись против государевой воли раскольники?

О том, как царские воеводы осаждали монастырь, на Белом море всем было хорошо известно. Но Семену отец этого ни разу не говорил.

— Что Ивашко рассказывал сыну про диких людей, проживающих на Мурмане?

Семен перестал изумляться: настоятель про его отца знал всё. После недолгого молчания старик сказал: «Слушай».

Семен остался на полу у печки; настоятель продолжал сидеть в кресле. И вот что услышал Семен.

Ивашко Поташов не пошел, как большинство людей Волостки, промышлять в море. Не стал он и работником в монастырских усольях⁷. Пристрастился с детства Ивашко к кузнечному ремеслу, достигнув в этом деле большого умения. Послала обитель Ивашку в Сумской Острог делать стрельцам оружие, — тогда тоже шла война со святыми. Научился там

⁷ Усолями назывались деревни, в которых жители занимались вываркой соли (из морской воды или соляных колодцев).

Ивашко делать оружие огневого боя⁸ и отправился со стрельцами на войну, хотя его к этому никто не понуждал. Война кончилась; следовало Ивашке вернуться в Волостку: был он монастырским крестьянином, и обитель выплачивала за него государевы подати. Только соблазнился Ивашко волей, ушел со стрельцами в Москву. А на Москве в ту пору мастеровых разных ходило более чем было потребно. Начал Ивашко голодать, но в кабалу к боярам за кусок хлеба не пошел. Случился на Москве большой бунт. Не раз царские соглядатаи замечали среди бунтовщиков Ивашку Поташова. Правда, назывался он в Москве чужим именем. Когда бунтовщиков разогнали, бежал Ивашко на Волгу. Там разбойничал казацкий атаман Резин. А как отрубили атаману голову, сумел Ивашко скрыться. Проведал он, что на Белом море в Соловецкой обители заперлись раскольники и не пускают к себе царского воевода. Назвался в обители Ивашко уже третьим именем. Писал он здесь грамотки, которые, раскольники рассыпали во все стороны. Не плохо писал – до сих пор ходят эти грамотки по рукам. Как увидел Ивашко, что стрельцы ворвались в обитель, не стал дожидаться, пока воевода прикажет повесить его или утопить в проруби, – по взломанному льду сумел перебраться на Кузова, а оттуда к Кемскому берегу. Скрылся Ивашко среди диких людей. Доверчивые они, не спрашивают, кто откуда пришел. Но заскучал с ними Ивашко и вышел на Мурман. Встретил своего братана Терентия Поташова, промышлявшего в ту пору треску. Взял «лучший промышленник» Ивашку с собой в Волостку – нужен ему был умелый кузнец. Розыск бунтовщиков вели и в Нюхотской Волостке, да никто не знал настоящего имени Ивашки. Так и остался государев вор и разбойник Ивашко Поташов неразысканным. Вскоре женился он в Волостке, и родился у него сын...

Слушая все это, Семен не сводил глаз с настоятеля. Лицо старика сперва ожижилось, словно рассказывал он не про другого человека, а о том, что с ним самим происходило. Но к концу рассказа лицо настоятеля стало суровым.

Настоятель поднялся на ноги и, глядя в упор на Семена, проговорил:

– Что взять с Ивашки, – помер он. А вот сын его пошел по отцовскому следу – с ворами связался!.. Вот кликнет сейчас настоятель стражников, и потащат Семена в подземелье!..

Семен не знал за собой никакой вины, потому и не испугался угрозы настоятеля.

Среди наступившей тишины до него снова донеслись удары маятника. Проходили секунды, минуты, а настоятель не звал стражников.

И Семен услышал:

– Подойди ко мне.

Сказал это старик уже не так сурово. Молодой помор повиновался.

– Погляди мне в глаза.

Семен вскинул голову – он никогда не боялся смотреть людям в глаза, даже когда был в чем-либо перед ними виноват.

Старик проговорил уже совсем мягко:

– Останется Семен в обители, отработает обещанное на Зосиму и Савватия. Берет его себе настоятель в келейники, – нужен настоятелю грамотный помощник...

Семен сразу понял, что хотел всем этим сказать настоятель.

А тот продолжал:

– Придет время, – отрок примет монашеский чин и навсегда скроется от мирской суеты в обители...

Семен начал догадываться, о чем говорит старик. Он хотел было возразить, что в монахи не собирается, но настоятель повернулся к завесе и хлопнул в ладоши.

Появился монах; настоятель приказал ему:

– Отрока поселить в келье под лестницей; остается он при настояtele келейником. Отцу келарю сказать, чтобы выдал отроку чистую одежду, незаплатанную. Кормиться отрок будет в трапезной обители.

---

⁸ Оружие огневого боя – огнестрельное оружие.

И, повернувшись, заключил:

– Ступай теперь, Семен; настоятель нуждается в отдыхе.

Не разбирай ступенек, Семен спускался вслед за монахом в отведенную ему келью. Он только сейчас понял, что с ним произошло. Как же, думал Семен, быть ему теперь с Дарьей, которая обещала выйти за него замуж? Ведь монахам жениться не полагается...

Перед тем как отправиться в монастырь, Семен спросил Дарью, будет ли она ждать его возвращения. Больше всего он опасался, чтобы ее не выдали за Кирилла, сына Терентия Поташова, считавшегося в Волостке самым богатым женихом. Дарья подтвердила, что ни за кого, кроме Семена, замуж не пойдет. Это она подарила ему на дорогу расписанный цветами сундучок. Если бы Семена спросили сейчас, что с ним дальше будет и когда ему удастся жениться на Дарье, он едва ли сумел бы на это вразумительно ответить.

8

Настоятель оставался некоторое время один. Казалось, он заснул в кресле. Но, едва в келье появился человек в промокшей одежде и забрызганный грязью, настоятель открыл глаза.

Вошедший был еще не старым, небольшого роста, сухощавым человеком, с четкими в руках. Настоятель на него вопросительно посмотрел, и келарь монастыря заговорил:

– Раскольничий старец Пахомий, заточенный у Сушильной башни по приказу государя Петра Алексеевича, спустился по стене. Ключ от кандал ему подбросил сумской приказчик, тайно переметнувшийся к раскольникам. Еще раньше старцем были подпилены брусья в окошке. До того как поднялась тревога, беглецы попали на пристань. Карбас уплыл так быстро, что его в темноте не удалось догнать. За беглецами в Кемский Острог, на Орловский мыс, острова и побережье наряжены сыскивать люди. Прикажи – с рассветом отправятся. Еще надобно оповестить всех в усольях, промыслах, пристанях и подворьях. Случится беда, коли беглецы доберутся до Выгорецкого скита к братьям Денисовым⁹...

– Никуда людей не отправлять, беглецов не ловить, – спокойно проговорил настоятель
– А доберется Пахомий до Денисовых, нам только на руку: будем знать, где искать, да и государь Денисовым этого не простит.

Келарь спросил:

– Куда заточить схваченного отрока?

– Отрок остался при настояtele келейником.

Келарь давно уже отвык удивляться. Настоятель больше ничего не сказал, и келарь подошел под его благословение.

Спускаясь по лестнице, келарь обдумывал, как бы ему, ловчее использовать бегство раскольничего старца во вред архимандриту. Он считал, что настоятелем монастыря избрать должны были не Фирса, который был казначеем, а его, келаря. С того времени он и начал составлять иззветы на архимандрита. Только келарь не знал, что избрание Фирса было указано самим государем.

9

Наступило утро. Сумской приказчик всю ночь с сундучком на спине двигался по лесу. За ним, совсем обессилен, брел старец Пахомий. Несколько раз они подолгу отдыхали, наконец вышли на тропку, огибавшую озерко.

⁹ Келарь упомянул здесь про раскольничью обитель на реке Верхнем Выге, где всем заправляли братья Андрей и Семей Денисовы.

Отойдя далеко от морского берега, беглецы уже считали себя в безопасности. Но внезапно дорогу преградил человек огромного роста, с обросшим волосами лицом и рваными ноздрями. За спиной у него висело ружье.

Больше всего беглецов поразило, что стоял этот человек на коротких, к тому же кривых, ногах, что совсем не вязалось с его громадным ростом. От такого человека им было не уйти.

Но и для коротконогого великана встреча оказалась неожиданной. Что-то бессвязно залопотав, он сдернул с головы меховую шапку и начал испуганно креститься.

Человек этот крестился «двумя перстами», по-раскольничьему. Сумской приказчик снял с плеча сундучок, спокойно поставил его на землю и тоже, перекрестился «двумя перстами».

ГЛАВА ВТОРАЯ СЕРЖАНТ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКА

1

Подоив корову, Дарья всю ее обтерла мхом и наложила полную кормушку травы. Заперев коровник, поднялась на поветь¹⁰. Отсюда, скинув сапоги, она подошла к двери в жилую избу.

За дверью разговаривали. Девушка услышала тихий голос своей матери и громкие выкрики жены кормщика Гришки Гореликова, которую в Волостке знали как первейшую сваху.

Девушка поняла, что говорят про нее. Сваха уговаривала выдать Дарью за Кирилла Поташова. Она не скучилась на посулы: так, мол, и так хорошо станет, коли выйдет Дарья за Кирилла. Но сына «лучшего промышленника» она расхваливала не за его собственные достоинства, а за богатство отца. При этом сваха перечисляла имущество Терентия Поташова: дом у него большой на острове («Ни у кого в Волостке такого дома нет»), две двухмачтовые лоды («Одну посыпает на промысел, на другой сам хозяин развозит по Белому морю товары»), полные клети соли и муки («Мука крупичатая, соль нёнокская¹¹», первейшая по всему поморью»), запасы соленой и сущеной рыбы («Треска норвежского посолу, сёмушка варзугская¹²»), сундуки со всякой рухлядью («Телогрейки парчовые, шубы лисьи да куньи, сколько одних оленевых постелей, а сарафанов да всякой бабьей справы – видимо-невидимо»), стойла полны скотиной («Коровки комолые, холмогорские, лошадки мезенские, бык огромадный, заморский, с кольцом в носу, а овец, тех даже с трудом пересчитывают»), – кроме того, добавляла сваха: «Сам парень любит девушку, как то ему и полагается»...).

Мать ответила, что дочь «обещана Семену». Тут сваха пустилась честить молодого помора. И такой же непутевой он, каким был его батька, и не выбраться никогда ему в «лучшие промышленники» – не то у парня на уме, да и вернется ли еще он из монастыря: люди сказывают, что его там схватили да в подземелье кинули.

Дальше сваха запричитала:

– Ох, тошнехонько, наступили тяжелые времена, никогда еще худо так не было!.. Царь

---

¹⁰ Поветь – сарай для хозяйственных надобностей, поставленный над скотным двором, вплотную примыкающий к жилому дому.

¹¹ Село Нёнокса на побережье Онежского залива Белого моря славилось самой лучшей на севере солью, которую вываривали из соляных колодцев.

¹² Река Варзуга на Кольском полуострове и в настоящее время славится семгой.

завел войну со свяями – промысла у рыбаков больше не стало!.. Как управиться теперь одинокой бабе с хозяйством?.. Начнет дождаться, а там, глядишь, коровку со двора сведут... Потом заберут за долги и избенку – по людям придется ходить... Ох, тошненоночко, наступили тяжелые времена!.. А вот как станешь сватьей¹³ «лучшего промышленника», – ни в чем не будет недостатка!..

Все это Дарья слышала уже не в первый раз. Отец у нее «помер без похорон», – утонул во время промысла, когда ей было еще мало лет. Мать одна вырастила дочь. Дарья знала, что мать охотно выдала бы ее за богатого Кирилла Поташова, да не хотела дочь неволить. Сама она пошла замуж за человека вдвое ее старше, которого впервые увидела только во время свадьбы. Кирилл же был не только богатым, но и красивым парнем. Кирилл Дарье не нравился – он постоянно бражничал и при встречах норовил ее обнять.

Нечаянно услышав разговор матери со свахой, Дарья встревожилась; ей показалось, что на этот раз мать не так уверенно отказывает свахе. «А вдруг мать даст согласие?»

По обычаям того времени, дочь не могла противиться матери, и Дарья вынуждена будет стать женой Кирилла.

Девушка вернулась на поветь и обулась, затем повязала платок и, стараясь не стучать сапогами, выбралась на улицу. Она побежала в нижнюю часть Волостки, где жил Фаддеич.

Фаддеич был крестным Семена. Умирая, Ивашко Поташов просил его не оставлять сына без поддержки. Ивашко был кузнецом, Фаддеич с измальства пошел на промысел. Долгое время в Волостке его не видели. Говорили, что бурлацил он на Двине, перевозя из Архангельска в Вологду монастырскую соль. Передавали еще, что встречали его в устье Печоры и на Новой Земле; говорили также, что бунтовал он с кижскими крестьянами против заводчика Бутенанта¹⁴.

Была у Фаддеича поставлена на берегу, где река суживалась, маленькая избенка, но в Волостке он и теперь подолгу не оставался. Никто не знал, куда и для чего отлучался Фаддеич: было у него затаенное от всех дело.

Встретил как-то Фаддеич человека, который лежал при смерти. Дал слово Фаддеич его похоронить как полагается, и человек этот передал ему план золотого рудника. Всю жизнь искал помиравший человек золото, да так и не нашел. На плане все было правильно обозначено: и берег реки, впадающей в озеро, и где золотая жила выходила – загребай сколько хочешь золота голыми руками. Только одного не было указано – где этот рудник находится. Был он, быть может, на Печоре или где-нибудь на Онежском озере; может быть, даже в Сибири, за Камнем¹⁵, а может быть, и совсем близко от Волостки, в отрогах Ветреного Пояса. Сколько ни старался, не мог найти золотого рудника и Фаддеич. Зато выучился он во время странствий петь былины да рассказывать сказки. А лучшего свата или дружки не было теперь по всему поморскому берегу, от Кеми до самого Архангельска. Как собираются, бывало, рыбаки вокруг Фаддеича, и начнут просить, чтобы рассказал он про царя Петра; знали, что Фаддеич был гребцом на карбасе, когда царь плыл из Вологды к Белому морю. И расскажет Фаддеич, как на одной пристани переходил царь через лодку горшечников. Запутался царь в своих длинных ногах и грохнулся прямо на горшки, ни одного не оставил целого. Горшечники плыли на ярмарку и принялись на чем свет стоит ругать царя. Тот заплатил за разбитые горшки, но не больше того, что они стоили, да еще отчаянно торгуюсь. Много еще знал Фаддеич разных историй.

Затем попросят спеть былину про Петра, – заведет Фаддеич:

---

¹³ Мать жены в отношении отца мужа – сватья.

¹⁴ Московское правительство пыталось наладить в северной части Онежского озера выплавку медной руды, для чего был выписан иноземец Бутенант. Для работы на заводе приписывались крестьяне окрестных деревень.

¹⁵ За Уралом.

«По новым царь ходил по корабликам;
На них плавал царь по морюшку,
По морюшку да по студеному...
Плавал ко Архангельскому городу.
Да и был царь-то плотничком,
В руках своих держал царь топорик,
На ладонях набил царь мозолюшки...»

Но никто и не знал, что сложил эту былину сам Фаддеич.

* * *

Пробежав часть пути, Дарья остановилась, – навстречу приближалась ватага парней. Это были вернувшиеся с летнего промысла молодые рыбаки. Гиканье, свист, притоптывание разносились по всей Волостке. Старики говорили: «Молодые гуляют» – и не осуждали: в свое время делали то же самое.

Парни появились из-за угла и увидели девушку. Дарья могла бы повернуть назад, но не хотела, чтобы думали, будто она испугалась.

Парни были наряжены в вывернутые тулупы, бабы сарафаны, на лицах у них раскрашенные берестяные хари, а сзади прицеплены хвосты из мочала. Один из них представлял Аркашку-Шалберника, нюхотского попа, который постоянно предавался хмельному упиванию, – на парне рогожная риза, в руках лапоть на веревке. Другой представлял «хозяина». На нем под одеждой напихано всякое тряпье, отчего парень казался непомерно толстым. Так нарядился сам Кирилл Поташов, в отместку отцу за то, что тот не дал денег на вино.

Вокруг «хозяина» уивались парни в черных сарафанах, вырядившиеся бабами-раскольницами; они гнусаво выкрикивали, что «наступили последние времена», а раз так, то пускались в пляс под пиликанье гудка и отчаянные звуки берестяных дудок.

Кирилл подскочил к Дарье. Берестяная харя с его лица съехала. Увидев Кирилла, Дарья оробела. Он потянул девушку за руку к себе, и Дарья ощущила его пьяное дыхание.

Но вдруг пальцы Кирилла разжались. Девушка подняла глаза и увидела высокого мужчину в диковинном зеленом мундире с красными отворотами, в треугольной шляпе и с пистолетом за поясом. Незнакомец этот держал Кирилла за шиворот. Заметив, что девушка на него смотрит, незнакомец отшвырнул Кирилла и, скинув шляпу, вежливо девушке поклонился. Лицо у него было веселое, давно не бритое. Дарья увидела, что еще двое в таких же мундирах гонят прочь парней. Тут же стояли оседланые лошади, на которых все трое приехали.

Дарья даже не поблагодарила своего защитника и побежала дальше. Незнакомец рассмеялся. Когда Дарья скрылась за углом, он надел шляпу и повернулся к Кириллу, но того уже не было: он удирал к мосту, перекинутому на остров, к дому Терентия Поташова.

Незнакомец позвал своих спутников, и все трое, взяв под уздцы лошадей, направились в ту же сторону.

Дарья, не оглядываясь, бежала к Фаддеичу.

В самой середине Волостки река огибалась островом, на котором стоял единственный дом. Сложен был этот дом из толстых, потемневших от времени бревен, доставленных водой с отрогов Ветреного Пояса. Спереди дом походил на сторожевую башню; сзади к нему примыкал длинный скотный двор с поветью. Маленькие окошки были обрамлены резными наличниками.

Хозяин дома, Терентий Поташов, проживал в верхних горницах. Были они просторными, но с низкими потолками. Бревенчатые стены были гладко оструганы, полы покрыты половиками.

Обувь полагалось скидывать в нижней части лестницы и подниматься наверх босиком или в шерстяных чулках.

В самой большой горнице, кроме стола, двух скамей со спинками и кросна – домашнего ткацкого стана, – ничего не стояло.

На полках, под самым потолком, расставлена деревянная посуда. Передний угол занимали иконы с зажженными перед ними лампадами. Печь топилась по-белому¹⁶, чего не было в большей части домов Волостки. В горнице чисто, но душно; маленькие слюдяные окошки никогда не открывались: зимой хозяева боялись холода, летом – гнуса.

На столе лежат рукописные свитки и толстая книга в деревянном переплете; тут же счеты с разноцветными костяшками.

За столом сидит лысый, грузный и одутловатый мужчина. Под ним овчина шерстью наружу. Его вылинявшие усы и борода кажутся мокрыми. Короткими пальцами, с изъеденными морской солью ногтями, человек этот хватает один свиток за другим, перекидывает страницы книги и щелкает костяшками на счетах. Время от времени он откидывается на спинку скамейки и отдыхает: ему тяжело дышать. Это Терентий Поташов – «лучший промышленник» Волостки.

Между столом и дверью стоит человек небольшого роста, щуплый, с одним глазом (второй выбили во время драки) и выкрошенными цингой зубами. Это Гришка Гореликов, лучший нюхотский кормщик.

Терентий Поташов и Гришка Гореликов подводят итоги летнего промысла. Для них это всегда трудное дело: «лучший промышленник» за всю свою жизнь не выучился как следует грамоте и плохо считал, а Гришка остался и вовсе неграмотным. Оба считают уже третий день. Но главное, что удручило хозяина, – итог был не в его пользу, и так уже второй год подряд. Терентий Поташов видел, что прошли те счастливые времена, когда рыбу и морского зверя легко было сбывать если не своим, так иноземным скупщикам. Теперь даже беломорскую соль брали неохотно. Рыбу же хоть выкидывай обратно в море. Терентию Поташову было известно, что война со святыми закрыла выход из Белого моря и что неприятель сделал попытку напасть на Архангельск, а также пожег много рыболовецких становищ на побережье. На самом Белом море промышлять стало тесно, а если еще пристанешь к какому-либо острогу, стражники снимут всех с судна (так, мол, приказал государь, нужны ему люди для постройки кораблей), – едва денег хватит, чтобы откупиться. Даже соловецкий архимандрит, «лиса Фирс», как звали его заглазно, объявил, что больше платить за перевозку товаров не будет; если хочешь, так «поработай на Зосиму и Савватия». Терентий Поташов знал, что хоть двести лет просуществует еще монастырь на накопленные богатства, а архимандриту все мало.

Трудно было «лучшему промышленнику» и без Семена, – уже два года как молодой помор находился при нем приказчиком. Но мать отправила сына в монастырь, за что Терентий Поташов на нее рассердился: словно нельзя было повременить, и без того вернулся бы Семен, – не такой он человек, чтобы взять да так просто и утонуть; и будто так уже

---

¹⁶ В большинстве изб того времени печи топились «по-черному»: дым выходил через отверстие в потолке избы.

нуждаются в нем Зосима и Савватий. Ему, «лучшему промышленнику», Семен куда больше нужен!..

Когда Терентию Поташову приходили в голову такие богохульные мысли, он испуганно оглядывался на иконы, – там во весь рост, и со строгими ликами, были изображены «преподобные святители». Как и все поморы, Терентий Поташов ревностно почитал Зосиму и Савватия. Они были, в его представлении, ходатаями перед богом, обязанными заботиться, чтобы ему, «лучшему промышленнику», во всем была удача. Когда же начиналось невезенье, он не только задувал лампадки, но и поворачивал иконы ликами к стене. Но сейчас, «некорошо подумав про святителей», он поспешно перекрестился; то же самое сделал и Гришка Гореликов.

Был еще Терентий Поташов в обиде на своего сына Кирилла. Сколько лет посыпал его на промысел с Гришкой, сколько раз брал с собой, но ничего путного не выходило. Ничему Кирилл учиться не пожелал, рассчитывая на богатство отца. И еще упрямо забил себе в голову, что женится на Дарье. А Терентий Поташов решил женить сына на дочке колежомского промышленника; за девкой давали много приданого; у него уже и соглашение было с ее отцом. То, что девка крива на один глаз, не беда. На Дарье Терентий Поташов решил женить Семена; как из монастыря вернется, так и быть свадьбе. Оба они бедняки; на первое обзаведение даст им в долг денег, и оба будут на него всю жизнь работать.

Кроме Терентия Поташова и его кормчика, в горнице находилась немолодая женщина, сестра хозяина, Евпраксия. Обличьем она походила на брата. Одетая во все черное, Евпраксия сидела сейчас за кроснами.

Дверь на лестницу отворилась, и в горнице вошла еще одна женщина. Это была Анна, их младшая сестра. В отличие от них, она небольшого роста и худощавая, Анна что-то сказала брату, и тот сделал в книге отметку ногтем. Терентий Поташов давал под заклад деньги, и в этом ему помогала младшая сестра. Анна подала брату тяжелый ключ от клети, где хранились полученные в заклад вещи, и отошла помогать сестре.

Терентий Поташов просмотрел последний свиток, захлопнул книгу и, сбив костяшки на счетах, откинулся на спинку. Он вытер вспотевшее лицо полотенцем, лежавшим на коленях. Евпраксия что-то сказала Анне; та вышла и вернулась со жбаном холодного кваса. Терентий Поташов жадно выпил и снова обтерся; дышать ему стало после этого легче.

Затем хозяин приказал Гришке отыскать Кирилла – хватит ему бражничать с парнями. В ответ Гришка низко поклонился. Ему было уже без малого пятьдесят, но, как он ни пытался сам выйти в «лучшие промышленники», ничего не получилось, хозяин не выпускал из долгов. Сам же Гришка считал, что все богатство хозяина нажито его, кормчика, руками. Терпел от него унижение только потому, что надеялся на скорую смерть Терентия Поташова, – вот тогда он заберет Кирилла в руки и все денежки перейдут к нему. Он и Кириллу обещал женить его на Дарье.

Еще Гришка Гореликов считал, что Семен стоит ему поперек дороги. Семену было тринадцать лет, когда попал он к Гришке на судно зуйком. И не было такой работы, какой Гришка не наваливал бы на Семена. А когда тот с делом неправлялся, бил его. Хозяйский сынок тоже плавал зуйком, но бездельничал. Заставляя Семена все делать, Гришка тем самым его всему обучал. Но чем больше он над ним издевался, тем упорнее становился характер Семена. Когда же Семену уже нечему у него было учиться, Гришка еще больше его возненавидел. Только бить его теперь не смел, – Семен мог дать сдачи.

Гришка Гореликов ушел, кланяясь, и в разговор вступила Евпраксия. К ней приходили раскольники, и она всегда обо всем знала.

Евпраксия рассказала, что из Соловецкого монастыря убежал старец Пахомий.

– Разбил оковы, спустился со стены и уплыл во время бури в карбасе, – объяснила она. Терентия Поташова это неприятно поразило: старец Пахомий проповедовал самосожжение, и, когда его упрытали в монастырь, «лучший промышленник» в душе остался доволен: не станет старец больше смущать людей.

Бежать старцу помог, рассказывала Евпраксия, монастырский приказчик из Сумского

Острога. Он давно уже тайно предался расколу. Оба теперь скрываются неподалеку от Волостки, выжидая, когда Денисовы пустят в Выгорецкую обитель. С ними Коротконогий, тот самый раскольник, с выдранными ноздрями и без языка, что бежал, когда его гнали на каторгу в Сибирь.

Терентий Поташов снова всполошился: с сумским приказчиком он вел торговые дела. Он всегда удивлялся, почему тот ему никогда не перечил, даже если дело шло в убыток монастырю. «Что же ты мне раньше не сказала, что он раскольник!» – попрекнул он сестру. Но Евпраксия сама этого не знала.

Затем Евпраксия заговорила про царя Петра, который «вконец предался чужеземцам». Царь приказал носить «кургузое немецкое платье», стрижет боярам бороды, сам казнит преступников, а деньги переплавил, отчего деньги стали фальшивыми; к тому же царь «тянет дьявольское табачное зелье, от святых отцов проклятое», в пост ест скромное...

Терентий Поташов всерьез забеспокоился: он знал, что бывает за подобные разговоры... Кликнет кто-либо на Евпраксию государево «слово и дело», – станут ее стегать плетьми, язык вырвут и сошлют в далекую Сибирь, а с ней и тех, кто слышал ее воровские слова, да вовремя не донес.

Но Евпраксия не унималась; лицо ее от возбуждения пошло красными пятнами. Она сказала, что на Москве объявился книгописец Григорий Талицкий, который «указывал в своих тетрадках, что царь Петр – антихрист. Талицкого пытали, а он все на своем: Петр – антихрист»¹⁷...

– Да погоди ты, беду на всех накличешь! – пытался урезонить ее брат.

– Чего годить-то! – разошлась раскольничья начетница. – У царя ведь ноги-то коровьи, а щеки бритые, что у кота... Царь мечется, будто бешеная собака, да головой все вертит!..

– Да замолчи ты, наконец-то! – крикнул перепуганный Терентий Поташов. – Про кого говоришь: про царя ведь!..

– Нет у нас царя! – завопила в ответ Евпраксия. – Царя чужеземцы подменили!.. Царь своих людей казнит, а чужеземцев жалует!.. Какой же это царь? На Москве скоро начнется большое смятение: свойский король явится, настоящего царя вернет, что сейчас в Стекольне скрывается!¹⁸

Терентий Поташов едва не задохнулся. Пока младшая сестра снова бегала за квасом, Евпраксия продолжала честить «царя-антихриста».

В это время к дому на острове подошли, ведя под уздцы лошадей, трое в военных мундирах. Двое были солдатами, третий – в чине сержанта.

Солдаты остались с лошадьми, а сержант, легко отворив наружную дверь, вошел в дом. Наверху бабий голос что-то выкрикивал, – что именно, сержант не разобрал.

Тяжелые шаги поднимающегося по лестнице человека разнеслись по всему дому. Евпраксия осеклась на полуслове, а Терентий Поташов в страхе обернулся к двери. Шаги загремели на верхней площадке.

---

¹⁷ Религиозный миф о «приходе антихриста и конце мира» враги Петра использовали, чтобы восстановить против него верующих людей.

¹⁸ Противодействуя нововведениям Петра, враги его распространяли среди народа слух, что Петр – царь не настоящий, в детстве его подменили. Стокгольм – Стокгольм.

Дверь распахнулась. Нагнувшись, чтобы не удариться о низкую притолоку, через порог перешагнул приехавший. Он не снял внизу высоких сапог с ботфортами, забрызганных грязью. Хозяин смотрел на него, выпучив глаза, затем, собравшись с духом, выговорил:

– Кто таков будешь, сударь?

Вошедший оглядел всех, улыбнулся и с достоинством ответил:

– Преображенского полка сержант, Михаил Щепотьев.

Придя в себя, Терентий Поташов проговорил:

– Откуда и по какому делу прибыл, сударь, в Волостку?

Сержант снова улыбнулся и, несколько помедлив, ответил:

– Прибыл из Москвы, по указу государя Петра Алексеевича.

И, как бы в подтверждение своих слов, вынул из-за обшлага мундира вчетверо сложенную бумагу. Но бумагу эту он не развернул, а помахал ею в воздухе и, продолжая улыбаться, спрятал за обшлаг.

3

О причинах своего прибытия в Волостку Михаил Щепотьев никому не рассказывал; раскольники опасались, что петровские солдаты разыскивают бежавшего из Соловецкого монастыря старца Пахомия. Поведение сержанта увеличило их опасения: обосновавшись в доме «лучшего промышленника», он сразу же поднялся за деревней на Красную гору, откуда долго смотрел через подзорную трубу во все стороны.

Щепотьева больше всего интересовало побережье. Линия берега шла с северо-запада на юго-восток. Река Нюхча впадала в море около Кильбас-острова. Один мелководный залив сменялся здесь другим, и все они обнажались во время отлива.

Стоя на вершине горы, Щепотьев вынул из-под мундира карту. Сверху на карте было изображено побережье Белого моря, внизу – Онежского озера. Прямая линия соединяла беломорскую Нюхчу с онежским Повенецким Рядком. Карту эту, вместе с подробными устными указаниями, дал сам царь, – он же провел на карте прямую линию.

На следующий день Щепотьев, в сопровождении солдата, спускался вниз по реке. В карбасе находилось несколько девушек, взятых чтобы гребсти. За рулевым веслом сидел Гришка Гореликов, приставленный к сержанту Терентием Поташовым. Гришка должен был показывать: сержанту окрестности Волостки, а вместе с тем выведать, зачем прибыл сержант.

В одной из девушек Щепотьев узнал Дарью, которую уберег от насмешек разгулявшихся парней. Сержант улыбнулся, а Дарья, смущившись, опустила глаза. Щепотьев был теперь побритым, и одежда его не носила больше следов дорожной грязи. Время от времени он посматривал на Дарью – девушка ему нравилась.

Перед впадением в море река описывала дугу. Ветер дул сперва в лоб, затем сбоку, наконец с кормы; подняли парус, и карбас понесло вместе с отливной водой. Освободившись от весел, девушки завели песню. Пели они тихо, смущаясь посторонних.

Из прибрежной травы поднимались с кряканьем утки. Щепотьев хватался за пистолет, но не стрелял, – попасть пулей в летящую птицу было трудно.

Выйдя из устья, Гришка повернул нос карбаса на северо-запад, в сторону Варде-горы. Плыть пришлось долго. У Варде-горы путь преградила далеко вдававшаяся в море каменистая гряда – Сельдяная корга. Шел отлив, и камни быстро вырастали из плескавшейся вокруг них воды. Гришка провел карбас по узкому проходу; кто этого прохода не знал или опасался, должен был огибать коргу открытым морем.

За Сельдяной коргой увидели тюленей. Одни лежали на мелком месте, другие появлялись из воды подле самого карбаса. Гришка, все время тревожно поглядывавший на берег, вдруг сказал сержанту: «Убей морского зайца, привезем домой его кожу»...

Выхватив пистолет, сержант взвел курок и, почти не целясь, выстрелил. Ближайший тюлень нырнул, и вода в этом месте окрасилась кровью. Перезарядив пистолет, сержант убил второго зверя. Туши прибоем накатило на песчаный берег.

Высадились у камней, и Гришка повел Щепотьева на Варде-гору. Склон, сходивший к воде, был пологим, с гладко отполированными скалами. Выше росли мелкие сосны, каким-то чудом цеплявшиеся корнями за трещины.

На вершине был сложен из мелких камней гурий, с воткнутым в него шестом. Гришка объяснил, что этим знаком руководствуются те, кто плывут «береговым руслом». Сверху Щепотьев увидел, что между устьем реки, откуда они приплыли, и Варде-горой, там, где недавно свободно прошел их карбас, теперь на несколько верст в море обнажилась отмель, – отлив был в разгаре.

Еще Щепотьев увидел, что параллельно берегу проходит вторая корга. Таким образом, против Варде-горы раскидался огражденный с трех сторон глубокий залив; для судов он был доступен с северо-запада, где находились мелкие острова.

– Можно ли на большом судне пройти мимо этих островов? – осведомился Щепотьев. Гришка объяснил, что здесь с грузом проходят самые большие поморские лодьи. – А можно отсюда пройти к Соловкам? – спросил Щепотьев. Гореликов подтвердил, что каждый нюхотский кормщик проведет судно от Варде-горы до самых Соловков.

Выяснив это, Щепотьев спустился к берегу. Возвращаться домой во время отлива было невозможно и следовало позаботиться о ночлеге. Щепотьев заметил избушку, притулившуюся под скалой у самого лесочка.

Его удивило, что люди, находившиеся внутри, поспешно покинули избушку: на каменке тлели уголья, а трава, брошенная на лежанку, сохраняла еще отпечаток человеческого тела. Кроме того, на притолоке подле окошка остался рожок с порохом, а в углу стоял зеленый сундучок, расписанный цветами, Щепотьев решил, что, пока обитатели избушки не вернутся, он переждет у костра.

В котелке над огнем закипела похлебка. После еды Щепотьев снова поднялся на гору. Обратно он спустился, когда уже начало темнеть. Скрывшиеся люди не возвратились, и Щепотьев послал солдата подготовить избушку к ночлегу. Вернувшись, тот доложил, что сундучка там больше нет и пропал рожок с порохом.

В сумерках невозможно было разбираться в следах, и Щепотьев отложил это дело до утра; он только подумал, что обитателей избушки напугали выстрелы.

На берегу развели большой огонь. Девушки снова запели, и на этот раз уже громко.

Щепотьев сидел у огня, слушая пение. Невольно он задумался. Вся жизнь проходила у него в разъездах. Петру он начал служить еще мальчишкой в Потешном полку, в селе Преображенском под Москвой. С тех пор ему не было покоя.

Своей семьи Щепотьев не завел. Глядя на Дарью, он думал: «Хорошо, если бы вот такая девушка вышла за меня замуж». Он взял Дарью за руку, отчего та смущалась.

Щепотьев спросил, – вышла бы она за него замуж? Вот он к ней посватается, а «сватом у него будет сам царь», что она тогда сделает? Дарья ответила, что мать никогда не отдала бы ее за царского вельможу, – и она высвободила руку.

Щепотьев рассмеялся: ему еще далеко до «царского вельможи», – он был только простым исполнителем замыслов Петра. У царя есть действительно вельможи, но они-то не посватаются к поморской девушке.

Но все же он хотел узнать, почему Дарья не пошла бы за него. Еще больше смутившись, девушка сказала:

— Спросите мамушку, она сидит тут, можно ли мне пойти за вас замуж.

Щепотьев только сейчас узнал, что женщина, отправившаяся вместе с девушками, — мать Дарьи. Он спросил ее про дочь и получил в ответ, что, если сам царь явится сватом, отказать ему она, конечно, не сможет. Но «до бога высоко, до царя далеко», — никогда царь не приедет сватать поморскую рыбачку. Шуткой она отводила казавшиеся ей назойливыми домогательства сержанта.

Щепотьев подумал, что в одном она ошибается: царь Волостку посетит, и возможно, в скором времени, — но вслух этого не высказал. А мать девушки добавила, что у Дарьи есть уже жених, за него она и пойдет.

— Не Кирилл ли это Поташов? — невольно спросил Щепотьев.

Ему ответили, что жених — Семен Поташов, который сейчас «по обещанию» находится в Соловецком монастыре. Когда вернется, — сыграют свадьбу.

Иного мнения придерживался Гришка Гореликов. Он был уверен, что никогда Дарья не станет женой Семена; выйдет она за Кирилла, — об этом он, Гришка Гореликов, позаботится. Но и он своих мыслей вслух не высказал.

Утром Щепотьев разобрался в следах. Из-под скалы около избушки выбивал ключ и почва была сырой, Щепотьев удивился, — следы принадлежали человеку, который был куда выше его, хотя Щепотьев сам был не маленьким. Осведомился у Гришки, не знает ли он в Волостке такого великана, — получил отрицательный ответ.

Удивиться пришлось и самому Гришке. Следы его, правда, не смущали: он знал, что за люди прячутся в избушке. А вот почему здесь оказался зеленый сундучок, расписанный цветами? Ведь именно этот сундучок Дарья подарила Семену, когда тот отправился в монастырь. Гришка слышал, что с Семеном там что-то случилось. Но почему при этом сундучок оказался в избушке под Варде-горой? Может быть, с людьми, которые тут прячутся, находится и Семен? Хорошо еще, подумал Гришка, что ни Дарья, ни ее мать в избушку не заходили, — что бы получилось, когда они увидели бы сундучок?

4

Выстрел заставил сумского приказчика вскочить на ноги. Приоткрыв дверку, он увидел невдалеке от берега карбас. Из Волостки привозили съестные припасы, и появление карбаса его не испугало. Но в карбасе сидели петровские солдаты, и сумской приказчик предположил, что их выследили.

После второго выстрела он понял, что приплывшие в карбасе люди охотятся на морских зайцев. Это значило, что про тех, кто в избушке, они не знают. Но, все равно, нужно было как можно скорее уходить, — и он разбудил старца.

После побега из монастыря и встречи с Коротконогим сумской приказчик и старец Пахомий некоторое время втроем скрывались на кемском берегу. Но там легко было попасть на глаза монастырским соглядатаям. Они направились к реке Выгу, где находилась большая раскольничья обитель. Однако Денисовы не спешили приютить их у себя: старец Пахомий был преступником, бежавшим из монастырской тюрьмы, сумской приказчик переметнулся к раскольникам, а у Коротконогого рваные ноздри и вырезанный язык, что тоже о многом говорило...

Беглецам, несмотря на позднюю осень, пришлось скитаться по лесам, получая помощь из раскольничих скитов. Так оказались они у Варде-горы.

Разбудив старца, сумской приказчик выскользнул из избушки, — необходимо было предупредить Коротконогого, ушедшего в лес. Человек этот понимал, что ему говорили, но отвечать не мог — палач вырвал ему не только ноздри, но и язык. После побега его спрятали у себя раскольники. Жить в скитах он не мог — был слишком приметным — и скрывался по

лесным избушкам. Узнав, что встретившиеся люди, как и он сам, тоже раскольники, он присоединился к ним.

Сумской приказчик нашел Коротконогого неподалеку от берега. Медлить было нельзя, — карбас находился уже совсем близко. Посадив старца на плечи, Коротконогий первым побежал в лес, — сумской приказчик с ружьем за ними. Впопыхах они забыли сундучок и рожок с порохом.

Обнаружилось это на первом привале. Сундучок бросить еще можно было, но без пороху в лесу не трудно и пропасть. Коротконогому пришлось вернуться.

Когда все оказалось в порядке, они двинулись дальше в сторону Оштом-озера. Находилось Оштом-озеро верстах в сорока от побережья; там ютился небольшой раскольничий скит, — было это по дороге в Выгорецкую обитель.

Коротконогий нес на спине старца, а сумской приказчик — ружье и сундучок.

5

К Оштом-озеру выехал и сержант Щепотьев со своими солдатами. В Волостке он расспрашивал про дорогу к Онежскому озеру: его интересовало, что там за реки, озера, возвышенности, какой растет лес. Отвечали неохотно, отговариваясь незнанием. Щепотьеву предстояло выяснить всё самому. Первые морозы сковали грязь, и сержант выступил с солдатами вверх по реке.

Они быстро миновали падун, где река, прорывая отроги Ветреного Пояса, скатывалась по каменистым ступеням. За падуном начались широкие плеса.

Тропа вела вдоль берега. Медведи уступали дорогу всадникам, быстро скрывались с глаз лоси. По утрам тетерева стаями унизывали оголенные ветки берез, а глухари с тяжелым хлопаньем срывались с осин. Высоко в небе летели на юг лебеди.

Щепотьев то ехал вдоль реки, то, спешившись, уходил в сторону. Все время он делал на карте отметки, Оштом-озеро находилось в глухом месте. «Там живут люди», — уклончиво сказали Щепотьеву. Он хотел в Оштом-озере дать лошадям отдых. О себе и солдатах Щепотьев не беспокоился, — все трое могли выдержать и не такой путь.

Но в Оштом-озере они никого не встретили: люди убежали от них в лес. Щепотьев приказал ехать дальше. Вскоре отряд выбрался на обнаженную вершину. Внизу раскрывался лесной простор, которому, казалось, не было конца. Щепотьев понял, что находится на одной из вершин Ветреного Пояса, протянувшегося вдоль побережья Белого моря. Расположение хребта он тщательно нанес на карту¹⁹.

Отправив вперед солдат, Щепотьев уже тронул поводья, как вдруг рядом о камень ударила пуля, расплющилась и упала на землю. Снизу донесся звук выстрела.

Щепотьев склонился к шее лошади; выпустив поводья, он соскользнул на землю. Щепотьев лежал на земле, обхватив пальцами рукоятку заряженного пистолета.

Это было небольшой хитростью — может быть, выстреливший себя обнаружит. Но этого не произошло. Тогда Щепотьев поднялся, вскочил в седло и подъехал к тому месту, откуда стреляли. Здесь на земле он снова увидел громадные следы, такие же, как у избушки

¹⁹ Карта Щепотьева после его смерти была потеряна. Вторичное открытие и описание Ветреного Пояса было сделано только в наше время. Горный хребет этот, издавна знакомый поморам, географам оставался неизвестным.

под Варде-город.

Щепотьев некоторое время раздумывал; вокруг него завязывались какие-то события, и может быть, нужно было их раскрыть. Но Щепотьев выполнял важное дело, порученное ему Петром, и не мог отвлекаться. И он принял решение, ни на что не обращая внимания, продолжать путь.

6

Пришла зима. Лес и моховые болота покрылись снегом. Только в порогах продолжала бурлить вода и морозными днями над ними поднимался пар, причудливо осаждавшийся инем на соседних деревьях.

По лесам от скита к скиту пролегли в глубоком снегу дороги. Все они сходились на Верхнем Выге, там, где в него впадала речка Сосновка. В этом месте была поставлена самая большая раскольничья обитель, в которой владычествовали братья Андрей и Семен Денисовы.

Из леса на лед выбежала небольшая лошадка, запряженная в дровни. На мягком сене сидели трое; тот, кто правил, был с рваными ноздрями, у второго были неприятно сдвинуты к переносице брови, третий оказался стариком, с седыми, выбивающимися из-под меховой шапки волосами. За их спинами лежал зеленый сундучок.

Завидя строения обители, возница остановил лошадку. Все трое поднялись на ноги и, несмотря на мороз, распахнули просторные овчинные тулупы. Сняв шапки, они трижды перекрестились, складывая пальцы по-раскольничьему. Только после этого поехали дальше, направляясь к высоким деревянным стенам обители.

У ворот человек со сдвинутыми к переносице бровями вылез из дровней и, подойдя к стене, постучал особенным образом. Растворилось небольшое деревянное окошко. Высунулась голова с длинной бородой, задала несколько вопросов, после чего окошко захлопнулось.

Прошло довольно много времени. Лошадка терпеливо ждала, – она знала, что за стеной для нее приготовлено теплое стойло. Ждали и запахнувшиеся в тулупы путники.

Наконец тяжелые ворота медленно раскрылись. За ними были видны высокие деревянные постройки, ничем не украшенные, только с крестами на крышах. Открывали ворота длиннобородые люди в черных одеждах; они были вооружены, словно находились в осажденной крепости.

Дровни въехали в ворота, которые быстро за ними затворились. Снова вокруг наступила тишина, нарушаемая лишь потрескиванием деревьев, – лес подступал к стенам обители. И только следы могли рассказать о том, что тут только что были люди.

Несколько ранее сержант Преображенского полка Михаил Щепотьев появился со своим отрядом в Повенецком Рядке. Тяжелый путь был пройден, и все, что было нужно, Щепотьев узнал.

Сержант и его солдаты от усталости едва держались на лошадях, да и лошади еле переставляли ноги. Казалось, теперь можно было отдохнуть и набраться сил. Но сперва следовало отыскать Петра, чтобы доложить о выполненном деле. Найти же царя не всегда было просто. Петр на одном месте долго не сидел, и не сразу удавалось выяснить, в какой части обширного государства он находится.

К тому же Щепотьев знал, что немедленно ему придется начать другое дело: царь не спросит, отдыхал сержант или нет. Так, не зная покоя, работал сам Петр, так он заставлял работать всех тех, кто были ему верными слугами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ КРИКИ ПОД КОРОЖНОЙ БАШНЕЙ

На часозвоне стрелки показывали пять, когда колокол поднимал обитателей монастыря на ноги. Ополоснув лицо холодней водой, Семен спешил к келье настоятеля; здесь он ждал у завесы, пока его не позовут.

Настоятель благословлял своего келейника, и они вместе шли через широкий двор в церковь. Там все уже были в сборе. Отстояв раннюю обедню, монахи отправлялись в трапезную. Двигались крытой галереей, чинно, без суеты. Ни бушевавшая над монастырем буря или трескучий мороз, ни темнота или разыгравшиеся на небе пазори²⁰, ни какие-либо события не могли нарушить эти, ежедневно повторявшиеся шествия.

В трапезной рассаживались под низкими сводами согласно духовного чина: сперва иеромонахи, за ними монахи-дьяконы, наконец просто монахи и послушники. Хором исполняли молитву, и старший благословлял еду. По утрам кормили селедкой с луком и хреном, кашей с коровьим или постным маслом. Ели не спеша, громко чавкая, запивая еду квасом, изготовлением которого монастырь славился по всему Беломорью; кваса этого пили сколько хочешь.

Мирские трудники кормились в своих подвалах прямо на нарах; еда у них была скучной; единственно, в чем она сходилась с монашеской, – давали по кружке кваса.

Во время еды в трапезной кто-либо читал «жития святых». Чтец должен был не только владеть грамотой, но и уметь внятно произносить слова. К этому хорошо подходил Семен, и ему вскоре стали поручать чтение.

После утренней трапезы настоятель обходил монастырь. Семен следовал за ним со свитком в руках, чернильницей у пояса и пером за ухом. В свиток заносились усмотренные непорядки и сделанные распоряжения. Шли на мельницу, в квасоварню, заходили в сараи, где солили рыбу и выделывали кожи, – не пропускали ни одного места, где происходила работа или хранились запасы.

Когда входил настоятель, мирские трудники вскакивали на ноги, а монах-приказчик докладывал о производимой работе. Сперва настоятель благословлял работавших, затем начиналась проверка; наиболее усердным митрополит давал целовать свою руку, а на нерадивых накладывалось наказание – от поклонов перед мощами Зосимы и Савватия до битья плетью.

Затем настоятель, уединившись с келарем и казначеем, обсуждал хозяйствственные дела. У монастыря по всему побережью Белого моря имелись соляные варницы, а в горле Белого моря и на Мурмане – рыболовные и зверобойные промыслы. В Керетской Волостке монастырем производилась добыча «мусковита» – так называли в то время слюду, – а неподалёку от Сумского Острога выплавляли в домницах озерную и болотную руду. Подворья, через которые монастырь вел торговлю, имелись в Холмогорах, Архангельске, Вологде, Новгороде и в самой Москве; на юг шла соль, кожа, смола, ворвань, соленая рыба, «мусковит»; на север привозили хлеб, холст, железные изделия. Монастырь вел торговлю с иноземцами и давал деньги в рост. Летом на Соловецкие острова – «поклониться Зосиме и Савватию» – приплывали богомольцы, что приносило монастырю немалый доход.

Часы отбивали двенадцать, и все снова собирались в трапезной. На этот раз монахов кормили холодным из рыбы, щами с кислой капустой, треской или палтусом²¹, киселем из овсяной муки. Семен читал и во время этой трапезы.

Вернувшись к себе, настоятель отдыхал, – в монастыре в это время соблюдалась тишина. Проснувшись, настоятель призывал к себе келейника.

²⁰ Пазори – полярное сияние.

²¹ Палтус – крупная рыба из семейства камбаловых.

И тогда для Семена начиналось самое интересное: в старой оружейной палате, помещавшейся под одной из церквей, были свалены груды стариных книг и рукописных свитков. Книги эти писались от руки или печатались еще до того, как патриарх Никон произвел в начале второй половины семнадцатого столетия церковную реформу. Рукописные свитки были хозяйственными донесениями, счетами, планами производимого в монастыре строительства, документами на приобретение промыслов, пожен, леса; были здесь и старины летописные своды. Семен приносил все это в келью настоятеля, и они вместе составляли монастырскую летопись. Многие книги и свитки Семен брал к себе в келью под лестницей и по ночам, при свете огарка, перечитывал по несколько раз. Что молодой помор сам не мог понять, настоятель ему терпеливо разъяснял. Настоятель поощрял в молодом поморе такую жажду чтения, – в монастыре, кроме него, этим мало кто интересовался²².

Нужно было еще раз идти в церковь, простоять вечернюю службу; затем последняя трапеза, и в монастыре отходили ко сну. Только вооруженные монахи бодрствовали в башнях и на стенах, и у ворот, – стража была усиlena после нападения неприятеля на Архангельск.

В монастыре изменилась и внешность Семена: в черном подряснике он уже не казался таким, каким был раньше – коренастым, а словно стал выше и тоньше; ему велели отрастить волосы; обильно умасленные, они доходили до плеч и были расчесаны на две стороны. Стала иной походка: он больше не переваливался с ноги на ногу, – Семен все больше и больше становился похожим на монаха.

Но было одно, чего Семен никак не мог усвоить, хотя примеров кругом было сколько угодно: он всегда прямо смотрел в глаза собеседнику, – по монастырскому обычаю полагалось «глядеть долу», особенно перед старшим по духовному чину.

Так прошла для молодого помора большая часть зимы. Ближе к весне, как-то к вечеру, Семен попал в северо-западную часть монастырского двора, неподалеку от Корожной башни. Опускались сумерки. Внезапно откуда-то из-под земли он услышал крики – кричал человек, которому причиняли страшную боль.

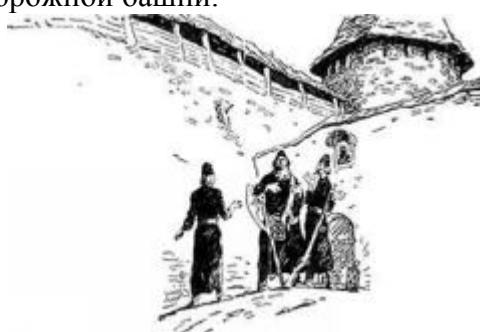
Семен бросился на крики, но дорогу ему преградили двое вооруженных монахов. Семен объяснил, что хочет оказать помощь кричавшему человеку.

Монахи переглянулись, и один спросил другого:

– Брат Серафим, келейник говорит, что слышал какие-то крики. Ты был к этому месту ближе – криков не слышал?

– А где, брат Геронтий, келейник слышал эти крики? – спросил второй монах.

Семен указал в сторону Корожной башни.

– А теперь келейник ничего не слышит?

Семен признал, что теперь он ничего не слышит. Второй монах укоризненно покачал головой.

– Это дьявол тебя искушает, – сказал он Семену. – Подумай только, – какие крики могут нарушать мирную обитель? Обратись, отрок, с горячей молитвой к преподобным

²² Летопись событий, происходивших в Соловецком монастыре, составлялась не раз. Во второй четверти XIX века архимандрит Досифей объединил предыдущие попытки, составив наиболее полный летописный свод, отразивший главнейшие события, в том числе и посещения монастыря Петром Первым.

святителям Зосиме и Савватию, и дьявол от тебя отступится.

Семен подумал, что, может быть, и впрямь ему все это послышалось. Но через несколько дней он снова услышал такие же крики, и на этот раз за разъяснением к монахам уже не обратился.

2

Семен читал теперь во время каждой трапезы. Самому ему есть приходилось уже после всех, когда монахи уходили. Еду он брал у толстых прислужников, от которых часто несло хмельным. Семена это удивляло, так как в монастыре, кроме кваса, никаких напитков не полагалось. Получаемая им еда всегда была вкуснее и обильнее той, что давали за общей трапезой. Монахи при кухне, квасоварне и кладовых состояли в ведении келаря, и Семен понимал, что все это делается не без ведома последнего.

Семену рассказывали, что келарь враждует с настоятелем. «Так почему он относится ко мне с такой благосклонностью?» – думал он.

Однажды молодой помор находился один в трапезной. К нему подсел тот самый Елисей, которого он встретил в день своего прибытия у монастырских ворот. Одних с ним лет, Елисей, однако, сильно от него отличался: был слабого сложения, имел длинное красивое лицо и светлые, несколько вьющиеся волосы; бледный оттенок лица еще сильнее выделял темные глаза юноши.

Семен узнал, что Елисей родился в Вельске, на реке Ваге. Отец его продавал смолу, которую крестьяне выгоняли в вологодских лесах. Елисей был единственным сыном, и родители в нем души не чаяли. Еще совсем маленьким, играя со сверстниками, он свалился в колодец. Вытащили его в беспамятстве. Мать с отчаяния закричала, что, если сын ее останется живым, она отдаст его Зосиме и Савватию. Это значило, что, когда Елисей подрастет, его должны отправить в монастырь. Оказавшийся неподалеку соловецкий монах взялся привести мальчика в чувство; ему это удалось, так как Елисей не захлебнулся, а потерял сознание от испуга. Монах напомнил родителям про обещание. Пришло время, и они сами отвезли сына в монастырь, так как надеялись, что там Елисей окрепнет – после падения в колодец он рос хилым. В монастыре родителям сказали, что они смогут увидеть сына только после его пострижения в монахи.

От Елисея Семен узнал, что раньше у настоятеля был другой келейник, но его в наказание отправили в Керетскую Волостку добывать слюду. Елисей предполагал, что очень, должно быть, большой была его вина – из Керетской Волостки не каждый возвращался, – за меньшую вину посыпали на солеварни или добывать руду.

Сам Елисей был убежден, что долго ему в монастыре не прожить.

– Зима длится здесь, – жаловался он Семену, – восемь месяцев... Воздух сырой, грудь все время спирает и дышать нечем...

Елисей стремился попасть на зверобойный промысел.

– Трудиться и там, конечно, не легко, но живешь все время на воле и дышишь морским воздухом, – говорил он Семену. Елисей считал, что только на промысле пройдет одолевшая его хворь; он не раз туда просился, но ему отвечали, что «отрок для этого здоровьем слаб».

Он объяснил Семену, что смерти не боится: на том свете его ждет большая награда. Семен тоже в это верил, но все же не мог понять, как это Елисей легко примирился со своей участью, – сам он, будь на его месте, давно убежал бы из монастыря.

У Елисея была еще затаенная мысль – об этом он даже не сказал Семену – незаметно пробраться в церковь, где находятся гробницы, приподнять крышки и прикоснуться к мощам Зосимы и Савватия; ему рассказывали, что были такие случаи, когда люди после этого исцелялись.

Семен спросил Елисея:

– Ты говоришь, монахов на промысел посыпают в наказание. Кто же там работает все

время?

— А мирские трудники-то на что? — воскликнул Елисей и пояснил: — Такие же, как мы с тобой. Только нам повезло: ты — келейник у отца настоятеля, я — у отца келаря.

Елисей рассказал и многое другое. Так, Семен узнал, что управляют монастырем «соборные старцы», первыми из которых были настоятель, казначей и келарь. Соборными старцами становились те, кто при пострижении вносили большой денежный вклад или какое-либо ценное имущество; от них в монастыре все и зависело. Затем шла уже «меньшая братия», ничем в монастыре не распоряжавшаяся. Были среди меньшой братии и люди, спасшиеся от голодной смерти или боярской кабалы, или скрывшиеся от возмездия за совершенные преступления. Но больше всего в монастыре собирались мирских трудников. Являлись они «по обещанию», и считалось, что какую бы тяжелую работу на них ни накладывали, «так угодно было Зосиме и Савватию». Отработав положенный срок, люди эти покидали обитель, и на их место являлись другие. Некоторые постригались в монахи, и вкладом их была тяжелая работа до конца жизни. Пока в монастыре являлись мирские трудники, даже меньшей братии жилось вольготно.

Узнал еще Семен, что несколько монахов проживало на отдаленном берегу в убогих хижинах. Люди эти совсем уже ничего не делали, только молились, соблюдая посты, и спали в гробах; называли их «непогребенными мертвецами».

Так молодой помор понял, в какое место послала его мать. Винить ее он не мог, — сама она в монастыре не бывала и слышала о нем только то, что рассказывали монахи. Но Семен был уверен, что, зная все это, его мать никогда бы не дала «обещание Зосиме и Савватию».

Когда у Семена появлялись сомнения, он шел исповедоваться к настоятелю, который был его духовником. Настоятель хорошо понимал, что происходит с молодым помором: его сомнения ему были понятны, он и сам через них в свое время прошел. Только настоятель предполагал, что все это начнется не так скоро.

3

«В поисках уединенной жизни, — читал Семен монастырскую летопись, — инок²³ Савватий захотел поселиться на Соловецких островах, где до этого постоянно никто не проживал»²⁴. В устье Выга, впадающего в Белое море, Савватий встретил инока Германа, тоже стремившегося попасть на Соловецкие острова. Вместе они «переплыли пучину моря» и поставили на самом большом острове «убогую хижину». После смерти Савватия появился на Белом море монах Зосима. Герман, вернувшись в устье Выга, вторично «переплыл пучину моря», на этот раз уже с Зосимой, который оказался предприимчивее Савватия: Зосима взял с собой сети и «все, что нужно было для первого обзаведения». Вскоре по призыву Зосимы «на остров приплыло еще много других людей», которые тоже оказались монахами.

Воды, омывающие Соловецкие острова, всегда были богаты рыбой и морским зверем, — издавна здесь производился прибыльный промысел. Вслед за монахами явились промышленники с беломорского побережья. «Тогда, — прочел Семен в монастырской летописи, — с неба спустились ангелы и жестоко избили железными прутьями жену одного из промышленников». Ангелы при этом сказали, что «женщина эта должна со своим мужем удалиться с острова сего». А затем «в небесном сиянии появилась церковь, которая спустилась на землю». «После этого прибрежные жители, — заключала летопись, — объяты будучи страхом, не осмеливались более присваивать себе угодий острова сего».

---

²³ Инок — то же, что монах.

²⁴ Здесь, и дальше слова, поставленные в кавычки, взяты из монастырских летописей.

Происходило все это, согласно летописи, во второй четверти пятнадцатого столетия.

Чтобы утвердиться настоятелем нового монастыря, Зосиме пришлось совершить далекое путешествие: Беломорье в ту пору находилось под властью новгородских бояр. В Новгороде встретили его неприязненно. «Отчину отнять у нас хочешь?» – спросила Зосиму боярыня Марфа Борецкая. Так же отнеслись к Зосиме и другие бояре. Но вскоре Марфа Борецкая первой передала свои «беломорские отчины» монастырю, а вслед за ней и остальные бояре. Неравная борьба с возвышавшейся Москвой подорвала их былую мощь, – лучше было все отдать соловецким монахам, чем московскому князю.

Зосима вернулся с грамотой, написанной на пергаменте и снабженной «восемью свинцовыми печатями». По этой грамоте острова с промыслами и земли на побережье Белого моря были «в веки» переданы соловецким монахам. Никому, кроме них, селиться на островах не позволялось. А если кто и хотел здесь промышлять, обязан был отдать монахам десятую долю добычи.

Грамота эта хранилась у настоятеля в особом ларце. Там же лежала еще одна грамота, снабженная «серебропозлащенной печатью». Дали ее уже московские правители, безоговорочно подтвердившие права монахов на все, что у тех «по старине» было.

В середине шестнадцатого столетия в монастыре начали строить каменные здания. Была поставлена мельница, приводимая в действие водой из пятидесяти двух искусственно соединенных озер, и наложена варка кваса. В самой обители развели скот, а на островах выпустили оленей. «Простую пищу, – рассказывалось в летописи, – для утешения братии, а паче для поддержания наинемощнейших», заменили разносолами. Летописец еще добавляет, что в монастыре с этого времени «стали завозить огурцы и рыжики». Тогда же появились и мирские трудники.

Соловецкого настоятеля Филиппа призвали в Москву, где «поставили московским митрополитом».²⁵ Но вскоре его «ругательски лишили сана и поносно изгнали, заточив в Тверском отрочь монастыре». Филипп происходил из опального боярского рода Колычевых и на митрополичий престол был выдвинут крупными боярами, с которыми Иван IV вел непримиримую борьбу. Впоследствии Филипп «насильственно скончался от руки Малюты Скуратова».

В конце шестнадцатого столетия вокруг монастыря возвели каменные стены. Монастырь стал крепостью, охранявшей Беломорье от внешних врагов. Создателем стен был монах Трифон, уроженец беломорского усолья Нёноксы, – это все, что о нем известно.

В начале следующего столетия соловецкие настоятели вели самостоятельную переписку со «свейским королем Карлусом»²⁶. Одновременно монастырь получал дарственные грамоты и от царя Федора, и от Годунова, от Шуйского, даже Лжедимитрия; все они подтверждали неограниченные права монастыря на Белом море.

Монастырь продолжал богатеть: только одной соли продавалось триста тысяч пудов в год. Настоятели снабжали московских царей крупными суммами денег на «военные издержки». Однажды, в благодарность за это, было прислано в подарок «триста девяносто шесть коврижек», по коврижке на монашескую душу. Основателей монастыря, Зосиму и Савватия, объявили святыми и начали поклоняться их мощам; святым объявили и Филиппа.

В середине семнадцатого столетия митрополит новгородский Никон, в прошлом соловецкий монах, ввел в монастыре архимандриту. Настоятель мог теперь совершать пышное богослужение, как в подмосковных монастырях, что еще больше привлекало богомольцев. Вместе с тем Никон урезал монастырские владения и увез в Москву мощи митрополита Филиппа. В Москве Никон стал патриархом²⁷ и провел реформу, которая

²⁵ Московский митрополит в шестнадцатом столетии был главой православной церкви на Руси.

²⁶ В данном случае – Карл IX.

²⁷ Патриарх в XVII веке был главой русской православной церкви.

подчинила монастырских вотчинников центральной власти. Реформа также исправила церковные книги и некоторые обряды. Все это вызвало упорное сопротивление; и тех, кто выступал против реформы, стали называть раскольниками. Раскольниками оказались и соловецкие монахи, для которых были невыгодными никоновские нововведения. Исправленные новопечатные книги они спрятали, продолжая служить по старым книгам и придерживаться прежних обрядов. Московским воеводам, которых присыпали усовестить монахов, они отвечали, что «за старую веру будут стоять насмерть».

В то же время Никон сделал попытку возвысить власть патриаршую над царской, за что был подвергнут царем опале и изгнан из Москвы. Узнав это, соловецкие монахи стали оказывать еще более упорное сопротивление. Но царь Алексей Михайлович реформ Никона не отменил, и по его приказу монастырь был подвергнут военной осаде.

В одной из рукописей Семен прочел, что после казни Степана Разина некоторые единомышленники донского атамана проникли в осажденный монастырь. Соборных старцев от руководства отстранили, и во главе оборонявшегося монастыря стала меньшая братия. Осада тянулась более восьми лет. Только из-за предательства некоего инока Феоктиста московскому воеводе Мещеринову удалось проникнуть в монастырь с небольшим отрядом через тайный ход под Сушильной башней и открыть ворота. Монастырь был взят и разграблен. Воеводу Мещеринова, награбившего больше всех, вскоре заточили в одном из казематов. Многие монастырские владения перешли в ту пору к московскому царю, а взамен убитых, повешенных и утопленных в проруби бунтовщиков были присланы монахи из других монастырей²⁸.

4

Несколько дней Семен не встречал Елисея, – келейник настоятеля болел. Когда они снова сошлись в трапезной, Елисей шепотом сказал:

- Поклянись мне, Семен, что никому не скажешь, о чем я тебя попрошу.
- Сперва попроси, после поклянусь.
- Ну, прошу тебя, поклянись!..

Думая, что Елисей шутит, Семен, чтобы угодить другу, поклялся.

Тогда Елисей совсем тихо сказал:

- Сходи к отцу келарю.
- На что я отцу келарю? – удивился Семен.
- Отец келарь хочет тебе что-то сказать.
- Что отец келарь хочет мне сказать?

– Тише! – замахал на него Елисей, испуганно оглядываясь. – Услышат!.. А что отец келарь хочет тебе сказать, говорить мне не велено...

Понимая, что от такого приглашения отказаться он не может, Семен разыскал келаря, который находился в своей келье около монастырской кухни.

Глаза у келаря были узенькими, в руках он держал четки, которые все время перебирал жилистыми пальцами. Келарь пристально оглядел Семена.

Чуть усмехнувшись, он спросил, хорошо ли келейнику настоятеля в обители, не обижает ли кто. Семен ответил, что лучшего ему и желать не хотелось бы. «Сытно ли келейника настоятеля кормят», – продолжал спрашивать келарь. Семен ответил, что сытно. Он не мог понять, к чему эти вопросы.

- Хорошо, что отрок такой понятливый, – проговорил келарь. – Теперь выслушай,

---

²⁸ Соловецкое восстание во второй половине XVII века явилось на севере одним из отголосков крестьянской войны под руководством Степана Разина. Поэтому с такой жестокостью московское правительство справилось с восставшими.

отрок, что я тебе скажу...

И он прямо, без обиняков, потребовал от Семена, чтобы тот доносил ему на настоятеля. Семен может к нему не приходить, – передавать будет через Елисея.

Елисей в это время стоял за спиной келаря и утвердительно кивал. «Конечно, – добавил келарь, – знать этого никто не будет».

Ничего подобного Семен не ожидал. И, забыв про монастырское смирение, глядя прямо в глаза келаря, он наотрез отказался. Елисей подавал Семену отчаянные знаки, но было уже поздно; келарь перестал перебирать четки.

– Вон из кельи, нечестивец, чтобы духу твоего здесь не было! – закричал он как можно громче.

Когда Семен очутился в коридоре, его нагнал Елисей. Он напомнил о данной Семеном клятве.

– Ты Иуда-предатель! – воскликнул Семен и быстро пошел прочь.

Елисей вскрикнул и, схватившись за голову, остался на месте. Если бы Семен сразу не ушел, то стал бы свидетелем того, как обозленный келарь избил своим посохом Елисея, после чего отрока отнесли к монаху-лекарю.

Прибежав к себе, Семен не знал, как ему теперь поступить. Скрыть от настоятеля то, что произошло в келье келаря, он не мог: настоятель был его духовником. Но как рассказать про предложения келаря?.. И Семен промучился без сна всю ночь.

Утром, когда Семен пришел к настоятелю, тот понял, что с келейником что-то случилось, и стал ждать, пока Семен ему откроется. Произошло это очень скоро: упав перед настоятелем на колени, Семен ему все рассказал.

Архимандриту Фирсу не раз подсыпали доносчиков; его хотели оклеветать перед Петром и лишить царской милости. Своего прежнего келейника настоятель прогнал именно за то, что тот стакнулся с келарем. Но архимандрит келаря не боялся: достаточно крепкой была его связь с царем Петром, – к тому же знал архимандрит: отец келарь был недальновидным человеком.

Настоятель поднял Семена с колен и сказал, что, пока он жив, никто Семена в монастыре не обидит; сам же он в честности молодого помора не сомневался.

5

В монастыре были такие места, куда настоятель келейника с собой не брал. Где в это время настоятель находился и что там делал, Семен догадаться не мог. Когда еще не расстроилась дружба с Елисеем, Семен спросил его об этом, – Елисей лучше знал, что происходило в монастыре.

Елисей в ответ усмехнулся. Кое-что он, конечно, знает, но сказать не может, – пусть Семен сам спросит об этом у своего настоятеля...

Крики под Корожной башней продолжались, и именно в те ночи, когда настоятель уходил без келейника. И тогда Семен решил спросить об этом.

Настоятель ничего не ответил, только испытующе посмотрел на молодого помора. А когда подошла ночь, велел взять все, что нужно для письма, и следовать за собой.

Никто их не провожал. Они шли прямо к Корожной башне. Сперва навстречу вышли двое, затем еще четверо вооруженных монахов. Узнав настоятеля, монахи пошли вперед, светя фонарями.

Вслед за настоятелем Семен спустился в темную галерею и прошел в сводчатый подвал. С их приходом начали зажигать свечи.

Для настоятеля было приготовлено удобное кресло с небольшой скамеечкой для ног. Колени ему покрыли меховой шубой. Для келейника принесли столик и табурет, поставив рядом с креслом настоятеля. Семен уселся. Он был взволнован, не догадываясь еще о том, что здесь произойдет.

Но вскоре он все понял: послышался звон цепей, и в подвал ввели закованного в кандалы узника, Семен вспомнил груз, привезенный из Сумского Острога.

Узника посадили на низкую скамейку, напротив настоятеля. Подали крест и евангелие. Один из монахов положил закованную руку узника на евангелие и поднес к его лицу крест. Узник повторил за монахом, что будет отвечать правду.

Лицо узника, видел Семен, было усталым, одежда висела лохмотьями, едва прикрывая мускулистое тело. Человек этот лишь немногим был старше его, и это Семена особенно поразило.

Настоятель предупредил Семена, чтобы тот записывал всё, что будет говорить узник.

Первый вопрос был об имени узника.

– Василием окрестили, – последовал ответ.

– Как отца называли?

– Отца называли Босым.

Семен это записал. Настоятель спросил, откуда у Василия Босого подметные листки, хулившие царя Петра.

– Листки эти нашел.

Настоятель недоверчиво покачал головой.

– Может, кто дал?

– Никто не давал, сам нашел.

– У кого нашел?

– Запамятали.

Настоятель продолжал:

– Ведаешь, что в тех листках сказано?

На это узник ответил охотно:

– Ведаю...

И добавил, усмехнувшись:

– Царь чужеземцев любит, а своих людей изводит, царь есть антихрист... Антихриста самого надобно извести!..

Никогда при Семене не произносили таких слов про царя; он с трудом все это записывал. А настоятель продолжал:

– Что бы ты сделал, когда встретился с царем?

Узник ответил еще охотнее:

– Как бы с царем встретился, – тут бы на рогатину его и вздел!

Семен обернулся: неужели и это нужно записывать? Настоятель тихо ответил: «Все записывай». И продолжал допрос:

– Потом бы что было?

– Потом был бы новый царь.

– Царевич Алексей? – спросил настоятель.

Узник удивленно на него посмотрел: то же самое говорили ему и те, кто его подослали убить Петра.

– Чем бы новый царь был лучше старого? – продолжал настоятель.

– Новый царь побил бы всех бояр, холопам жить стало бы легче.

– Откуда Василий Босый взял, что новый царь побил бы всех бояр?

– Про то все сказывают.

– Кто сказывал Василию Босому?

Важнее всего настоятелю было узнать о соучастниках Василия Босого, кто подоспал его убить царя. Но на эти вопросы узник не отвечал.

Настоятель повел допрос с другой стороны.

– Что ведает Василий Босый про Гришку Талицкого?

– Про такого ничего не ведает.

– Где раньше проживал Василий Босый?

– В тверской вотчине бояр Хованских.

– Для чего Василий Босый явился в святую обитель?
– Сказывали, – царь бывает в обители, ходит не бережется.
– Кто об этом сказывал?
– Мало ли кто – много народа попадается.
– Василию Босому кто сказывал?
– Всего не упомнишь.
– Разумеет Василий Босый грамоте?
– Не вразумил господь.
– Откуда Василий Босый узнал, что в листках Талицкого сказано?

Узник промолчал. Настоятель спросил в упор:

– Кто подослал Василия Босого убить царя?

Узник поднял голову и твердо ответил:

– Никто не посыпал – сам понял, что антихриста надобно убить.

Семену никогда не приходилось ничего подобного слышать. Волнуясь, он записывал с трудом. Больше всего его поражало, что Василий Босый не только не скрывал своего намерения убить царя, но был убежден, что именно так и нужно сделать.

Допрос продолжался еще некоторое время. Ничего не добившись, настоятель махнул рукой – Василия Босого увели.

И опять загремели цепи: в подвал ввели другого узника; его тоже посадили на низкую скамейку.

Семен увидел толстого и обрюзгшего человека, с лысым черепом и клочьями седой бороды. У него были суетливые движения, бегающий взгляд. На теле висели лохмотья когда-то богатой одежды.

Семену казалось, что человек этот все время куда-то торопится. Отвечая, он говорил больше, чем спрашивали, – записывать было трудно. Звали его Матвеем, происходил он из захиревшего рода бояр Ягубовских. Боярин должен был поднять кемских стрельцов и двинуться на Москву, куда к этому времени соберутся все недовольные царем Петром. На престол собирались посадить царевича Алексея. В заговор ввязался потому, что царь живет не по чести, древнюю веру позабыл, народ свой губит, а чужеземцам потакает, а еще сулили ему дать хорошую вотчину. Теперь вот схватили, предадут смертной казни. Пусть только не пытают, он все откроет и охотно примет мученический венец – царь небесный его простит. Будет молить царя земного, – может, и он помилует грешного своего раба, который никогда больше не поднимет на него руку.

Семен поразился, какими были разными эти два человека – боярин Ягубовский и холоп Василий Босый. Боярина он сразу же стал презирать, а Василий Босый еще больше возвысился в его глазах. «Окажись я на месте Василия Босого, – думал Семен, – поступил бы точно так же, не выдал бы своих соучастников...»

Настоятеля интересовали люди, с которыми был связан мятежный боярин. И тот охотно, словно чему-то радуясь, называл одного за другим всех заговорщиков.

Когда боярину уже нечего было рассказывать, настоятель велел и его увести. Услал он и монахов. Оставшись в подвале вдвоем с келейником, настоятель перечитывал сделанную Семеном запись. Было в это время так тихо, что Семен слышал, как потрескивало пламя свечей.

Настоятель прочел запись и, словно ни к кому не обращаясь, проговорил:

– Царь Петр вершит большие дела, государство свое поставить в Европе превыше всех хочет, а его нарекают антихристом и убить собираются...

Он хотел знать, какого мнения обо всем, что увидел и услышал, был молодой помор. А Семен думал: «Ведь и правда, что говорит Василий Босый – царь людей губит»... Но сказать этого настоятелю не решился.

А тот продолжал:

– Видит бог, как трудно царю и его верным слугам...

Настоятель предполагал, что Семен с ним согласится, но Семену запали слова Василия

Босого: «Царь – антихрист, антихриста нужно извести».

И опять не решился сказать этого настоятелю.

Настоятель словно понял мысли своего келейника. Сняв с груди крест, он протянул его Семену. И когда тот крест взял, велел ему повторить за собой слова клятвы.

Семен поклялся, что никогда, нигде и никому не обмолвится о том, свидетелем чего только что был, а так же и о том, что увидит и услышит впредь.

6

Через несколько дней Семен вторично спустился с настоятелем под Корожную башню. Подвал, где происходил допрос, они миновали. В следующем, более обширном помещении, стояли на подставках толстые свечи. Сюда принесли кресло с подножкой для настоятеля, столик и табурет келейника.

Семен осмотрелся: маленькие окошки на высоте человеческого роста были заделаны железными брусьями. На сводах выступала сырость.

На одной из стен висели плети. Рядом стояла широкая скамейка с воротами на концах, вроде тех, какими на рыбачьих судах поднимают якоря. Перед креслом настоятеля свешивались лямки, проходящие через блок, вделанный в свод; под лямками в полу большое железное кольцо.

Колени настоятеля заботливо укутали меховой шубой. Семен опустился на свой табурет, приготовившись писать.

Снова раздалось позвякивание цепей. Василия Босого, как и в прошлый раз, посадили на низкую скамейку. Вокруг зажгли большие свечи; узник оказался со всех сторон освещенным, в то время как все остальное осталось в полумраке.

Семен увидел, что Василий Босый был в чистой одежде, с расчесанными волосами и казался не таким измученным. Молодой помор смотрел на него и думал: «Как тебе, наверное, хочется вырваться на волю...» А Василий Босый словно отвечал ему: «Тяжело тебе, такому молодому, глядеть, как будут пытать человека».

И Семен решил, что, если бы ему сейчас представилась возможность помочь Василию Босому бежать, он, не задумываясь, сделал бы это.

Тишину нарушил голос настоятеля. Семен увидел, как изменилось лицо старика: не было в нем больше ни старческой доброты, ни начальственной строгости – черты заострились, а глаза, обычно бесцветные, горели; таким молодой помор настоятеля видел в первый раз.

Настоятель говорил не торопясь. Впредь с Василием Босым будут, хорошо обращаться, станут его сытно кормить, водить в баню, одевать в чистую одежду. А для того, чтобы его выпустили на волю, он должен сказать, кто подбивал убить царя Петра.

Василий Босый смотрел теперь на настоятеля не мигая – зрачки его то суживались, то расширялись, от того, ярче или слабее горели свечи. Но слушал он так, словно к нему все это не относилось. Семен понимал, что в ноги настоятелю узник не упадет, соучастников своих

не выдаст. «Как не походит Василий Босый на боярина Матвея», – думал Семен и спрашивал себя: «Неужели нельзя помочь ему?» Глядя на узника, Семен мысленно повторял: «Держись, Василий, только держись, – я тебе помогу; может быть, недалек тот час, когда ты станешь снова вольным»...

Тем временем настоятель рассказал, какие применяются пытки. Он объяснял, что, сколько бы пытаемый ни запирался, в конце концов не выдержит и вынужден будет признаться: не под плетью, так в хомуте, не в хомуте, так на лежанке, не на лежанке, так на виске, не на виске, так при жжении огнем... Затем он снова начал допрос. Василий Босый, как и раньше, отвечал только на те вопросы, что относились к нему самому, ни словом не обмолвившись о соучастниках. Семен еще больше волновался; мгновениями ему казалось, что допрашивают не Василия Босого, а его, Семена, и что это он, а не Василий Босый, отвечает настоятелю.

Допрос и на этот раз ни к чему не привел. Поправив на коленях шубу, настоятель что-то сказал. Монахи сняли со стен плети. Настоятель покачал головой и показал на широкую скамью. Монахи плети повесили и выдвинули в освещенный круг скамью с воротами – это и была «лежанка».

Монахи освободили узника от кандалов и положили его на скамью. Их было четверо, и Василий Босый не сопротивлялся. Его вытянутые руки и ноги привязали к веревкам, намотанным на вороты.

Настоятель нагнулся к лицу узника и спросил: «Кто подослал Василия Босого убить царя Петра?»

В ответ – молчание.

Настоятель подал знак, и Семен услышал, как заскрипели вороты, словно поднимали со дна моря тяжелый якорь. Семену казалось, что вместе с Василием Босым растягивают и его самого. Но лицо Василия Босого оставалось спокойным – только крепче стиснул он зубы. Настоятель велел записывать каждое вырвавшееся слово, но записывать было нечего.

Второй раз настоятель подал знак. Сильнее заскрипели вороты; мускулы на теле Василия Босого напряглись, на лице выступила испарина. Волнуясь, Семен приподнялся, как будто хотел кинуться на помощь. Настоятель обернулся – под его взглядом Семен опустился на табурет.

Напряжение воротов ослабили, и на лице Василия Босого появилась улыбка. Семен ликовал: «Василий Босый не сдастся, это не боярин Матвей!»

Вместе с тем самому Семену становилось тяжело дышать, по всему телу пробегал озноб, руки и ноги начали трястись, а голова закружилась, – горящие свечи стали едва видимыми, а затем и вовсе пропали.» Нечто сходное происходило с ним, когда он однаждытонул: стало так же не хватать воздуха. Поднявшись на поверхность, он тогда как можно глубже вдохнул. Сейчас он сделал то же самое, и все стало на свое место. Только Василий Босый, увидел Семен, уже не лежит, а подведен за вывернутые руки, – ноги его были привязаны к нижнему кольцу, – двое монахов держали концы веревок.

Настоятель поднялся и с беспокойством обернулся к келейнику. Но, увидев, что Семен приготовился записывать, еще раз махнул рукой.

Монахи с силой потянули веревки, и тело узника взметнулось под свод. По подвалу пронесся крик, такой же, какой слышал Семен у Корожной башни.

Монахи отпустили веревки, отчего ноги пытаемого коснулись пола. Семен увидел лицо Василия Босого с закусенной губой. Монахи с еще большей силой потянули веревки – и снова крик, громче и отчаяннее.

Семен кинулся к Василию Босому и схватил его за ноги. Он не мог допустить, чтобы пытаемого еще раз вздернули. Перед ним снова мелькнуло искаженное лицо Василия Босого, и молодой помор без памяти свалился на каменный пол.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ГОСУДАРЕВО «СЛОВО И ДЕЛО»

В губе Благополучной у пристани стоит судно, к верхушкам мачт которого прикреплены кресты. Судно снаряжено для архимандрита Фирса, собравшегося в Архангельск в гости к архиепископу Афанасию, в ведении которого находится монастырь.

В трюм снесли подарки для архиепископа; там лежали уже и более ценные подарки для Петра, – царь с начала лета с большой свитой находился в Архангельске.

Проводами архимандрита распоряжался келарь: на время отсутствия настоятеля в его руки переходило управление монастырем. Благословив с палубы провожающих, архимандрит приказал отплывать. Под колокольный звон судно вышло из губы Благополучной. Пока не исчезли очертания берега, архимандрит сидел на палубе; для него было поставлено кресло с подножкой, а его колени укутали меховой шубой.

Главной целью архимандрита было встретиться с царем Петром: он вез ему тщательно переписанные Семеном показания мятежников – боярина Ягубовского и холопа Василия Босого.

Архимандрит пытался представить себе, каким стал теперь молодой царь. Первый раз, знал он, Петр явился на Белое море в тысяча шестьсот девяносто третьем году. Переяславское озеро, где Петр до этого плавал в ботике под парусом, его уже не удовлетворяло. Добравшись Северной Двиной из Вологды в Архангельск, Петр выходил несколько раз на кораблях в открытое море. Он учился у поморов водить морские суда. Одетый в простую одежду, царь расхаживал по городу, устраивал пиры, сопровождавшиеся «огненными потехами». Заметив однажды заплывшую в реку белуху, он погнался за ней в карбасе. Перед отъездом Петр заложил на верфи два судна. Архимандрит был в это время в Архангельске и встречался с Петром.

Вторично царь посетил Белое море через год. Для построенных судов он привез им самим выточенные блоки и отлитые в Москве пушки. Суда спустили на воду. Петр выбивал из-под них клинья. Затем царь отправился на Соловецкие острова. Буря едва не погубила судно, на котором он плыл со своей свитой. Поморскому кормщику удалось проскочить мимо опасных Унских Рогов и войти в затишье Пертоминской губы. На берегу царь водрузил крест, на котором собственноручно вырезал: «Поставил сей крест капитан Питер». Надпись была сделана на голландском языке, и раскольники, не умея прочесть ее, утверждали, что здесь предсказывается скорое пришествие антихриста. После этого царь благополучно доплыл до Соловецких островов, где провел в монастыре несколько дней. Вернувшись в Архангельск, Петр выходил на судах из горла Белого моря вплоть до Святого Носа.

Архимандрит умел разбираться в людях: двух встреч ему оказалось достаточно, чтобы бесправоротно включить себя в число тех, кто связал свою судьбу с молодым царем. И теперь, когда предстояло новое свидание с Петром, архимандрит вез ему доказательства верной своей службы.

В путь он отправился без Семена: молодой помор перенес тяжелое потрясение, от которого долго не мог оправиться; лишь с большим напряжением он перебелил показания, которые вез с собой настоятель.

Перед отплытием архимандрит пришел к нему в келью. Семен хотел подняться, но настоятель велел ему лежать. Опустившись рядом на скамейку, он сказал, что по его возвращении должна будет решиться участь Семена. Это значило, что молодого помора отправят к «непогребенным мертвцам», где в посте и молитвах он подготовится к принятию монашеского чина, – сам Фирс прошел в молодости через такое же испытание.

Настоятель смотрел в глаза молодому помору, ожидая, что тот ответит согласием. Семен глаз не отвел, но и согласия не дал: обманывать он не мог.

Настоятель посидел у Семена еще немного времени. Он говорил с ним о разных вещах,

но ни словом не было упомянуто о том, что произошло в пыточном подвале.

Семен сам удивлялся тому, какая с ним стряслась беда: до этого он никогда не болел. Даже двое суток, проведенные на днище карбаса, на холоде и в мокрой одежде, на нем никак не отразились. Старый монах, считавшийся в монастыре лекарем, сказал, что у «отрока открылась горячка». Он пустил ему кровь, поил настоями трав, которые собирали на островах, и научил Семена молитве, «оберегавшей» от болезней. В монастыре рассказывали, что монах этот был раньше атаманом шайки разбойников и погубил много человеческих жизней; наконец он раскаялся и ушел в монастырь замаливать грехи. У него были совершенно белые волосы и трясущиеся руки. Жил этот стариk в келье при ризнице около старой оружейной палаты.

Наконец здоровая натура молодого помора взяла верх: в тот самый день, когда по весне вернулись из теплых стран чайки, Семен почувствовал, что начинает поправляться.

После отплытия настоятеля ему нечего было делать. Церковные службы, поклоны перед гробницами преподобных и даже чтение во время трапез делом он уже не считал. С тем большим рвением он принял за чтение рукописей и книг, взятых из старой оружейной палаты. Хотя Семен и отличался среди окружавших его людей начитанностью, знания у него были еще разрозненными; об этом ему не раз говорил настоятель. Нужно было как можно больше учиться. Семен одолел «Синопсис»²⁹. Из этой книги он узнал про древнюю Русь. О киевских богатырях он слышал еще раньше, из былин, но понимал, что все это выдумано, а в «Синопсисе» рассказывалось о подлинных событиях; так Семен впервые узнал про татарское нашествие и битву на Куликовом поле. О событиях более позднего времени, о царе Иване Васильевиче Грозном, о борьбе русского народа в начале семнадцатого столетия против польских панов и со свейскими захватчиками, о Минине и Пожарском рассказывали заходившие на Белое море странники, – Семен всегда внимательно слушал их. Были еще у настоятеля сочинения по географии Меркатора, рукописный перевод «О строении человеческого тела» Везалия и многое другое; все это тоже постарался одолеть молодой помор.

Но самым главным стал теперь для Семена побег Василия Босого. Чтобы осуществить это, сперва нужно было узнать, в каком месте узник заточен. Семен разведал, что тюремные каморы имеются во всех частях монастыря. Они были и у Сушильной башни, откуда бежал старец Пахомий, и у Архангельских ворот, выходивших к Святому озеру, где сидел в заточении прежний духовник царя, Илларион, уличенный в сношениях с Григорием Талицким. Была еще Салтыковская тюрьма, названная по имени заточенного там Ивашки Салтыкова. Рассказывали, что один из стражников, сжалившись над узником, бросил ему палку – обороняться от крыс. Об этом узнали и самого стражника «нешадно били плетьми». Под другой башней, за «непристойные слова против царя», был заточен некий Михаил Амирев. Человек этот притворился раскаявшимся; его освободили и постригли в монахи. А за год до появления Семена Амирев переоделся в мирское платье и уплыл с богомольцами.

2

Едва после весенних штормов на море пала тихая погода, в губу Благополучную один за другим начали прибывать карбасы с богомольцами. Желающих поклониться мощам Зосимы и Савватия собралось этим летом больше обычного. Богомольцы (а было среди них много сильных и здоровых мужиков) приставали долгие церковные службы и безропотно выполняли самые тяжелые работы. Когда кончался трехдневный срок пребывания в монастыре, чуть ли не все просились оставить их мирскими трудниками.

---

²⁹ «Синопсис» – первый сборник исторических сведений, изданный в Киеве Иннокентием Гизелем в 1674 году.

Келарь не мог догадаться, почему это так происходит; заподозрив злой умысел, он еще больше усилил монастырскую стражу.

От богомольцев Семен узнал, что жизнь на Белом море стала очень тяжелой: на промыслы выходить боялись, ожидая, по примеру прошлого года, нападения неприятельских кораблей. Много скота за зиму от бескормицы пало, а тех коров и лошадей, что удалось сохранить, прятали от петровских солдат в сузёмке³⁰. Сдирали сосновую кору, размельчали ее на жерновах и смешивали с остатками муки. В Сумском Остроге и других местах хватали мужиков и отсылали на работы, вызванные войной. Люди бежали в сузёмок, скрываясь в скитах. Среди раскольников снова заговорили о самосожжении.

Семену рассказали еще, что поблизости от Нюхотской Волостки этим летом начали рубить просеку: согнанные со всего Беломорья мужики валили лес и гатили болота, прокладывая дорогу; распоряжался там царский сержант Щепотьев, вторично прибывший в Волостку, на этот раз уже с большим отрядом солдат. Куда эта дорога вела и для чего ее строили, никто толком не знал.

Келарь в конце концов догадался, почему явилось так много богомольцев: люди спасались в монастыре от «царя-антихриста». Как ни тяжело было работать на Зосиму и Савватия, в монастыре людям не грозила голодная смерть; и царь, считали они, их здесь не найдет.

3

Камора Василия Босого находилась в толще монастырской стены. Это был небольшой «каменный мешок», в котором узник мог только вытянуться на лежанке, а стоять ему приходилось согнувшись. Окошко, выходившее к морю, было заложено железными брусьями; брусьев этих могло и не быть – ребенок не протиснулся бы через такое узкое отверстие. Деревянная дверка, выходившая в коридор, имела окошко с железной решеткой.

Весна прошла, а в каморе все еще было холодно и сыро, – стены даже за лето не успевали прогреться. Бежать из такого места считалось невозможным, и настоятель перед отплытием распорядился снять с Василия Босого кандалы. Он рассчитывал, что облегчение участи приведет к тому, что узник начнет давать нужные показания.

День за днем проводил Василий Босый в заточении. Его поддерживала надежда, что наступит, наконец, час, когда ему удастся бежать. Тогда он разыщет своих соучастников, по указанию которых пришел сперва в Архангельск, а затем приплыл с богомольцами в монастырь. Если бы не листки с писанием Григория Талицкого, что у него нашел один из монахов и показал архимандриту, до сих пор скрывался бы он среди мирских трудников, поджиная, пока не явится царь. Больше всего Василия Босого угнетало то, что он потерял сообщение с внешним миром; может быть, Петр давно уже убит, на престоле царевич Алексей, а про него, холопа, забыли.

Василий Босый не знал, что в каморе напротив сидит боярин, собирающийся поднять бунт против царя; не знал и боярин, кто такой Василий Босый.

Боярин Матвей Ягубовский проводил все время в молитвах; мало рассчитывая на милосердие царя земного, он спешил примириться с царем небесным. Однажды, погруженный в молитву, боярин услышал легкие шаги. Это его удивило: стражники ходили, тяжело стуча сапогами. Прервав молитву, боярин подполз к дверке и прильнул к брусьям решетки.

Кто-то приближался. Человек этот вышел из-за поворота и остановился около его каморы. Вынув из-под полы зажженный фонарь, он осветил лицо боярина. Свет одновременно упал и на его самого. Боярин узнал в пришедшем келейника настоятеля – того

---

³⁰ Сузёмок – лесная глушь.

самого, что во время допроса вел запись.

Боярина охватил ужас: снова его потащат на допрос, а может быть, на этот раз станут и пытать. Но келейник настоятеля направился дальше. Боярин сразу успокоился – пришли не за ним, пришли, наверное, за молодым узником, что сидел напротив. Боярин видел, как молодого узника однажды увели, а обратно принесли на руках, – значит, его пытали.

Забыв свой страх, боярин снова прильнул к решетке. Келейник настоятеля, увидел он, остановился у каморы молодого узника. Осветив ее через окошко, он радостно вскрикнул; боярина это поразило.

Но у каморы напротив келейникостоял недолго. Боярин, как ни напрягал слух, ничего не услышал: разговор велся вполголоса. Когда келейник, возвращаясь, проходил мимо боярина, тот снова поразился: лицо келейника выражало большую радость.

Уже все это было непонятным, но дальше произошло совсем непостижимое: сделав по коридору несколько шагов и повернув за угол, келейник остановился, – боярин услышал бы его шаги, если бы он пошел дальше. Но келейник ни дальше не пошёл, ни назад не вернулся, он куда-то исчез, словно провалился сквозь землю. Боярин забыл о молитвах: он не мог понять, почему так странно вел себя келейник настоятеля. Вдруг он подумал: «Может быть, собираются тайно освободить сидящего в каморе напротив узника?» Но сразу же брало сомнение: «Как может без ведома стражников попасть сюда келейник настоятеля?» Он долго колебался, пока не пришел к мысли, что если келейник явился с ведома настоятеля, то с ним, боярином, ничего плохого не сделают; а если задумано преступление (боярин уже начал на это надеяться!), разоблачением он, может быть, облегчит свою участь. И о том, что увидел, боярин решил сообщить стражникам.

4

Подземные ходы под монастырем Семен обнаружил случайно. Разбиная свитки, на одном из них он увидел план. В этом не было ничего необычного: возводя монастырские стены, монах Трифон начертит много планов. Но этот план оказался особенным – на нем изображалось не то, что находилось на поверхности, а что было под землей.

Еще раньше Семен сделал и другое открытие. Свитки, которые он брал в старой оружейной палате, не раз падали на пол и закатывались под нижнюю полку. Чтобы доставать их оттуда, он принес палку. Палка за что-то задевала, а один раз даже застряла. Посветив фонарем, Семен увидел, что палка попала в железное кольцо. Для чего это кольцо было вделано в плиту пола, он не знал, да тогда и не заинтересовался.

Вспомнил Семен про кольцо, когда нашел план; на этом месте был помечен вход в подземелье. Надпись на плане говорила, что через подземелье во время осады можно было сообщаться со сторожевыми башнями.

Оба открытия связались у Семена с поисками места, где был заточен Василий Босый. Семен предполагал, что узник должен находиться где-то около Корожной башни: здесь и берег был выше, чем в других местах, а рядом находился и пыточный подвал. Внутри стен в эту часть монастыря без настоятеля его не пускали, а с наружной стороны, начиная от Рыбных ворот, выходивших к губе Благополучной, вплоть до Никольских ворот на восточной стороне у Святого озера, все время ходили стражники. Число их с прибытием богомольцев было увеличено.

Тогда Семен решил проникнуть в подземелье. Может быть, рассуждал он, это поможет найти Василия Босого. Переложив свитки и тяжелые книги в другое место, он отодвинул полку. Попробовал поднять плиту за кольцо, но это оказалось не под силу. «Как же поднималась плита раньше?» – спросил он себя. Взглянув наверх, Семен увидел в своде такое же кольцо, как внизу. Пододвинув полку на место, он забрал свитки, почистился и вышел наружу, – больше он не мог оставаться в старой оружейной палате, не вызывая подозрений. Ключи, как всегда, он отдал монаху-лекарю.

Следующий раз Семен пришел с блоком и веревкой; раздобыть эти вещи ему было не трудно. Забравшись на верхнюю полку, он прикрепил блок к кольцу и продел в него веревку. Затем отодвинул полку и привязал веревку к нижнему кольцу.

После небольших усилий плита приподнялась. Вниз вела узкая лестница с каменными ступеньками. Этим Семену пришлось на первый раз ограничиться; он привел все в прежний вид, только плиту под полкой не задвинул.

На третий день Семен сразу подлез под полку, спустился в отверстие и, согнувшись, сошел по ступенькам. Подняв фонарь, он увидел, что находится в круглом подвале; отсюда на четыре стороны начинались подземные ходы. Семен быстро продвинулся по тому из них, который вел на юго-восток. Дорогу преградил обвал. Такой же обвал он обнаружил и в юго-западном проходе, ведшем в сторону Прядильной башни. Семен вспомнил, что в одной из летописей говорилось о большом наводнении, которое затопило монастырь несколько десятков лет назад, — тогда, вероятно, и обрушились подземные ходы.

Семену пришлось вернуться назад, отложив дальнейшее обследование до следующего раза, — он и так слишком задержался в подземелье. В старой оружейной палате он, как обычно, почистил одежду, взял пачку рукописей и хотел уже выйти, но вдруг обнаружил, что дверь заперта на ключ. На стук прибежал монах-лекарь и объяснил, что, когда заглянул внутрь, — никого не увидел, поэтому и запер дверь. Семен сказал, что забрался на верхнюю полку, оттого его и не было видно. Будь светлее, монах-лекарь обнаружил бы, что келейник настоятеля покраснел, — ему трудно было обманывать даже и при таких обстоятельствах.

После случая с запертой дверью Семен несколько дней в подземелье не спускался. Он боялся, не следит ли за ним монах-лекарь. Но мысль, что он, может быть, находился совсем недалеко от того места, где был заточен Василий Босый, что немного до него не дошел, заставила молодого помора продолжать поиски.

Подземный ход на северо-восток оказался суще, но и здесь свод обвалился. Остался только ход на северо-запад, в сторону Корожной башни. На него Семен надеялся больше всего. Действительно, обвала здесь не было, но дорогу преградила каменная кладка. На обратном пути Семен отсчитал количество пройденных шагов и, проверив затем по плану, понял, что подходил под землей вплотную к Корожной башне.

Теперь оставалось только проникнуть за каменную кладку, но как это сделать, он еще не знал. К тому же Семен понимал, что если все это выплынет наружу, ему несдобровать, первым же осудит его сам настоятель, — и все же от начатого дела не отступился.

5

Во время обхода стражников боярин подал голос. Один из них подошел к каморе. Боярин шепотом спросил, зачем к узнику, что сидит напротив, «ходит келейник настоятеля». Стражник, успевший уже глотнуть хмельного, засмеялся — таким нелепым показался ему вопрос. Но боярин упрямо стоял на своем, и тогда стражник закричал, чтобы боярин «впредь не смел брехать».

Наутро,протрезвев, стражник забыл об этом. Но боярин, надеясь доносом облегчить свою участь, снова подал голос. На этот раз ему попался уже другой стражник. Вернувшись с обхода, стражник рассказал первому, что боярин спрашивает: «Почему к узнику, что напротив, приходит келейник настоятеля?» Тогда первый стражник вспомнил, что и ему это же самое говорил боярин. Оба решили, что боярин рехнулся. Но об этом полагалось сообщить келарю, оставшемуся в монастыре вместо настоятеля. Только они договорились не упоминать про келейника настоятеля, — настолько это им казалось невероятным.

Так до келаря дошло сообщение, что мятежный боярин начал заговариваться. Келаря это не заинтересовало: вернется настоятель, он ему обо всем доложит. Но через день явился стражник и, едва шевеля от страха губами, выговорил: «Боярин Матвей объявил государево „слово и дело“.

Келарь подошел к нему вплотную, чтобы убедиться, не во хмелю ли стражник. Но тот был трезв и упрямо повторял: «Боярин Матвей объявил государево „слово и дело“...

Келарь помнил, что ему уже докладывали о том, что боярин не в своем уме. Но «слово и дело»...

Когда объявляли «слово и дело», каждый, кто об этом услышит, должен сообщить куда следует: «слово и дело» значило, что задумано государственное преступление. И беда тому, кто скроет это; самого его кинут в тюрьму, как пособника преступника.

Но келарю были известны случаи, когда узники объявляли «слово и дело» только для того, чтобы их отвезли в Москву, в Преображенский приказ, рассчитывая по дороге сбежать. Тогда обвинившего подвергали тяжелым пыткам, а того, кто поддался на обман, самого били плетьми, «чтобы в другой раз был умнее».

Келарь знал, что боярин рассказывал настоятелю про заговор против Петра. Так для чего же он объявил теперь «слово и дело»? Может быть, настоятелю он не всё открыл, остальное можно было сказать только царю? Если теперь келарь отправит боярина в Архангельск, то Петр его за это только похвалит. А если боярин свихнулся, и келаря об этом предупреждали, царь его за такую глупость не помилует. Как келарь ни был изворотлив, в первое мгновение он не знал, что делать.

А затем, подскочив к стражнику, проговорил сквозь стиснутые зубы:

– Ты про это отцу келарю ничего не говорил... Ты и сам никакого «слова и дела» не слышал... Понял?

Стражник в страхе закивал головой. И тогда келарь позвал монахов, которым приказал упрятать стражника в подземелье под Сушильной башней, да так крепко, чтобы никто не услышал, что он там говорит.

Ошалевшего стражника уволокли, и келарь начал успокаиваться: настоятель, считал он, по возвращении разберется. Но келарю пришлось очень скоро изменить свое решение: явился второй стражник и тоже пролепетал: «Боярин Матвей объявил государево „слово и дело“».

Келарю ничего не оставалось, как распорядиться притащить боярина в пыточный подвал.

6

Елисей, после того как его избил келарь, долго хворал. Жил он теперь в келье монаха-лекаря, который поил его настоем тех же трав, что и Семена, только молитву он велел ему читать другую.

Видя, каким слабым стал Елисей, монахи про себя говорили: «Отроку долго не жить» – и набожно крестились.

Елисей мучился, что умрет не прощенный Семеном: на душе у него останется большой грех. И Елисей стал следить за тем, куда ходит Семен, чтобы наедине выпросить у него прощение. Так он узнал про посещение Семеном старой оружейной палаты. Елисей решил забраться туда, когда монах-лекарь производил уборку. Монах-лекарь вскоре ушел. Через некоторое время появился Семен; Елисей испугался и себя не обнаружил.

Семен поставил на пол фонарь и полез под полку. Затем рука Семена увлекла туда же фонарь, и все затихло.

Выбравшись из-за укрытия, Елисей, пошарив рукой под полкой, обнаружил вход в подземелье. Спуститься за Семеном он побоялся и поспешно ушел из старой оружейной палаты.

На следующий день Елисей взял с собой огниво и свечку. На его глазах Семен, как и в первый раз, спустился в подземелье. Елисей превозмог боязнь и последовал за ним.

Попав в круглый подвал и не видя нигде Семена, он высек огонь и зажег свечку. По следам на полу он увидел, куда уходит Семен. Держа ладонь перед пламенем, чтобы свечку

не задуло, Елисей направился по подземному ходу.

Семена он увидел около каменной кладки, преграждающей дорогу. Молодой помор вытаскивал за скобу большой камень и не услышал тихих шагов Елисея. Чтобы не быть обнаруженным, Елисей погасил свечку.

Сдвинув камень в сторону, Семен протиснулся в образовавшееся отверстие. Елисей остался в темном подземелье один, – идти дальше он побоялся.

Вскоре он услышал, что Семен возвращается. Елисей хотел убежать, но ноги его не послушались. Семен протиснулся обратно, вставил камень на прежнее место и, светя фонарем, двинулся по подземелью.

Елисей едва дыша прижался к стене.

В таком состоянии его увидел Семен. Оба ониостояли некоторое время друг против друга: Елисей – не смея от страха пошевелиться, а Семен – пораженный неожиданной встречей.

Наконец Семен тихо спросил:

– Что ты тут делаешь?

Елисей ничего не ответил.

– Что ты тут делаешь? – настойчиво повторил Семен.

Елисей прошептал:

– Ты меня простил, Семен?

Невольно молодой помор двинулся к нему. Тогда Елисей вскинул руки и бросился Семену на шею. Он прижался к его груди и заплакал. Так они стояли в подземелье; худенькое тело Елисея вздрогивало от негромких рыданий.

Первым овладел собой Семен.

– Пойдем, Елисей, – сказал он, – нельзя, чтобы нас тут застали.

Они быстро выбрались в старую оружейную палату.

«Что теперь делать?» – спрашивал себя Семен.

И обратился к Елисею:

– Зачем ты выследил меня?

Елисей объяснил, что хотел попросить у своего друга прощения. Семен выслушал его и проговорил очень серьезно:

– Ты можешь, Елисей, думать что хочешь, но помни: никто не должен знать, что я спускаюсь в подземелье. Понимаешь? Никто. Потом я тебе обо всем расскажу, но сейчас я не могу, это не моя тайна... Можешь ты мне обещать это?

Елисей поклялся своим спасением на «страшном суде»; для него это было самой сильной клятвой. Семен понял, что Елисей теперь его не выдаст. Значит, Василию Босому удастся совершить побег. Не знал только молодой помор того, что в это время келарь пытал боярина Матвея Ягубовского.

Боярин не зря объявил государево «слово и дело». На его слова о том, что келейник настоящего посещает узника, стражники отвечали насмешками. Но посещения келейника продолжались. Это значило, считал боярин, что стражники с келейником заодно. Из отдельных слов, которые удалось услышать, боярин догадался о подготовляемом побеге. Что это за побег и кто еще в нем участвует, боярин не знал. Он только понимал, что обо всем

рассказать следует только царю, – в монастыре все были друг с другом заодно. Царь во всем этом разберется и его, боярина Матвея, за донос помилует. В монастыре он больше никому ничего не скажет, пусть его отправят прямо к царю. Для этого он объявил государево «слово и дело».

Келарь похвалялся, что умеет пытать лучше, чем архимандрит. Архимандрит церемонился, а он, келарь, прямо в хомут или на лежанку, а то сразу начнет с виски. Ничего, что пытаемого приходится для приведения в чувство окатывать холодной водой. И келарь очень быстро узнал от слабосильного боярина все, что тот собирался от него скрыть.

7

Семен передал Василию Босому нож, которым узник должен был вырезать замок, объяснил, какой камень вынуть в стене, чтобы проникнуть в подземелье, и как затем выбраться из старой оружейной палаты. Для побега оставалось только дождаться, чтобы хоть часть богомольцев отправилась в обратный путь, – об этом Семен подаст через окошко условленный сигнал.

Если все произойдет, как задумал молодой помор, никто не догадается, каким путем совершил побег Василий Босый и, главное, кто ему в этом помогал; последнее было важно для Семена. Семен понимал, что обо всем ему в конце концов придется рассказать настоятелю, но это будет уже во время исповеди, тайну которой настоятель не сможет никому раскрыть³¹.

Побывав последний раз у Василия Босого, Семен, как всегда, забрал в старой оружейной палате охапку рукописей и вышел на монастырский двор. Если бы он, находясь в подземелье, обратил внимание на камору, где сидел боярин, то увидел бы, что в ней никого не было; это, может быть, зародило бы в нем опасения.

Но он ничего не заметил и спокойно направился в свою келью. Тут его нагнал монах-лекарь. Глядя испуганно на Семена, он проговорил:

– Отец келарь велит отроку прийти к нему...

Руки монаха-лекаря сильно тряслись.

У Семена перехватило дыхание. Но ему удалось сделать вид, что ничего страшного не произошло: спокойно он ответил, что отнесет только свитки и тотчас явится к отцу келарю.

Еще более испуганно монах-лекарь продолжал:

– Отец келарь требует, чтобы отрок явился без промедления...

Семен в это время думал, что ему теперь делать: может быть, немедленно бежать, – но куда? И как быть с Василием Босым? А может быть, келарь ничего не знает и зовет совсем по другому делу?

Отдав свитки монаху-лекарю, Семен отправился к келарю. Здесь его поджидали двое монахов. Сомнений у Семена больше не оставалось: сейчас его схватят, закуют в кандалы и бросят в подземелье, а затем станут пытать. Он к этому готов – ни словом не обмолвится о Василии Босом, – может быть, узнику все же удастся бежать.

Спокойно перебирая четки, келарь велел Семену подойти к столу. Там была подготовлена бумага, лежало перо, стояла чернильница.

– Пиши! – коротко сказал келарь и велел монахам отойти к дверям.

Келарь начал диктовать. Когда он произнес: «Объявил мятежный боярин государево „слово и дело“», Семен вскочил. Келарь нажал своими жилистыми пальцами на его плечо, заставив снова сесть.

Дописав, Семен посыпал бумагу песком, свернул, перевязал и прикрепил к шнурку

³¹ Семен, как и все люди того времени, считал, что «тайна исповеди» не может быть нарушена; в действительности же так не было.

кусочек воска. Келарь оттиснул на воске свою печать, затем хлопнул в ладоши, и вошли еще двое монахов: один принес теплую одежду, другой – мешок, в котором, как скоро выяснил Семен, были съестные припасы.

Ему помогли обрядиться, дали в руки мешок и повели на пристань. Там было пришвартовано небольшое судно с крестом на мачте.

На палубе келарь сказал Семену:

– Только нам с тобой ведомо, что стоит в свитке. Если обмолвишься, царь не помилует. И что бы боярин ни говорил, никому ни слова.

Свиток он велел передать царю, к нему же отвезти и боярина. Когда Семен спрятал свиток под платье, келарь сказал: «Отправляйтесь с богом». На судне, кроме молодого помора, было четверо монахов из тех, что прислуживали у келаря.

Семен следил, как удаляются монастырские стены. Он взглядался в подножие Корожной башни. «Сможет ли теперь без меня бежать Василий Босый или напрасно прождет сигнала», – думал он.

Очертания стен, башен и церквей стали расплыватьсь – Семен не сразу понял, что глаза его наполнились слезами. Он вспомнил, как, подплывая прошлой осенью к монастырю, стремился поклониться мощам «преподобных святителей»; сейчас такого желания у него уже не появилось бы.

Когда Соловецкие острова скрылись за горизонтом, Семен спустился вниз. На койке лежал закованный в кандалы боярин Матвей Ягубовский. Снова, как под Корожной башней, они оказались лицом к лицу. Но сейчас боярин уже не узнал келейника настоятеля, он был еле живой, – отец келарь перестарался.

8

С часу на час Василий Босый ждал условленного сигнала. Но проходили дни, сигнала не было, не являлся больше и Семен.

Вдруг ранним утром разнесся грохот орудийной пальбы. По какому поводу палили из пушек, Василий Босый не знал, а выглянуть из своего окошка не мог.

Орудийная пальба всполошила весь монастырь. Сперва подумали, не враг ли напал. Келарь поднялся на одну из башен с подзорной трубой. К Заяцким островам, увидел он, подошли тринадцать кораблей, с солдатами на палубе. На мачтах развевались никому не ведомые белые флаги с синими полосами. Корабли становились на якорь, продолжая палить из пушек, но никаких приготовлений к нападению на монастырь келарь не обнаружил.

Вскоре небольшое судно вошло в губу Благополучную. Это было то самое судно, которое келарь отправил с боярином в Архангельск. Келарь поспешил на пристань.

Едва перебросили сходни, на берег сошел архимандрит. Благословив прибывавших встречать его монахов, архимандрит торжественно объявил:

– Смиренную обитель нашу осчастливил своим посещением государь Петр Алексеевич. Государь прибудет на малом судне к вечернему богослужению.

Келарь окунул глазом приплывшее судно: кормщиком на нем остался Семен, а монахов, которых он отправил с боярином, уже не было, – их заменили людьми настоятеля.

Часа за полтора до захода солнца в монастырь прибыл царь, сопровождаемый только самыми близкими людьми. Царя встретили колокольным звоном и пальбой из всех монастырских пушек. Стены заволокло пороховым дымом.

Царь принял благословение архимандрита. За пушечную пальбу Петр поблагодарил, а колокольный звон велел прекратить.

Все ожидали, что царь войдет в ворота, где с «чудотворной» иконой поджидали монахи. Но Петр направился вдоль стены: ему не терпелось убедиться, «сколь может быть неприступным монастырь в случае нападения неприятеля». И только обойдя вокруг стен, окружностью больше версты, царь прошел воротами. Он направился в собор, где сразу же

началось торжественное молебствие. Служил сам архимандрит, а царь стоял около клироса, подтягивая по своему обыкновению певчим.

Ночью, когда все считали, что царь мирно почивает в отведенном ему покое, Петр вместе с архимандритом обошел все монастырские тюрьмы. Сопровождал их келейник настоятеля; он нес фонарь.

Архимандрит рассказывал про каждого узника. Многих из них Петр знал, – по его приказу они здесь находились. Он сам снял кандалы со своего бывшего духовника Иллариона, извет на которого не подтвердился. Царь уговаривал Иллариона отправиться вместе в поход, но тот, измученный заключением и пытками, захотел навсегда остаться в монастыре.

Под Головленковской башней Петр встретил бывшего тамбовского епископа Игнатия. Игнатий набросился на царя с бранью; Петр схватил плеть и так крепко избил бывшего епископа, что тот через два дня помер.

Не оставался этой ночью праздным и келарь: он сочинял новый извет на настоятеля и его келейника. Келарь не мог понять, почему царь с ними не расправился, ведь боярин должен был рассказать Петру, что на него в монастыре готовится покушение; у келаря был хитрый план: использовав боярина, погубить настоятеля. Но келарь не знал, что произошло на судне, которое он отправил с боярином в Архангельск. А произошло вот что.

Когда прошли половину пути, Семен, все время наблюдавший за боярином, увидел, что тому приходит конец. Ослабевшей рукой боярин поманил его к себе и велел наклониться. Семен услышал: «Отец келарь задумал тебя и архимандрита погубить: научил, как вас перед царем оплести... Будто бы вы оба хотите убить его... Каюсь тебе, отрок, – не могу помереть с таким грехом на душе»...

Больше ничего сказать боярин не сумел. В Архангельске тело его, по приказу Петра, свезли на берег, где и закопали поглубже. А свиток, написанный Семеном под диктовку келаря, царь велел сжечь.

Свой новый извет, изловчившись, когда рядом никого не было, келарь на следующий день передал Петру.

9

Этой ночью неведомый никому холоп Василий Босый впервые лицом к лицу встретился с всемогущим царем. Впереди, с фонарем в руке, шел Семен, за ним, согнувшись, – Петр; архимандрит замыкал шествие. Приблизившись к каморе Василия Босого, Семен остановился, – двинуться дальше он был не в состоянии.

Архимандрит отпер дверку и направил свет на узника. Василий Босый поднялся с лежанки. Выпрямиться ему не позволил низкий потолок. Узник глядел на пришедших исподлобья.

Архимандрит сказал Петру, что это и есть тот самый человек, который хотел вздеть его на рогатину. По лицу Петра забегала судорога.

Глаза Василия Босого вдруг сверкнули, и он весь напрягся, собираясь выскочить из каморы. Петр попятился; архимандрит быстро захлопнул дверку, повернув в замке ключ. Семен услышал, как Петр тяжело засопел, а узник в это время шумно свалился на лежанку.

Помолчав, архимандрит спросил:

– На вечное заточение?

Петр подтвердил кивком, – по лицу его продолжала бегать судорога. Семен стоял ни жив ни мертв; если бы знали они, царь и архимандрит, что происходило в это время на душе у молодого помора!..

Утром, когда Петр вернулся на корабль, к Семену осторожно приблизился монах-лекарь; он что-то шепнул, Семен последовал за ним.

В келье у старой оружейной палаты лежал в гробу Елисей. Келейник келаря был еще живым, но его уже причастили и положили, по монастырскому обычаю, умирать в гробу.

Когда молодой помор над ним склонился, Елисей прошептал:

– Помираю я, Семен... Такая моя участь... Но я, Семен, теперь боюсь... Прежде не боялся, теперь очень боюсь...

И Елисей рассказал Семену: в надежде исцелиться прикосновением к мощам преподобных святителей, он тайно приподнял крышку одной из гробниц, но ничего, кроме сгнивших костей, не нашел... Приподнял крышку второй – то же самое... Теперь Елисей больше не верил, что на том свете ждет его награда; и ему было очень страшно умирать.

Похоронили Елисея скрытно – в монастыре находился царь. А когда через много лет в монастырь приплыли отец и мать Елисея – проведать, как живет их сын, монахи с трудом разыскали его могилу.

10

Петр прожил в монастыре несколько дней. Все видели, что царь кого-то ждет. Наконец в губу Благополучную приплыл в карбасе человек, потребовавший, чтобы его провели к царю. Петр прочел переданную от Щепотьева грамоту, в которой говорилось: «Идти на кораблях можно». И тогда Петр объявил, что на следующий день назначается отплытие.

В ту ночь, последнюю из проведенных Петром в монастыре, произошло еще одно событие. Безродный холоп Василий Босый, приговоренный на вечное заточение, бежал из своей каморы. Переодевшись в мирское платье, он вырезал замок, проник в подземелье и через старую оружейную палату выбрался на монастырский двор. В суматохе, вызванной подготовкой к отплытию, Василий Босый взял карбас и поплыл к кораблям. Утром никто не обратил внимания на молодого мужика, выполнявшего вместе с другими матросскую работу, – много таких мужиков было собрано по всему побережью Белого моря.

Так, вместе с солдатами, матросами, монахами, пушками, прочим оружием и съестными припасами, Петр взял с собой в поход человека, который собирался вздеть его на рогатину.

НЮХОТСКИЙ ПОХОД

ГЛАВА ПЕРВАЯ У ВАРДЕ-ГОРЫ

1

С полудня сержант Преображенского полка, Михаил Щепотьев, находился на Варде-горе. Наблюдая через подзорную трубу за горизонтом, он в то же время следил за движением прилива: на его глазах широкие отмели и каменистые корги быстро заливались мутными волнами, Щепотьев видел, как вода, покрывая камни, некоторое время над ними бурлила; и, когда камни совершенно скрывались и об опасности, казалось, ничего больше не предупреждало, – только опытный глаз помора мог бы определить, что здесь затаилась корга.

Полный прилив приходился на вторую половину дня; к этому времени следовало ждать корабли. Щепотьев послал Петру на Соловецкие острова «описание Ниухотской пристани»; он знал, что на корабли взяты поморские кормщики, а эскадру ведет вице-адмирал Корнелий Крюйс, которого царь весьма ценил.

Через подзорную трубу Щепотьеву хорошо был виден небольшой островок Рис-луда³², куда сержант отправил в карбасе человека встретить корабли; дальше находилась Ламбас-луда и Ропаки и открывалось море, откуда корабли и должны были прийти. Но горизонт долгое время оставался чистым. Только в четвертом часу внезапно на нем возникло судно, за ним второе, третье, четвертое, пятое, и вскоре появилась вся эскадра, состоявшая из тридцати больших кораблей. Они шли под парусами и быстро приближались к Рис-луде.

Карбас с Рис-луды пристал к флагманскому судну, после чего на эскадре начали обмениваться сигналами. Все корабли развернулись против ветра и стали на якорь: вице-адмирал опасался к ночи маневрировать вблизи неизвестного берега, а поморским кормщикам он, вероятно, не доверял.

Только одно судно, сбив паруса, направилось в сторону Варде-горы. Было оно для Белого моря необычным, с двумя очень высокими, несколько склоненными назад мачтами и с далеко вынесенным бушпритом. Это, знал Щепотьев, двадцатипушечная яхта «Транспорт-Ройаль», которую подарил Петру король во время пребывания русского царя в Англии.

Яхта приблизилась к Варде-горе. Щепотьев через подзорную трубу разглядел на корме, возвышавшейся над палубой, высокую фигуру Петра, а ближе к носу – низенького человека в большом парике, увенчанном треугольной шляпой; это и был сам вице-адмирал Корнелий Крюйс.

Щепотьев понял, что яхта идет прямо на Сельянную коргу; нужно было немедленно предупредить об опасности. Не успел он этого сделать, как увидел, что к вице-адмиралу подбежал человек в высоких рыбачьих сапогах и, показывая туда, где под водой была скрыта

³² В некоторых исторических описаниях Рис-луда именуется горой, подобно Варде-горе. Это не совсем точно: Рис-луда – небольшой островок.

корга, о чем-то говорил.

Вице-адмирал сердито затопал ногами, сунул подзорную трубу под мышку и отвернулся. Тогда человек в высоких рыбачьих сапогах подскочил к мачте и, выхватив нож, перерезал лопарь³³. Большой парус грот-мачты опустился и стал чертить краем по воде. От мачты человек в высоких сапогах кинулся к корме, где, оттолкнув рулевого, сам завертел штурвал, – яхта развернулась в обратном направлении. И тогда человек этот кинулся в носовую часть; здесь он перерезал пертулин³⁴, – отчего якорь со всплеском погрузился в воду. Став носом к ветру, яхта «Транспорт-Ройаль» спокойно закачалась на волнах неподалеку от Сельянной корги.

Щепотьев не сводил трубы с палубы яхты. По указанию вице-адмирала, человека, остановившего судно, схватили двое солдат. С кормы в это время приближался большими шагами царь. Размахивая подзорной трубой, вице-адмирал пытался ему что-то сказать. Но Петр, отстранив его рукой, подошел к схваченному человеку.

Далее, увидел Щепотьев, Петр отоспал солдат и одобрительно похлопал по спине человека, вовремя остановившего яхту. Сделав это, Петр вернулся на корму. Вице-адмирал в волнении сдвинул на затылок вместе со шляпой свой большой парик, широким платком вытер лоб, после чего надвинул парик и шляпу на место. Все это его, очевидно, успокоило. Как и царь, он похлопал по спине человека, остановившего яхту. Только Петр сделал это наклонившись, а вице-адмиралу пришлось для этого приподняться на цыпочки.

Щепотьев никогда раньше не видел человека, так смело спасшего царскую яхту. С ним на Варде-горе был тот самый Гришка Гореликов, который год назад привозил его сюда в карбасе. Сунув подзорную трубу в руку Гришке, Щепотьев спросил, не знает ли он стоящего на палубе человека в высоких сапогах.

Гореликов навел трубу и удивленно воскликнул:

– Семен Поташов!?

2

На следующее утро к Варде-горе подошло небольшое судно с крестом на мачте. Это приплыл архимандрит Фирс с соборными старцами. Среди них был казначей обители и новый келарь, – старый келарь находился в это время уже в каморе под Корожной башней, на месте боярина Ягубовского.

Судно привезло соленую рыбу, оленины туши, муку, печенный хлеб, а у казначея имелась кожаная сумка с казной обители.

Архимандрит увидел, что к кораблям подходят пустые карбасы, возвращавшиеся на берег тяжело нагруженными. Там уже были свалены кули с продовольствием, стояли сухопутные пушки на больших колесах, обозные телеги, повозки для царя и свиты и многое другое, необходимое в походе. Корабли разгружались солдатами, а на берегу работали беломорские мужики.

Разгруженные корабли отводили к Рис-луде. Лишь два малых фрегата, только что выстроенные и оснащенные на верфи Избранта под Холмогорами, именовавшиеся «Курьер» и «Святой Дух», были подведены ближе к берегу. С них сняли все, вплоть до каменного балласта, «раздели» стоячий такелаж и «выдернули» мачты. На берегу сколачивали большие салазки, с помощью которых предполагалось тащить фрегаты сухим путем.

Архимандрит видел, что на судах распоряжается вице-адмирал, а на берегу – сержант Щепотьев. Сам же Петр с царевичем Алексеем и частью придворных еще утром, не ожидая

---

³³ Лопарь – снасть, поднимающая парус.

³⁴ Пертулин – снасть, при помощи которой якорь крепился к борту.

прилива, отправился пешком в Нюхотскую Волостку.

Никогда еще, знал архимандрит, у Варде-горы не собиралось столько кораблей и не было согнано так много народа. И давно уже, с горечью думал архимандрит, обитель не подвергалась такому опустошению. Царь увез всех мирских трудников, а вместе с ними и молодых монахов; царь забрал едва не все продовольственные запасы, а теперь приходится отдавать и деньги. Царь распорядился привести в порядок все тюремные помещения и выстроить новые; он даже указал, в каком месте, а на Заяцком острове, около которого стояла эскадра, возвести церковь. Взамен всего этого царь подтвердил преимущества, какими пользовался монастырь на Белом море, и, что было особенно важно Фирсу, предоставил ему по своему усмотрению расправиться с отцом келарем.

Архимандрит, конечно, не боялся, что монастырь захиреет – пришлют новых монахов, явятся трудники, вскоре пополнятся запасы, как и казна. Только одно считал архимандрит непоправимым: Петр увез Семена.

Произошло это так. Читая в Архангельске привезенные показания, Петр спросил: «Кем писано, – не твоя, архимандрит, рука?» Фирс рассказал про Семена, и Петр заинтересовался молодым помором. А вскоре после этого Семен в первый раз встретился с Петром.

Судно, на котором молодой помор вез мятежного боярина, вошло в устье Северной Двины. Со стороны Новодвинской крепости появился карбас, приставший к борту. На палубу легко взобрался высоченный мужчина в военной одежде, спросил:

- Откуда судно?
- Из Соловецкой обители, не видишь, что ли, кресты?
- А ты кто будешь?
- Келейник архимандрита.
- Что привез из обители?

Семен, в свою очередь, спросил:

- А сам-то ты кто будешь, что допытываешься?

Высоченный мужчина в военной одежде даже удивился.

- Я – царь, меня тут все знают.

И ухмыльнулся.

Семен был не маленького роста, но на царя ему пришлось смотреть снизу вверх. Вынув из-под одежды свиток с печатью келаря, отдал его царю.

- Где мятежный боярин? – спросил Петр, прочитав свиток.
- Боярин преставился, можешь на него поглядеть.
- Что явилось тому причиной?
- Отец келарь боярина запытал.
- Что говорил боярин перед смертью?
- Говорил, что отец келарь велел ему оплести архимандрита перед царем.
- Как это – «оплесть»?
- Будто архимандрит заманивает царя в обитель, чтобы там с ним расправиться.
- Как это – «расправиться»?
- То ведает отец келарь.

Петр сунул свиток в карман, затем спросил:

- Ты и есть Семен Поташов?
- Откуда ты знаешь?
- Царю все полагается знать.

Семен посмотрел на него пораженный, а Петр снова ухмыльнулся.

На пути из Архангельска к Соловецким островам корабли попали в бурю. В это время Петр приглядывался, как ведет келейник архимандрита судно. А когда поплыли от Соловецких островов к Нюхотской Волостке, Петр взял Семена на «Транспорт-Ройаль»; он сам помог молодому помору разобраться в незнакомой оснастке «английской яхты».

В пути Петр устроил Семену экзамен и остался доволен: молодой помор знал не только грамоту, но и аддицию, субстракцию, мультипликацию и дивизию (так называли тогда

сложение, вычитание, умножение и деление); кроме того, Семен постиг на практике и навигацию.

Петр еще в монастыре сказал архимандриту, что такому дельному малому нечего здесь пропадать. Все же Фирс стал просить не увозить от него Семена. Петр язвительно осведомился, не является ли молодой помор сыном Фирса, чем архимандрит оказался вконец обескураженным. К тому же сам он подумал, что, будь у него такой сын, непременно отправил бы его с Петром.

Узнал архимандрит и то, что Семен предотвратил крушение царской яхты. Но не узнал, как бежал Василий Босый и кто ему устроил побег. Рассказать об этом сумел бы отец келарь. Только, не дожидаясь, пока настоятель станет его пытать, отец келарь повесился в каморе.

Когда начался прилив, архимандрит с соборными старцами в карбасе поплыл к Нюхотской Волостке.

3

Впереди вышагивал Петр; за ним, едва поспевая, — Семен, хотя и был он неплохим ходоком. Сзади, растянувшись вдоль берега, двигались те из придворных, которые отважились пойти с Петром. Среди них поручик бомбардирской роты — Меньшиков. Был при Петре и царевич Алексей.

Но первым, обгоняя даже царя, несся вприпрыжку маленький человечек; звали его Ермолайкой. Карлик все время оглядывался; сморщенное лицо его то выражало блаженную радость, если дорога была без препятствий, то растерянность, когда казалось, что дальше пройти невозможно.

Прибрежная равнина переходила в моховое болото, поросшее низким лесом. Высокая трава скрывала озерки, откуда взлетали утки. На обнажившемся дне моря кормились громадные стаи гусей. Гуси вытягивали шеи, затем с разбегу поднимались в воздух, — гусиное гоготание сопровождало царя и его спутников всю дорогу.

В море впадали ручьи; во время отлива вода в них стояла низко; между твердым берегом и краем воды простирался широкий слой няши — густой и липкой грязи. Ермолайка, желая показать, что ему все нипочем, прыгнул через первый ручей. Он угодил прямо в няшу, откуда его с трудом вытащили. Царю и его придворным приходилось таскать выкинутые морем бревна, чтобы перекидывать через ручьи мосточки. Петр поверх камзола надел колет³⁵ из лосиной кожи и перепачкаться не боялся. Меньшиков, как и остальные, отправился принарядившись и теперь злился, что пришлось измазаться.

Заботу всем доставлял царевич Алексей. Вытянутый и узкогрудый, с невыразительным лицом, царевич был совершенно беспомощным: его переносили на руках даже там, где можно было перейти без всякой помехи. Семен глядел на этого хилого тринадцатилетнего мальчика и не мог понять, почему это хотят посадить его на престол, да еще вместо такого царя, каким был Петр.

Один из придворных, иноземец на русской службе, господин Патвард, как бы невзначай отошел в сторону. Убедившись, что за ним не наблюдают, спрятался в высокой траве. Патварда интересовала группа придворных, которые отстали от царя, — ему хотелось узнать, о чем они говорят. Скоро эти люди приблизились, и до Патварда донеслось:

- Царь никому не говорит, зачем завез на край света...
- Снова окажемся побитыми, как при Нарве!..
- При Нарве царь убежал первым, здесь же себя и нас всех погубит!..³⁶

---

³⁵ Колет — род плаща.

³⁶ Враги клеветали на Петра. В действительности Петр в Нарвском сражении 1700 года непосредственно не участвовал.

- Воспользоваться надоно, что царь далеко от Москвы!
- С царем четыре батальона семеновцев и преображенцев!
- Все равно – сгинем вместе со всеми!..

Говорившие начали удаляться, и Патвард больше ничего не услышал. Переждав, он выбрался на тропку. Патвард этих людей хорошо знал: среди придворных было много недовольных Петром. Свидетелем таких разговоров Патвард оказывался уже не раз, и они были ему на руку.

По пути Петр заглядывал в солеварни. Соль варили зимой, и сейчас здесь было безлюдно. Петр знал, что соль на Белом море получается темной, с примесями, и к тому же солеварение, производившееся уже в течение нескольких столетий, истребило на побережье лучшие леса.

Петр делился на ходу своими планами с Меньшиковым, – присутствие Семена его не стесняло. Петр собирался развить в Карелии добчу железной руды и поставить на Онежском озере оружейные заводы: ему это нужно было для успешного ведения войны. Меньшиков отвечал невпопад: он обдумывал совсем другое – создание на севере предприятия, которое могло бы приносить баснословные доходы. В это дело, предполагал царский любимец, должны войти зверобойные и рыболовные промыслы, добыча слюды, солеварение, выгонка смолы и даже охота на китов у Груманта...

Путь вдоль берега был утомительным. Перепачканные и голодные, все добрались до устья реки. Здесь на глубоком месте, на «яме», стояли оба судна Терентия Поташова – двухмачтовые поморские лодьи. Петр сразу же отметил недостатки таких судов, в первую очередь их неуклюжий вид. Семен за них вступил: он объяснил, что поморские лодьи строятся с выпуклыми бортами для того, чтобы их не раздавило во льду.

Посланный Гришкой Гореликовым человек успел предупредить Терентия Поташова. «Лучший промышленник» заметался по горнице – как ему встречать царя? Хорошо еще, что Евпраксия на Укк-озере, в сорока верстах от Волостки, куда нюхчане угнали от петровских солдат свой скот.

Выбежав из избы, Терентий Поташов начал звать Аркашку-Шалберника. Нюхотский поп не понимал, о чем кричит ему с того берега «лучший промышленник». А тот наказывал собрать людей, что остались еще в Волостке, прихватить из церкви то, что полагается для такого случая, и выйти к поскотине встречать царя. Аркашка-Шалберник, не успевший еще со вчерашнего дня опохмелиться, не мог взять в толк, что это за царь вдруг объявился в Волостке, какие это вещи нужно прихватить для его встречи и что вообще происходит, – случай оказался для него из ряда вон выходящий.

Младшая сестра Терентия Поташова – Анна – в это время вынимала из печи закатанного в тесто сига – рыбник этот готовили для обеда. Теперь его решили поднести царю. Накрыв деревянное блюдо полотенцем, расшитым узорами, Анна положила на него рыбник, поставила рядом большую солонку и подала брату. С непокрытой головой Терентий Поташов выбежал из дома встречать царя.

Петр в это время миновал каменистую возвышенность Игнашиху и приближался к первым строениям Волостки. Дорогу ему преградила поскотина, сложенная из жердей, сберегавшая деревенские огороды от потравы.

У поскотины Петр и все, кто были с ним, остановились, – с другой стороны подходили люди из Волостки. Царю было не положено перелезать через жерди на глазах у своих подданных; те же, считая, что царю все равно нужно в Волостку, замерли в ожидании.

Подойдя вплотную к поскотине, Петр увидел небольшого попика в обшарпанной ризе, в лаптях и камилавке, надетой впопыхах набекрень, с венчальным венцом в одной и кадилом в другой руке. Рядом стоял одутловатый мужик, без шапки и лысый; он держал деревянное блюдо, покрытое расшитым полотенцем. На блюде лежал только что вынутый из печки рыбник.

Сзади стояло несколько стариков и старух, подслеповатых и глухих, державших в трясущихся руках изодранные церковные хоругви. Это и были все те, кто не успел убежать из Волостки.

Втянув ноздрями запах, шедший от рыбника, Петр вдруг одним махом перешагнул через жерди. При виде царя, стремительно к нему приближавшегося, Аркашка-Шалберник что-то неожиданно загнусавил и, высоко подняв венец, замахал кадилом.

Покосившись на него, Петр направился прямо к Терентию Поташову. Тот, тяжело вздохнув, сунул блюдо в живот царя и, после того как царь блюдо подхватил, бухнулся ему в ноги. То же сделали и все остальные.

Нисколько не смущаясь, царь отломил кусок рыбника, сунул его сперва в солонку, затем себе в рот. Рыбник был вкусным, что Петр сразу оценил. Кусок за куском он засовывал в рот, быстро пережевывая и судорожно проглатывая. Спутники царя продолжали стоять за поскотиной, ни во что не вмешиваясь. Только Меньшиков следил, оставил ли царь хоть что-нибудь ему, а Ермолайка, вскочив на поскотину, хлопнул себя по бедрам и закукарекал.

В то время как царь расправлялся с рыбником, к берегу подплыл карбас; из него выбрался архимандрит с соборными старцами. Петр сунул пустое блюдо подбежавшему Меньшикову и направился, дожевывая последний кусок, навстречу архимандриту.

Архимандрит благословил царя и вручил ему вместе с «чудотворной» иконой кожаную суму с деньгами.

4

Одиннадцать кораблей отправили обратно в Архангельск. Пушки, артиллерийский запас, кули с продовольствием, повозки и все, что было разгружено, находилось теперь на берегу под охраной солдат с заряженными фузелями. К малым фрегатам – «Курьеру» и «Святому Духу» – подвели салазки.

Наступила темная августовская ночь. Развели костры. Измученные за день люди спали.

Семен лежал на жесткой траве, неподалеку от шатра, раскинутого для царя. Внутри горел свет, и большая тень шевелилась на полотнище. Вокруг дозором ходили солдаты.

Попав на короткое время в Волостку, Семен никого из своих не встретил: мать вместе с остальными женщинами находилась на Укк-озере; там же, говорили ему, и Дарья. Не нашел он и крестного: Фаддеич тоже скрылся, а куда, – никто не знал. Про Кирилла сказали, что он на промысле, но Семен понимал, что и его спрятали в каком-либо скиту.

К огню подошел сержант Щепотьев, – человеку этому было не до сна. Он присел рядом, поглядел на Семена и сказал:

– Государь приказал быть тебе со мной; станем с утра до ночи просеку прокладывать. А с ночи до утра будешь писарем при государе.

Семен спросил:

– Звать вас как прикажете: воеводой или князем?

Щепотьев рассмеялся.

– Зови меня просто сержантом.

Но Семен настаивал: ему хотелось знать, кем же все-таки был Щепотьев.

И в ответ он услышал:

– Щепотьев такой же простой человек, как и ты, Поташов, – Щепотьев в вельможи не лезет.

– Как Меньшиков? – спросил Семен.

Он уже знал, что царский любимец вышел из людей самого простого звания.

Щепотьев повернул освещенное лицо в сторону Семена.

– Заметил? – спросил он с усмешкой.

– Сразу видно! – понимающе ответил молодой помор.

Они посидели молча, затем Семен спросил:

– Почему вас царь генералом не делает? Вы тут всем распоряжаетесь.

Щепотьев снова рассмеялся.

– Сам царь еще в бомбардирских капитанах ходит, как же ему мне подчиняться? – проговорил он.

– А вот голландец-то адмиралом прозывается?

– Царь голландцев уважает.

– А своих нет?

Сержант на этот вопрос не ответил и продолжал:

– К тому же сержант я не простой, а Преображенского полка, это другого генерала стоит³⁷, – не говоря про иноземных адмиралов.

Помолчали. И снова спросил Семен:

– Все цари такие, как Петр, или бывают другие?

– Таких царей, как Петр, больше нет, – ты сам, Семен, скоро это поймешь.

И оба посмотрели в сторону шатра. Тень в это время перестала шевелиться: очевидно, Петр над чем-нибудь задумался.

Семен нагнулся к Щепотьеву, тихо спросил:

– А почему говорят, что царь подмененный?

– Врагов, Семен, у Петра больше, чем друзей. Каждый друг ему вдвое дороже. Станешь ему другом – помянут тебя добром; станешь врагом – тобой никто и не поинтересуется. А про то, что сейчас сказал, и думать забудь, да и другим закажи, если головой дорожат.

Сержант поднялся: несмотря на ночь, у него было еще много дела. Взглянув на освещенный изнутри шатер, Щепотьев ласково сказал:

– Будем вместе служить Петру.

Семен утвердительно кивнул, и Щепотьев пошел прочь.

Оставшись один, Семен задумался. Щепотьева он хорошо понимал, и Петр ему понравился. Но как же ему быть с тем, что говорил про Петра Василий Босый? И что, если Петр спросит, почему он помог бежать Василию Босому? Семен лежал, глядываясь в огонь, словно оттуда должен был прийти ему ответ.

Вдруг Семен насторожился: показалось, что произнесли его имя. Это был голос Фаддеича. Семен немного приподнялся, как бы показывая, что услышал; он боялся привлечь внимание солдат, охранявших царскую палатку.

³⁷ Командные кадры петровской армии создавались в селах Преображенском и Семеновском под Москвой, первоначально еще в «потешных полках». Преображенцы и семеновцы были верными сподвижниками Петра, и многие из них занимали впоследствии высокие посты в государстве.

Из-за деревьев к нему кто-то подполз, снова назвав по имени, и прошептал: «Ступай за мной...»

Семен сперва проверил, не смотрят ли солдаты в его сторону, затем плотно застегнул куртку и пополз за Фаддеичем.

Очнувшись в лесу, оба поднялись на ноги. Фаддеич сказал:

– С вечера следил за тобой, все боялся: захватит меня твой дружок просеку рубить...

– То Щепотьев, сержант...

– Он-то и есть самый вредный.

Фаддеич быстро шел среди деревьев, Семен за ним. Поймав Фаддеича за руку, Семен спросил:

– Крестный, куда ты меня ведешь?

Будь светло, Семен увидел бы, как хитро блеснули глаза Фаддеича, но в темноте он только услышал:

– Дарья тут...

Втроем они уселись у большого камня и начали рассказывать друг другу о том, что с ними произошло за время разлуки. Фаддеич говорил про жизнь в Волостке, Дарья – о том, как трудно ей было без Семена, Семен – о том, что с ним случилось в монастыре. Дарья сперва думала, что теперь они больше не расстанутся. Но Семен сказал, что Петр взял его с собой в поход. И тогда Дарья поняла: снова надо ждать, пока Семен вернется. Девушка не заплакала, хотя ей и было тяжело. Она только подтвердила, что, когда бы Семен ни вернулся, ни за кого, кроме него, она замуж не пойдет.

Скоро начало светать, и Фаддеич забеспокоился: сторожевые посты были вокруг всего лагеря. Семен проводил Дарью и Фаддеича и направился к берегу.

5

Господин Питер ван Памбурх, командир малого фрегата «Святой Дух», и господин Патвард, артиллерийский инженер из иноземцев, оказались на пути возвращавшегося к берегу Семена.

Он увидел их посреди небольшой поляны, покрытой вереском. Рассвело. Семен знал уже, что Памбурх сражался с Петром против турок под Азовом, а Патвард, хотя и находился порядочное время на службе у Петра, особых заслуг не имел и даже не выучился как следует говорить по-русски.

Оба спорили. Если бы Семен понимал голландский язык, узнал бы, о чем шла речь у этих господ. Предполагалось, что русский царь собирается напасть на неприятеля на далеком севере, как вдруг от Соловецких островов эскадра повернула на юг. Куда же направляется Петр?

Узнал бы дальше Семен и то, что господин Патвард сделал ошибку, доверившись господину Памбурху. Патвард считал, что о новом направлении похода необходимо как можно скорее сообщить неприятельскому адмиралу Нумерсу, курсировавшему со своей эскадрой по Ладожскому озеру. Памбурх этому воспротивился, – не раз нюхавший с Петром порох, он не собирался стать изменником. Он даже неосторожно заявил, что сообщит об измене Патварда царю.

Выхватив шпагу, Патвард кинул ее на Памбурха. Тот отскочил и, защищаясь, вытащил свою шпагу. В это мгновение Семен невольно обнаружил свое присутствие.

Оба иноземца в испуге застыли на месте. Но, узнав молодого помора, спасшего царскую яхту, по-голландски не говорившего, они поняли, что выдать их этот человек не может. Патвард, который был хитрее, быстро обратился к Семену:

– Господин Памбурх называет один женщин, который господин Патвард вполне уважает, нехорошим слов. Господин Патвард вызывает господин Памбурх на дуэль. Это есть самый честный дуэль благородных господ.

Проговорив это, Патвард вопросительно посмотрел на Памбурха. Командир «Святого Духа» был храбрым воякой, но плохим дипломатом, – кивком он подтвердил слова Патварда.

А тот продолжал:

– Молодой поморский человек узнавайт теперь, зачем господа начинайт дуэль... Молодой поморский человек будет говорил правильно об этом царь Петр, Так это, господин Памбурх?

Памбурх сердито кивнул головой. Тогда Патвард воскликнул по-голландски:

– Теперь вам конец, господин Памбурх!..

Патвард сделал быстрый выпад, который Памбурх ловко парировал.

Невольно Семену пришлось стать свидетелем поединка. Оба иноземца оказались хорошими фехтовальщиками, Патвард был ростом выше, худощавее, Памбурх – ростом ниже, коренастее и увертливее.

Семен считал, что все это не серьезно: попрыгают, как тетерева весной на опушке, и уйдут в лагерь, где наутро было объявлено о начале похода. Сходство с тетеревами усиливалось еще тем, что оба, нападая, издавали воинственные возгласы. Вдруг Семену показалось, что Памбурх нас kvозь проткнул Патварда. Но он ошибся: шпага только скользнула вдоль тела противника. Отскочив назад, Памбурх сделал новый выпад, но прямо своей грудью наскочил на подставленное острие шпаги Патварда.

Памбурх взглянул себе на грудь, и глаза его от ужаса расширились. Он хотел что-то сказать Семену, но его предупредил Патвард: отступив назад, он с силой выдернул шпагу из тела Памбурха. Семен увидел, как исказилось при этом лицо Патварда.

Памбурх пошатнулся, и изо рта у него хлынула кровь. Сделав в сторону молодого помора несколько шагов, он ничего не сказал и мертвым свалился у его ног на истоптанный вереск.

Обтерев шпагу, Патвард спокойно вложил ее в ножны. Оставалось снести мертвое тело в лагерь и дать царю отчет о случившемся. В том и другом ему должен был помочь «молодой поморский человек». Велев Семену взять Памбурха за плечи, он сам захватил его за ноги, и оба с тяжелой ношей направились к берегу.

Петр носился по лагерю, проклиная господина Питера ван Памбурха: нужно было вытаскивать фрегаты, а командира «Святого Духа» нигде не могут отыскать.

Увидев мертвое тело, Петр озадаченно спросил:

– Кем заколот?

Сняв шляпу и низко поклонившись, Патвард заявил, что господин Памбурх убит им на дуэли и что это может подтвердить молодой поморский человек, который все это видел. Патвард изъяснялся с царем по-голландски.

Петр повернулся к Семену:

– Господин Патвард говорит, что дрался с господином Памбурхом на дуэли... Подтверждаешь слова господина Патварда?

Семен подтвердил.

– Из-за чего у них началось, не говорили? – спросил Петр вполголоса.

Семен ответил, что Патвард упоминал про какую-то женщину. Мотнув головой, царь ринулся вдоль берега. Патвард подошел к Семену, снял перед ним шляпу и, церемонно

поклонившись, проговорил:

— Господин Патвард благодарен молодой поморский человек. Господин Патвард просит молодой поморский человек выпить с ним бутылка хороший испанский вино, очень крепкий, который у господин Патвард припрятан...

И Патвард вопросительно взглянул в глаза Семену. Но тот, следивший в это время за Петром, отрицательно мотнул головой. Предполагая, что Семен его не понял, Патвард повторил просьбу.

— Потом, после когда-нибудь встретимся! — ответил Семен Патварду и побежал вслед за Петром.

Господин Патвард, как ни в чем не бывало, надел шляпу и пошел прочь: в конце концов, молодой поморский человек не был ему опасен.

6

Во время Великого Посольства Петр не смог вовлечь европейских монархов в войну против турок – в Европе в это время готовились к войне за «испанское наследство»³⁸. Тогда Петр перенес свое внимание на Балтийское море. Ему удалось договориться с королем датским и с курфюрстом саксонским, которого он под именем Августа II возвел на польский престол, о совместных действиях против Карла XII. Едва заключив с турками в тысяча семисотом году выгодный мир, Петр двинул войска на север. Но Карл XII внезапно высадился в Дании и вывел ее из союза с русским царем. Когда же Август осадил Ригу, а Петр – Нарву, воинственный свейский король явился туда со своим войском. Осаду Риги Август поспешил снять, а Карл, оказав Нарве «сикурс»³⁹, нанес русскому войску поражение. Карл решил, что с Петром все покончено, и погнался за Августом в Польшу, затем в Саксонию, где, по словам Петра, «надолго увяз». Петр не только получил возможность оправиться после первого поражения, но и с успехом продолжал войну. В следующем, тысяча семьсот первом, году неприятельские корабли сделали попытку напасть на Архангельск. Благодаря геройству поморских рыбаков нападение с большим уроном для неприятеля было отбито⁴⁰. Свейские отряды двинулись к Олонцу, но и здесь потерпели неудачу. В Лифляндии, Эстляндии и на Ижорской земле успешно действовали отряды Шереметева, Апраксина и Репнина. Но на Ладожском озере продолжала еще плавать свейская эскадра адмирала Нумерса, прикрывавшая с востока крепость Нотебург.

Так обстояло дело в то августовское утро тысяча семьсот второго года, когда подле Нюхотской Волостки царь Петр собирался выступить в поход. Солнце поднялось высоко, скоро должен был начаться прилив. Тело господина Питера ван Памбурха снесли за Варде-гору, где и опустили в могилу, вырытую в сухом песке. О командире «Святого Духа» Петр вспомнил еще раз, когда писал Апраксину: «Господин Памбурх на пристани Нюхче от господина Патварда заколот до смерти, которой он сам был виной».

В это время увидели, что со стороны Волостки скачет на лошади солдат. Петр ринулся ему навстречу.

Солдат сполз с лошади. Петр выхватил у него из-под мундира привезенную бумагу; обессиленный солдат свалился лошади под ноги.

Петр читал согнувшись, словно ему так лучше было видно, затем выпрямился и,

³⁸ Война за «испанское наследство» велась с 1701 по 1714 год между Францией, Англией и другими европейскими государствами.

³⁹ Военную помощь.

⁴⁰ Об этом замечательном подвиге поморов рассказывается в книге Ю. Германа «Россия молодая».

высоко подняв привезенную бумагу, заорал во весь голос:

— Виктория!.. Шереметев еще раз побил Шлиппенбаха!.. В Лифляндии, под Гумоловой мызой!.. Виктория!.. Виват!..

Победа, о которой Петр узнал под Варде-городом, была уже не первой: до этого Шереметев побил того же Шлиппенбаха у Эрестфера. Поражение под Гумоловой мызой произошло за месяц до того, как пришло на Белое море об этом известие.

На берегу под Варде-городом началось большое оживление.

— Виват! — кричал царь.

— Виват! — восторженно вторили придворные.

— Виват! — осторожно орали преображенцы и семеновцы.

— Виват! — вынужден был кричать царевич Алексей.

— Виват! — вопил Ермолайка.

Молчали только мужики, голодные и озлобленные.

В свите царя был протопоп Иона Хрисанфов, еще с утра облачившийся в ризу, ярко сверкавшую в лучах солнца. Как только затихли крики, началось молебствие. Все обнажили головы, — по берегу, как комариный писк, разнеслось церковное пение и потянуло ладаном.

Но Петр начал нервничать — нужно было успеть до прилива вытащить фрегаты. Царь что-то сказал Меньшикову, и молебствие закончилось неожиданно быстро. Протопоп ризу не снял, — ему предстояло еще окроплять вытащенные суда святой водой.

Распоряжался сам Петр, «Курьер» и «Святой Дух» стояли на обнажившемся дне моря, с подведенными под днища салазками. От салазок к берегу протянули канаты с лямками. Пригнали лошадей и впрягли в лямки. Привели мужиков, которым велели разобрать оставшиеся канаты. Мужиков было по сто на каждый фрегат, — столько же, сколько и лошадей. Около лошадей стали солдаты с кнутами, а около мужиков — с фузелями.

Царь приказал Корнелию Крюйсу дать сигнал выстрелом из пистолета: адмирал должен был превратить свой флот из морского в сухопутный, — случай в военном деле не частый.

После выстрела солдаты с кнутами заорали на лошадей, а солдаты с фузелями — на мужиков. Все на берегу напряглось, и оба фрегата, дрогнув, двинулись на салазках по обнаженному дну.

Петр подбросил в воздух шляпу; взлетели шляпы придворных, кто-то услужливо подбросил шляпу царевича. Поп замахал кадилом. Грязнул оркестр, подготовленный Меньшиковым: трубы, литавры, барабаны, пронзительные рожки... Все это смешалось с криками солдат и возгласами певчих.

Петр перебегал от одного фрегата к другому, следя, чтобы вовремя подкладывали катки. Бревна глубоко уходили в няшу, и царь помогал их вытаскивать. Ему было все равно, кто с ним держится за бревно — родовитый боярин или беломорский мужик, — помогать должны были все, даже царевич.

Семен был подле Щепотьева. Вместе с ним он вытаскивал из вязкой няши бревна и нес их ближе к берегу, чтобы снова подложить под салазки, на которых двигались фрегаты.

Лошади хрипели, мужики напрягали все силы, — лошадей стегали кнутами, людей били прикладами фузей; Петр продолжал бегать с места на место, размахивая руками; глаза его от возбуждения готовы были выскоичить из орбит. Но при всем этом фрегаты ползли по вязкому дну, а это было сейчас самым главным.

Впереди Петра носился Ермолайка. Маленький человечек то попадал под ноги царю, то, получив пинка, отлетал в сторону. Он к такому обращению привык, да и жаловаться было некому.

Перед самым берегом начинался подъем, и фрегаты стали двигаться медленнее, вот-вот, казалось, они остановятся и глубоко войдут в няшу.

Схватив плеть, Петр дико заорал и принял хлестать во все стороны, кого попало. Каждый, кто только мог, кинулся к лямкам. Теперь уже на берегу не оставалось ни одного праздного человека: и придворные, и музыканты, и поп с певчими — все тащили фрегаты.

Фрегаты медленно взобрались на берег. Когда они остановились на приготовленной площадке, крики разом оборвались. Семен, с ног до головы вымазавшийся, подбежал к Петру. А Петр опустился на бревно и начал обтирать лицо; он тоже весь был в няше.

Увидя Семена, Петр закричал:

– Садись, помор, будем писать нашему державному братцу!..

Петр продиктовал письмо польскому королю Августу II, за которым все время по пятам гонялся Карл XII. Письмо было не длинным и кончалось так: «Мы же обретаемся в настоящее время близ границы неприятельской и намерены некоторое начинание учинить...»

Семен смотрел на Петра с восхищением. Теперь он понял слова Щепотьева: «Таких царей, как Петр, больше нет...» О Василии Босом сейчас он не думал.

ГЛАВА ВТОРАЯ «ТАЙНА СИЯ НИКОМУ НЕ ДОЛЖНА БЫТЬ ВЕДОМА»

1

Сузёмок – дикий лес без конца и края. Бездонные озера с вплотную подступившими деревьями. Речки, бурливо проносящиеся по засыпанному камнями ложу. Моховые болота, через которые, казалось, никому не перебраться: Причудливые валуны, внушающие суеверный ужас, и ощетинившиеся низкорослыми соснами кряжи. И среди всего этого – поляны с бледными цветами шиповника.

Подолгу можно блуждать здесь, не встретив человеческого следа. Хозяином в сузёмке был дикий зверь. По извечным тропам ходят на солонцы и водопой лоси. Олени стада перекочевывают с одного мохового болота на другое. Бобры держатся обжитых с незапамятных времен речек. Медведи ищут мест, где больше ягод, где на земле муравейники, а в дуплах деревьев ульи диких пчел. Лисицы и рыси охотятся там, где меньше волков, а волки – где побольше всякой добычи. По весне глухарь, никем не тревожимый, поет свою песню.

Еще удельные князья снаряжали в сузёмок ватаги охотников за пушным зверем – белкой, горностаем, соболем, бобром – и за ловчей птицей. В глубине болот и озер лежит железная руда; ее с древних времен добывали саами и карелы. А из двухстворчатых раковин, которые собирали со дна быстрых речек, извлекали жемчуг – на девичьи головные уборы.

К концу семнадцатого столетия в сузёмок побежали раскольники. Забираясь в «лешачьи места», они складывали из сырых бревен зимушки и жили под страхом, что придется бежать еще дальше. А если бежать, казалось, было больше некуда, люди эти предавали себя «огненному крещению» – тысячи раскольников приняли огненную смерть в сузёмке⁴¹.

Одна из таких зимушек стояла на безымянной речке. Низкий сруб ее замшел и был покрыт дерном. Говорили, что много лет назад здесь скрывался бежавший из Москвы раскольник. Перед смертью он выдолбил колоду и лег в нее. Случайно забредшие люди нашли высохший труп; они закопали его в колоде у зимушки и поставили над могилой восьмиконечный, раскольничий, крест.

После этого зимушка долго пустовала. Только в самое последнее время около нее устроили поварню: два кола с перекладиной, под которой разводили огонь. Дикие звери встревожились: медведица подальше увела своего медвежонка, а лоси больше не приходили чесать бока о выступающие бревна зимушки.

Поселившийся в зимушке человек сам походил на зверя: даже лицо его обросло

⁴¹ Изуверство раскольников достигало невероятных размеров; в «гарях» на севере Онежского озера сжигались, как например, в Палеостровском монастыре, по несколько сот человек сразу.

волосами. Это был Коротконогий. Андрей Денисов не мог держать его в обители на Выге, куда Коротконогий явился вместе со старцем Пахомием и сумским приказчиком. Пришлось ему жить на безымянной речке.

Но в одиночестве Коротконогий оставался недолго: с западной стороны пришел человек в оленьей парке. От широкоскулых саамов и карел он отличался тонкими чертами лица. Коротконогий не знал, откуда и зачем пришел этот человек. В сузёмке были рады каждому, и они стали жить вместе.

Коротконогий сидел у огня, вырезая из куска дерева человеческую фигурку. Работа ему нравилась; отставляя фигурку, он сам удивлялся, как это у него так хорошо получается.

В это же время человек в оленьей парке медленно двигался по берегу, держа в руках длинное удлище. Он шел против течения, волоча блесну по порогу.

Неожиданно у речки увидели третьего человека. Явился он с восточной стороны. Поравнявшись с зимушкой, пришедший трижды перекрестился на могилу, сказал что-то изумленно посмотревшему на него Коротконогому и направился к рыбаку; Коротконогий видел его в первый раз.

Встретились человек в оленьей парке и пришедший с востока так, словно они только что расстались. Их внимание было обращено на рыбу, схватившую блесну. Им удалось подвести рыбку к берегу, но здесь, взметнувшись, она снова ушла на середину порога; леса при этом натянулась, согнувшись до предела удлища.

Пришедший поднял с земли острогу; когда рыба вновь оказалась у берега, он воткнул ее в спину зубья, и рыбку быстро вытащили из воды; размером она была в половину человеческого роста, имела пятнистую кожу, загнутую крючком нижнюю челюсть и мясо красного цвета.

Отдав добычу Коротконогому, который радостно при этом замычал, оба уселись под крестом. Прибывший с востока начал так: «Господин Патвард передает...»

Дальше шло сообщение, что русский царь Петр высадился у Нюхотской Волости, вытащив на берег два малых фрегата, которые поставил на салазки (были приведены точные размеры и осадка фрегатов), после чего царь двинулся с войском, пушками и всевозможными припасами на юг, в сторону Онежского озера (были приведены подробные данные о количестве солдат, пушках, порохе, ядрах, продовольствии), не было забыто и о тех, кто сопровождал царя. Говорили они на языке, которого Коротконогий не понимал.

Человек в оленьей парке слово в слово повторил сказанное, – у него была прекрасная память. Вскоре Коротконогий приготовил уху, и все трое поели. Затем человек в оленьей парке собрался в путь; человек, пришедший с востока, пошел его провожать.

Расставаясь, человек в парке сказал: «Следующий наш человек в Повенецком Рядке, на Онежском озере» – и объяснил, как его отыскать. А в заключение добавил: «В том, что передал господин Патвард, имеется одно упущение: господин Патвард не говорит, что задумал царь Петр, куда и зачем он ведет свое войско. Наш человек в Повенецком Рядке должен знать это; так и сообщите господину Патварду».

Человек в парке ушел в западном направлении, а пришедший с востока – туда, откуда явился. Коротконогий, на некоторое время снова остался в одиночестве.

Ночь прошла. Андрей Денисов не ложился, продолжая ходить из угла в угол: главарь выговских раскольников был встревожен.

Горница, где он находился, была уставлена полками с книгами в тяжелых переплетах и с иконами старого письма в углу. Эта горница помещалась в верхней части высокой и узкой избы, воздвигнутой в самой середине обители. Избу со всех сторон окружали хозяйствственные постройки и кельи раскольников.

В Выгорецкую обитель Андрей Денисов пришел десять лет назад; тогда это был еще

небольшой скит, основанный одним из первых раскольников – Даниилом Викулиным. Предками Денисова были новгородские князья, чей род захирел еще в начале прошедшего столетия. Уйдя на север, они поселились в Повенецком Рядке на Онежском озере; отсюда Андрей Денисов в семнадцатилетнем возрасте и убежал от родителей в скит на Выге. Здесь он сумел с пользой применить свою предприимчивость. Когда это ему понадобилось, он призвал на подмогу брата Семена и сестру Соломонию, и они уже через несколько лет «подняли на Выге большое хозяйство». Даже «зяблые годы», когда вымерзло все посеянное жито, не сгубили обитель: Денисовы послали ходоков к раскольникам в другие части государства, и выговцам была оказана помощь. Вскоре братья Денисовы стали на севере признанными главарями раскольников.

Андрей Денисов был встревожен не столько вестью о приближении царева войска, сколько тем, что раскольники, считавшие Петра антихристом, начали готовиться к «огненному крещению». Андрей Денисов был противником самосожжения. В прежние годы, когда ждали «конца мира», самосожжение, считал он, еще можно было оправдать. Но конец мира не пришел, а раскольникам нужно было есть, пить, одеваться и обуваться, а также заботиться о распространении своего вероучения. На этом и выросла Выгорецкая обитель. Даже царь, занятый другими заботами, казалось, забыл про скрывшихся в сузёмке раскольников, – он только обложил их, как и раскольников в других местах, двойной подушной податью.

Вновь начал ратовать за огненное крещение старец Пахомий, бежавший из Соловецкого монастыря. Андрей Денисов не хотел пускать помешанного старца в обитель. Но этого потребовал Даниил Викулин, еще с отроческих лет друживший с Пахомием, – волю основателя обители Денисов должен был тогда уважать.

Андрей Денисов распахнул слюдяное окно. Он не услышал привычного делового шума обители: громыхания жерновов, стука валков, обрабатывавших кожи, звонкого грохота из кузницы, бренчания ведер на скотном дворе, – только уныло мычали коровы, оставшиеся в это утро неподօенными. Денисов знал, что раскольники, собираясь по кельям, забыли все мирские дела и толкуют о «пришествии антихриста».

В горницу вошли брат Семен и сестра Соломония. Двоих келейников привели под руки престарелого Даниила Викулина. Помолившись на иконы, все расселись на скамейках вдоль стен.

Брат и сестра пожаловались, что нарушен строгий устав обители: побросав все дела, люди не слушают ничьих увещеваний и готовы предать себя «огненному крещению». И всему виной, объяснили они, – старец Пахомий.

Это услышал и Даниил Викулин. Теперь он понял, что пускать в обитель Пахомия не следовало – безумный старец может погубить все, что было достигнуто годами труда и лишений. Не зная, что дальше делать, Даниил Викулин опустил седую голову на руки, – пусть Денисовы поступают теперь, как сами считают нужным.

Андрей Денисов послал келейников за старцем Пахомием. Но тот явился сам. Торжественно вступив в келью, он стукнул посохом об пол и громогласно возвестил: «Грядет антихристово войско, близка кончина мира!.. Только очистившийся огненным крещением будет спасен!.. Готовьте себя, чада возлюбленные, принять...»

Старец не успел договорить: крепкой рукой Андрей Денисов схватил его за одежду и, встягнув, что есть силы, толкнул в сторону келейников; те накинули ему на голову мешок и поволокли вон из горницы.

Семен Денисов и Соломония вскочили на ноги, – их поразил поступок брата. Только старый Викулин продолжал сидеть опустив голову, – больше он в обители ни во что не будет вмешиваться.

Старца Пахомия вытащили через заднюю калитку. Его повалили на дно карбаса и повезли вверх по реке, – в обители безумному старцу было теперь не место.

В горнице появился сумской приказчик, которого Андрей Денисов посыпал разведать о войске царя. Человек этот выполнял в обители те же обязанности, что раньше в Соловецком

монастыре. Раскольничий приказчик сообщил, что царская просека пройдет в десятке верст от обители.

Андрей Денисов понимал, что от этого опасность не становилась меньше: царь, конечно, не только знает про обитель, но ему известно и то, что в ней скрывается бежавший из Соловецкого монастыря Пахомий; если царь заберет из обители годных ему людей, запасы продовольствия и деньги, для раскольников это будет концом их существования на Выге.

Молчание нарушил Семен Денисов; он спросил:

– Как теперь поступить нам, брат Андрей?

– Собери на двоих странническую одежду, отправимся встречать царя.

Слова эти дошли до Даниила Викулина; подняв голову, он с изумлением смотрел на Андрея Денисова.

– На поклон к царю-антихристу? – через силу спросил старый раскольник.

– Так надобно! – услышал он резкий ответ.

Даниил Викулин снова опустил голову на руки. Все поняли, что распоряжаться теперь в обители будет безраздельно Андрей Денисов. Семен и Соломония повели Викулина прочь.

Оставшись вдвоем с приказчиком, Андрей Денисов спросил:

– Меньшиков при царе?

Получив утвердительный ответ, Денисов устал приказчика. Сам он прошел в угол горницы и приподнял половицу, из тайника вынул мешок с деньгами. Высыпав деньги на стол – все золотые монеты, – пересчитал их. Затем высыпал половину во второй мешок и спрятал его под одеждой, – остаток денег положил обратно в тайник.

К ночи двое облаченных в странническую одежду, с посохом в руках и берестяными кошельками на спине вышли из ворот обители навстречу царскому войску.

3

Пронзительный сигнал трубы пронесся над спящим лагерем. Среди кряжей, вдоль берега озерка и вытекающей из него речки, под деревьями и на прорубленной просеке зашевелились люди.

Караульные растолкали солдат, и все вместе начали поднимать мужиков. Сонных дергали за руки, пинали и били прикладами. Не всех можно было поднять на ноги: могильные кресты, начавшиеся еще у Варде-горы, тянулись теперь вдоль просеки.

Первым просыпался Петр. Это он, разбудив спавшего рядом с шатром Семена, послал его к трубачу подавать сигнал. И сразу же, кликнув Семена, Петр направлялся туда, где к ночи кончили прокладывать просеку. Там распоряжался уже Щепотьев. Одних мужиков он наряжал валить деревья, других – откатывать валуны, третьих «расчищать пенье и клочья», а затем все вместе принимались гатить дорогу. Взамен тех, кто, обессилен, падал и не мог больше подняться, Меньшиков пригонял новых, из тех, что вели позади окруженных двойной цепью солдат.

Как только работа по прокладке просеки налаживалась, Петр, оставив Семена у Щепотьева, возвращался к фрегатам. Здесь к приходу царя было уже все подготовлено: лошади и мужики впряжены в лямки, солдаты накормлены (мужики кормились из своих запасов или покупали еду в маркитанских палатках, если у них было чем заплатить). Петру оставалось лишь подать знак, чтобы начали хлестать лошадей, и фрегаты сдвигались с места.

Пока готовили завтрак, Петр принимал доклады. Плохо приходилось тому, кто оказывался нерадивым: Петр колотил тростью не только таких, как Меньшиков, но и самых родовитых. Одного князя, явившегося с полным ртом, Петр прогнал торговать коврижками, а одного иноземца, решившего в неподложенное время сварить под елочкой похлебку, отправил на несколько дней в солдатскую поварню.

Только разобравшись в делах, Петр приступал к еде. Затем все расходились по своим

местам. Бездельничать никому не было положено; даже поп Иона Хрисанфов наряжался вместе с певчими следить за пушками, — пушки должны были сверкать на солнце не менее ярко, чем поповская риза.

Самого Петра на одном месте дважды было трудно застать. Он находился у Щепотьева, указывая, куда дальше вести просеку, или вместе с мужиками и солдатами откатывал валуны, или следил, правильно ли кладут под салазки бревна, по которым катились фрегаты, причем сам первый перетаскивал бревна; он забирался в трюм кораблей, проверяя, не расходится ли обшивка. Ермолайка, словно собачонка, всюду бегал за царем.

Фрегаты двигались по сузёму, как по морю: то они гордо взбирались на кряжи и парили над вершинами сосен и елей, то будто проваливались в бескрайние просторы моховых болот. За фрегатами шли солдаты, далее растягивалась длинная цепь пушек, которые катились на больших колесах; за ними скрипели обозные фуры и повозки для царя и его свиты, пустовавшие большую часть пути. Наконец, позади всего гнали мужиков, которые должны были сменить тех, кто не сможет больше ни прокладывать дорогу, ни тащить фрегаты, ни вообще что-либо делать.

Так двигались с небольшими перерывами от восхода до самого заката. К ночи Петр садился писать приказы и письма, рассылавшиеся во все концы государства и за рубеж.

Покидая монастырь, Семен вновь вырядился в свое старое платье: рыбачью куртку, домотканые штаны, сапоги с высокими голенищами из кожи морского зверя, шапку-ушанку. Все это нуждалось в замене, — только как это сделать, Семен не знал. Обратиться же к Петру, что было вернее всего, по такому, как он считал, пустяковому делу Семен не осмеливался.

За те несколько дней, что Семен оставил монастырь, он похудел. На верхней губе у него вместо мягкого пушка появились жесткие волосы. Волосы эти он тщательно соскабливал своим острым рыбачьим ножом, так как видел, что Петр каждый день бреется, не разрешая никому, кроме попов, отращивать бороду.

В течение всего дня Семен работал со Щепотьевым, а к ночи являлся в распоряжение Петра. Царь ложился поздно, — всегда оказывались неотложные дела.

Войско с фрегатами продвинулось уже на половину расстояния между Белым морем и Онежским озером, — была преодолена самая трудная, заболоченная часть пути, на что ушло больше недели.

В походный шатер, раскинутый к ночи у небольшого озерка, Петр созвал нужных ему людей. Сюда собирались родовитый боярин, генерал фельдмаршалк Головин, Александр Данилович Меньшиков, числившийся в это время бомбардир-поручиком, капитан Преображенского полка Василий Дмитриевич Корчмин и сержант Михаил Щепотьев. Писарские обязанности, как повелось, должен был выполнять Семен Поташов.

Петр сидел в противоположном от входа конце шатра, упрятав каким-то чудом длинные ноги под походным столом. Перед ним в медных шандалах горело несколько свечей. На Петре был простой суконный камзол, ворот рубашки расстегнут, узкая волосатая грудь обнажена. Петр ковырял в зубах, а слуга его Фельтон вынес металлические тарелки с остатками еды и обтирал стол.

Генерал фельдмаршалк был небольшого роста, круглоголовый, несколько обрюзгший. Направившись к царю, он надел завитой парик. Движения его медленные — он знал себе цену: родовитый боярин долго воевал вместе с Петром под Азовом против турок, совершил путешествие в Китай, участвовал в качестве «второй персоны» в Великом Посольстве, заключал так необходимый тогда Петру мир с турками.

Корчмин, несмотря на скромную одежду, держался с достоинством, чему выучился за границей, куда был послан изучать военные науки. Все, чему выучился Корчмин, особенно безукоризненному выполнению самых трудных поручений, заставляло Петра относиться к нему с большой любовью.

Щепотьев сидел в пропитанном потом мундире, небритый и усталый: ему некогда было ни переодеться, ни отдохнуть.

Последним явился Меньшиков. Петр закричал, чтобы Александр Данилович скорее

прикрыл вход: налетят комары. Но Меньшиков замешкался и не обтряхнул одежду (для этого снаружи стоял солдат с веником). В шатер залетели комары, и царский любимец с притворным недоумением развел руками, словно хотел сказать, что не он этому виной.

Присев у края стола, Александр Данилович развернул какой-то листок, показывая его Головину так, чтобы не видел царь. Лицо генерала фельдмаршалка сморщилось от усилий не рассмеяться, – это сразу же привлекло внимание Петра.

Протянув руку, Петр завладел листком и, разглядев его, сстроил плаксивую мину. На листке был нарисован толстый кот, которого хоронили мыши. Небольшой текст разъяснял смысл происходившего: мыши были раскольниками, а кот – Петром.

Петр спросил, где Меньшиков это достал. «В доме богатея в Нюхотской Волостке, у которого ваше величество изволили скушать рыбник», – последовал ответ. Семен, который тоже разглядел изображение, знал, что такие листки изготавливались раскольниками в скитах.

Корчмин извлек из сумки карту и, положив на стол, тщательно разгладил ее ребром ладони. На карте Семен увидел реку, вытекавшую из большого озера и вливавшуюся в морской залив, – река текла полукругом: сперва на юг, затем на север, наконец на запад. В устье было до сотни больших и малых островов. У истока ее на островке стояла крепость; вторая крепость была недалеко от устья. На всей карте были отмечены небольшие речки, лесные угодья, распаханные земли, сенокосы, селения и рыболовные тони, на фарватере указаны глубины.

Карта изображала место стыка Карельской и Ижорской земли. Семен там никогда не был и с любопытством ждал, что скажет Корчмин. Водя пальцем по карте, Корчмин объяснял, как безопаснее всего подойти к неприятельским укреплениям, называя ориентиры вдоль берега, и сделал выводы, какими можно для этого воспользоваться судами. Корчмин описал путь по самой реке; он при этом считал, что пороги не представляют для судов опасности. Далее Корчмин высказал предположение, каким образом неприятель мог бы оказать сикурс военному укреплению, стоявшему ближе к устью, называвшемуся Ниеншанцем, и особенно Нотебургу, стоявшему на островке у истока. «Сикурсу быть не должно», – вставил Петр. Закончил Корчмин описанием крепостей Нотебурга и Ниеншанца, – какие там укрепления, сколько гарнизона, кто командует, есть ли запасы продовольствия, пушек, ядер.

Выслушав все это, Петр остался доволен: не зря Корчмин, направленный в Ижорскую землю под видом купца, производил разведку, – сделано было весьма отменно.

Корчмин напомнил, что по Ладожскому озеру, опираясь на Кексгольм, называвшийся раньше у русских Корелой, плавает неприятельская эскадра адмирала Нумерса. Корчмин не мог знать, что через несколько дней большая часть этих кораблей будет взята на абордаж донскими казаками, посаженными во главе с полковником Тыртовым на легкие струги, и что Нумерс с остатками эскадры уберется в Выборг.

Разглядывая карту, Петр ласково проговорил:

– Небось, не просто было добить сие под самым носом неприятеля.

Петр сидел некоторое время задумавшись, остальные почтительно молчали. Семен, весь превратившись в слух, готов был каждое мгновение начать записывать.

Петр снова заговорил:

– Сия крепость, именуемая неприятелем Нотебург, сиречь Орешек, есть конечная цель нашего похода... Без овладения означенной крепостью очистить Неву от неприятеля невозможно...

Выйти на Балтийское море через Неву царь задумал уже давно. Приготовления ко взятию Нотебурга велись еще в конце прошлого года. Помешала неожиданно наступившая в январе оттепель. Кампанию перенесли на осень. Желая обмануть неприятеля, Петр в начале лета отправился с большой свитой и войском в Архангельск, якобы для отражения нападения на этот город, хотя по донесениям лазутчиков знал, что нападения не предвидится. К концу лета Петр с большим шумом отплыл в Соловецкий монастырь, «поклонился Зосиме и Савватию», но через несколько дней оказался неожиданно с войском и фрегатами в Карелии,

«вблизи границы неприятельской».

Семен не мог полностью оценить грандиозности замысла Петра, но понимал, что все это очень большое и важное.

Петр продолжал:

– Шерemetев со своим корпусом двинется из-под Пскова через Лугу к Ладоге... Войско это, а Шерemetев не промедлит, явится своевременно. Репнин со своим корпусом также подойдет к Ладоге и, чаю, не опоздает... Апраксин стоит уже на речке Назье... На самой Ладоге собирает малые суда; к ним прибудут наши фрегаты, коли дотащим...

– А Карлуша, – пародируя Петра, вставил Меньшиков, – гоняется за нашим державным братцем Августом, что нам зело на руку...

Затем Петр продиктовал несколько писем и распоряжений на следующий день. Петрставил подпись, а Меньшиков запечатывал пакеты, передавая их ожидавшим гонцам. Несмотря на глубокую ночь, гонцы, сопровождаемые охраной, скакали назад по дороге в Нюхотскую Волостку, а оттуда, через Онегу и Каргополь, во все концы государства.

Петр подтвердил распоряжение соблюдать сугубую осторожность с огнем: дорога пошла сухими кряжами; даже для царя и его свиты было запрещено разводить костры. Наконец Петр задул свечки, кроме одной, что означало конец совещания, – к тому же царь старался быть бережливым.

Когда все собирались уходить, Петр задержал их жестом.

– Сказанное известно немногим лицам... Нападение на Нотебург есть тайна превеликая... Проведав оную, неприятель окажет крепости сикурс... А сикурсу быть не должно!.. Пытать будут – молчать... Тайна сия никому не должна быть ведома...

Генералу фельдмаршалку об этом можно было не говорить. Корчмин и Щепотьев тоже ни при каких обстоятельствах не разгласили бы военной тайны. Меньшиков хотя и любил поболтать, но не было случая, чтобы он проговаривался о планах Петра. Больше всего эти слова относились к молодому помору Семену Поташову, для которого все это было впервые.

Вокруг шатра ходили солдаты с заряженными фузелями. Между деревьями, подступающими со стороны невысокого берега, было темно, и никто не заметил затаившегося там человека. Когда солдаты были на другой стороне, человек этот вплотную приближался к шатру, пытаясь подслушать, что в нем говорят. Но ему приходилось отскакивать в темноту, чтобы не оказаться обнаруженным. Несмотря на все уловки, услышать ему удалось только отдельные слова: внутри говорили негромко. Из этих отдельных слов он мог сделать вывод, что речь на совещании шла о дальнейших планах Петра.

Когда участники совещания выходили, в темноту упал луч света, к тому же солдаты принесли фонари. Затаившегося человека никто не заметил. Зато последний хорошо видел выходивших.

Он видел, что у генерала фельдмаршалка за поясом два пистолета, тоже у Корчмина, Щепотьева и Меньшикова. Войско находилось в походе, и оружие могло им в любое мгновение пригодиться. Невооруженным вышел только молодой помор Семен Поташов.

Молодого помора затаившийся человек хорошо знал, – это он был свидетелем его дуэли с господином Памбурхом. Несомненно, Семен Поташов писал под диктовку царя, – следовательно, хорошо знал, о чем говорилось на совещании. Придя к такому выводу,

Патвард, вполне удовлетворенный, исчез среди деревьев.

4

Подошло время дневного привала. Люди и лошади едва двигались. Ни свист кнута, ни удары прикладом не помогали. Казалось, что фрегаты остановятся и никогда их уже не сдвинуть с места. Но в это время труба сыграла отбой.

Лошади понуро остановились. Из людей, кто мог, добрался до берега озерка, остальные свалились там, где их застиг сигнал трубы. Люди боялись сделать лишнее движение, к тому же разводить огонь было запрещено, – даже солдат кормили всухомятку.

Меньшикову сказали, что спрашивают его двое странников. Александр Данилович спросил, откуда. Ответили, что из раскольничьей обители.

Меньшиков заинтересовался. Приказал подать нарядный кафтан и завитой парик, надел еще треугольную шляпу с золотым галуном и взял в руку трость. В таком виде царский любимец предстал перед странниками.

Оба они походили друг на друга, только один был постарше. Меньшиков подумал: «Забрать бы этих крепких мужиков тащить фрегаты, – наверное, много таких в раскольничьей обители...» Но решил сперва выяснить, зачем им понадобился.

Странники молча поклонились.

– Кто такие будете? – спросил Меньшиков.

Странники переглянулись, и старший ответил:

– С реки Верхнего Выга пришли, из обители.

– Ага, – возвысил голос Меньшиков, – раскольниками будете?

– Исповедуем древнее благочестие, от святых отцов указанное.

– По дурости неистовой в огне себя сжигаете?

– Самосожжение отрицаем, как богу неугодное.

– Все врете – знаю я вас! А за царя богу молитесь, ну-ка скажите?

– Божье – богови, кесарево – кесарю, как издревле указано священным писанием...

– Лукавите! – перебил Меньшиков. – Говорите разом, зачем явились сюда?

Меньшиков заторопился: он боялся, что Петр его уже разыскивает.

– Обитель вносит посильную лепту на государево дело, – проговорил старший из странников, передавая Меньшикову мешок с деньгами.

И оба снова молча поклонились. «Раскольники совсем не глупые», – подумал Меньшиков, но все же счел нужным припугнуть их.

– Против царя идете, смуту сеете, неприятелю на руку играете! Так, что ли, выходит? Разнести ваше богопротивное логово, а людышек всех в солдаты забрать?..

Странники стояли опустив глаза: деньги были в руках Меньшикова, угрозы его уже страшными не казались.

Самому Меньшикову хотелось как можно скорее заглянуть в мешок: какие там деньги и сколько их?

Вдруг рядом раздался голос: «Добро, добро...»

И сверху протянулась рука, забрав мешок. Это был сам Петр, разыскивавший своего любимца.

– Вот, мин херц, – как ни в чем не бывало заговорил Меньшиков, – страннички явились из раскольничьей обители, что на Верхнем Выге находится. Богу молятся по-своему, царской власти не признают...

– А подати платят исправно? – прервал Петр.

– Двойной подушный оклад выплачивает обитель за каждого обитающего в сузёмке. Обитель может представить ежегодные росписи приказной избы, – поспешил ответить старший из странников.

– Добро, добро! – продолжал Петр, подкидывая мешок с деньгами, в котором звякнуло

золото, – царь давно уже научился различать деньги по звуку.

– Добро, добро! – еще раз повторил он и спросил как бы невзначай: – А сколько вас, раскольников, собралось в сузёмке?

– Со всеми старицами, женщинами и детьми едва наберется душ с пятьсот...

Петр весело посмотрел на странников и сказал:

– Ну, когда подати платите исправно, так молитесь как хотите!..

И, зажав мешок под мышкой, зашагал прочь.

– Слыхали? – многозначительно произнес Меньшиков.

Странники утвердительно закивали головами. Лукаво улыбаясь, Меньшиков добавил:

– А за царя все же молитесь... За такого царя и раскольникам помолиться не грех!..

На этом он отпустил странников. Догнав царя, Меньшиков спросил:

– Что это ты, мин херц, таким милостивым был сегодня с раскольниками?

– Милостивым? – иронически спросил Петр. – А кто у тебя на железоделательных заводах работать будет? Об этом ты подумал, мин херц?

На что Меньшиков был и сам неглупым, а до этого не додумался.

Выговские странники, Андрей и Семен Денисовы, обнадеженные словами Петра, возвращались в обитель; они теперь знали, что с таким царем им удастся поладить.

5

Старца Пахомия привезли в скит на речке Кумбуксе. С головы его сняли мешок, развязали ему руки и ноги и заперли в келье, которая имела только одно узкое окошко, выходившее на реку. Андрей Денисов приказал не выпускать старца до тех пор, пока далеко на юг не уйдет со своим войском царь Петр.

Люди, которым была поручена охрана старца Пахомия, очевидно, забыли, что он сумел совершить побег из Соловецкого монастыря. Для обычного человека убежать через окошко кельи не представлялось возможным, но старец был таким тощим, что хотя и с трудом, но вылез ночью наружу. Было холодно, а к рассвету выпал утренник. Босиком, в изодранной одежде, но с огнивом и трутом, старец Пахомий направился туда, где, считал он, должно пройти войско «царя-антихриста». На утренней изморози остались отчетливые следы старца.

К утру, когда обнаружился побег, люди пустились за ним вдогонку. Не разбирая дороги, старец прорыпался через самую чащу. Его можно было бы быстро догнать, если бы между побегом и началом погони не прошло несколько часов. Поэтому старцу удалось дойти до того места, где должно было проследовать царево войско, значительно раньше искавших его людей.

С рассветом Пахомий увидел стоявшие на салазках петровские фрегаты. В это время в проснувшемся лагере к походу все уже было готово, и фрегаты медленно сдвинулись с места. Определив, откуда дует ветер, старец забежал вперед и перебрался на другую сторону прорубаемой просеки. Так он шел неподалеку от фрегатов до полудня, как вдруг его внимание привлекли громкие крики и шум, а также пронзительные и тревожные звуки труб, несущиеся из лагеря. На его глазах фрегаты остановились, а немного спустя закачались и повалились набок.

Что происходит в лагере, старец знать не мог. Он только понял, что лучшего случая ему не представится. Набрав кучу сухого валежника, он поджег его. Пробежав немного, поджег вторую кучу и кинулся дальше. Вскоре неподалеку от просеки запыпал лес, и поднявшийся ветер погнал огонь в сторону поваленных набок фрегатов.

Сделав все это, старец Пахомий кинулся обратно к обители и сразу же попал в руки разыскивающих его людей. Те уже знали, что натворил сбежавший старец. Но их испугало не то, что огонь может уничтожить царские фрегаты, а то, что ветер раздувает пожар в сторону Выгорецкой обители. Об этом они и поспешили сообщить Андрею Денисову.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ «ОГНЕННОЕ КРЕЩЕНИЕ»

1

Петра в походе сопровождали придворные, его единомышленники, готовые разделить с царем любые невзгоды и опасности. Но имелись среди них и недоброжелатели, которые лишь делали вид, что идут за Петром, ожидая только случая, чтобы начать против него действовать. Люди эти все время находились на виду и не могли сговориться. Удалось им это только в сувенирке в одну из темных ночей.

Господин Патвард к этим людям не относился: у него была другая задача. Но он должен был знать обо всем, что вокруг Петра происходит. Поэтому не удивительно, что он заранее проведал о сбоях заговорщиков. Вместо того чтобы сообщить об этом царю, он сам явился туда, спрятавшись среди елочек, окружавших поляну. В темноте он почти ничего не увидел, но услышал все, что его могло интересовать.

Заговорщики собирались в стороне от просеки. Каждый называл свое имя, и на какое-то мгновение его лицо освещали потайным фонарем – боялись, чтобы не пробрался соглядатай Петра. В памяти у всех была еще последняя расправа со стрельцами, когда Петр сам рубил бунтовщикам головы.

Явился протопоп Иона Хрисанфов, что вызвало общее одобрение. Все оказались в сборе, и заговорил боярин Мелентьев, – Патвард сразу узнал по голосу этого пятидесятилетнего, рослого и сухощавого боярина, тщательно скрывавшего под своей внешней приверженностью ненависть к Петру.

– Может, то брешут, – сказал боярин, – может, и правда, что чужеземцы нашего царя подменили или что царь есть антихрист... Дело не в том...

И он разъяснил, в чем дело: Петр привлек к управлению государством иноземцев, таких, как Лефорт, Виниус, Гордон, или возвысил худородных, вроде Лихарева и Ягужинского, а то и совсем безродных, из холопов, всяких Шафировых, Курбатовых, Скорняковых-Писаревых... Подлые людишки эти, оттеснив родовитых, лезут в знать и наживаются. Многие боярские роды захирели, а то и вовсе пропали, и боярин уже не владыка в своей вотчине.

Каждый из пришедших начал выкладывать наболевшие обиды. Когда наступило молчание, опять заговорил боярин Мелентьев:

– Про государя объявят, что надорвался, подсобляя тащить фрегаты... Тело государя отвезут в Москву, где схоронят в Архангельском соборе... Новым государем станет царевич Алексей; ничего, что ему только тринадцатый годок, да и умишком он слаб... Новый государь заключит с Карлом перемирие и издаст указ об изгнании всех иноземцев... Безродных ушлют в Сибирь, а кого и на каторгу... Попы изберут себе угодного патриарха... Все станет на свое место, как при прежних государях...

Заговорщики долго не могли договориться, как им порешить Петра. Убить во время сна не представлялось возможным – шатер охраняли семеновцы и преображенцы, верные Петру; отравить тоже не удастся; еду готовил Фельтон, преданность которого Петру была безграничной. Предложили вынуть жребий, кому кинуться на царя с ножом, но никто из родовитых жертвовать собой не пожелал. Тогда заговорил протопоп Иона Хрисанфов: есть безродный холоп, большой недруг царя Петра; послали его в Соловецкий монастырь, чтобы он там его убил. Холопа схватили, заточили под Корожной башней, пытали, но он никого не

выдал. Ему удалось бежать, и теперь холоп этот скрывается среди мужиков, которые тащат фрегаты. Открылся ему холоп «на духу»⁴². Если его прибодрить, нужное дело будет сделано и ни на кого не падет подозрение; потом холопа можно убрать, чтобы греха какого не вышло...

Обо всем этом узнал господин Патвард. И опять он не отправился к царю, чтобы рассказать о заговоре. Может быть, думал он, боярам удастся совершить то, что они задумали. Тогда король его, Карл XII, сможет без помех завоевывать земли в Европе, не опасаясь восточного соседа; в случае удачи господин Патвард припишет все дело себе и получит от своего короля большую награду» Для этого ему нужно только быть осведомленным в действиях заговорщиков и не дать заговору заглохнуть. На следующее утро Патвард окликнул Иону Хрисанфова.

— Господин протопоп, — проговорил он, — мне очень хорошо известен, что хотят сделать с царь Петр...

Протопоп удивленно посмотрел на иноземца, не понимая еще, о чем тот толкует.

А Патвард продолжал:

— Господин протопоп, не нужен ничего делайт с царь Петр без того, чтобы не знал об этом господин Патвард...

Намек был настолько ясным, что протопоп дико взглянул на Патварда, — он хотел кинуться от него прочь.

Схватив протопопа за руку и убедившись, что за ними никто не наблюдает, Патвард объяснил, что тоже был «на поляне среди елочек» и знает о том, как собираются убить Петра.

— Изыде от меня, сатана!.. — с ужасом проговорил протопоп.

— Господин Патвард может пойти русский царь Петр и сказать один небольшой слов... И он показал рукой, как рубят головы.

— Изверг ты рода человеческого!.. — только и мог пролепетать Иона Хрисанфов.

— Это хорошо, что господин протопоп меня понимал... Только пусть он не пугался: если он будет молчал и слушал, господин Патвард ничего русский царь Петр не говорил...

Объяснив, что протопоп должен рассказывать ему все про заговор, и условившись, когда они снова встретятся, господин Патвард исчез среди деревьев.

А протопоп Иона Хрисанфов, оставшись один, сразу даже не мог понять, было что или нет — может быть, все это ему только почудилось.

2

Пройдены были топкие болота с глубокими речками, где нужно было накладывать в несколько рядов гать и построить на клетях временный мост через длинный залив Выг-озера. Теперь к просеке с обеих сторон подходили красивые озера с поднимающимися между ними лесистыми кряжами. Тащить фрегаты и здесь было не легко, к тому же осталось меньше половины мужиков и пали почти все лошади. Но уже недалеко было побережье Онежского озера, где все невзгоды, казалось, окончатся.

С вечера было холодно, а под утро ударил заморозок, покрывший землю инеем. Разводить огонь было строжайше запрещено, и обессиленные мужики не смогли за ночь отдохнуть. До полудня они еще кое-как тащили фрегаты, а затем, когда их начали подгонять плетьми, вышли из повиновения.

Начался бунт. Мужики взбирались на камни, вскачивали на поваленные деревья и кричали, что пусть всех их на этом месте порешат, но дальше никто не пойдет. Еще мужики кричали, что нужно разбить проклятые фрегаты — от них пошло на всех людей мучение, что,

---

⁴² «На духу» — во время исповеди.

вместе с фрегатами надо порешить и царя-иорда: будь он настоящим царем, а не «немчином», подмененным чужеземцами, то не погубил бы столько народа...

Мужики, работавшие под началом Щепотьева, схватили топоры и кинулись назад, к фрегатам. Если бы они внезапно напали на Щепотьева и его солдат, тем было бы несдобровать и у мужиков оказалось бы огнестрельное оружие. Но в возбуждении они побежали валить фрегаты. Щепотьев вместе с Семеном и солдатами отступил в лес, чтобы присоединиться к Петру.

На просеке зазвучал сигнал военной тревоги. К Петру прибежали Меньшиков, Головин, Корчмин и остальные командиры.

Петр сразу же начал действовать быстро и решительно. Один отряд он распорядился поставить около пушек и артиллерийского запаса. Мужики в это время валили фрегаты. Другой отряд Петр направил к продовольственному обозу, а третьему приказал зайти мужикам с тыла. Солдаты повиновались беспрекословно.

Боярские заговорщики, захваченные врасплох, ничего не смогли предпринять, к тому же мужицкий бунт угрожал их собственным жизням. Только господин Патвард спокойно выжидал, чем все это кончится.

Первое мгновение могло показаться, что мужики, вооружившись топорами и дрекольем, кинутся на царя и его офицеров. Но, как ни велика была мужицкая сила, у Петра имелись солдаты с фузелями и бомбардиры с пушками. Пока мужики, повалив фрегаты, били по их днищам, Петр сумел окружить бунтовщиков со всех сторон, а бомбардиры Корчмина подкатили пушки, зарядив их картечью.

Семен, оказавшийся с Щепотьевым около царя, понимал, что Петру теперь ничего не стоит разом уничтожить мужиков. Семен видел, что мужики, сгрудившись вокруг поваленных фрегатов, не выпускают из рук своего оружия – сдаваться живыми они не собирались.

Петр, однако, медлил. Он думал, что еще этой осенью нужно овладеть неприятельской крепостью Нотебург и укрепиться в верхнем течении Невы. Если перебить сейчас мужиков, – кто потащит дальше фрегаты, пушки, обозные телеги? Солдат на это не хватит, да и солдат нужно беречь для другого дела... Уничтожить мужиков легко, но мертвые не поднимут фрегаты и не дотащат до Онежского озера.

Взволнованный Семен смотрел на Петра: вот он махнет сейчас рукой, солдаты выстрелят из фузей, прогремит пушечный залп – и мужики, с проклятиями и обливаясь кровью, повалятся на землю...

Вдруг ветер донес до Семена запах гари. Он обернулся и заметил поднимавшиеся над лесом клубы дыма. Семен закричал, указывая на лесной пожар.

Раздуваемый ветром, огонь двигался в сторону поваленных фрегатов, Петр увидел это, и его смуглое лицо стало бледным.

3

Сознание возвращалось к Семену медленно. У него ныл затылок, по которому пришелся удар. Сперва Семен не мог понять, где находится. Когда ему удалось приподняться, он увидел, что лежит на нарах внутри какой-то зимушки и что руки у него связаны.

Постепенно Семен начал припоминать. Он снова увидел клубы дыма и пламя лесного

пожара. Снова в его памяти встали сгрудившиеся у фрегатов мужики, а вокруг них солдаты, с фузелями и бомбардиры с пушками, Петр и его командиры стояли посреди просеки. Все ожидали, что царь прикажет уничтожить бунтовщиков. Но вместо этого Петр приказал солдатам опустить фузеи и шагнул вперед. Никто не успел опомниться, как Петр очутился подле мужиков, – те продолжали сжимать в руках свое оружие.

Петр начал говорить. Семену не было слышно его слов. Он видел только, как Петр указывает в сторону приближавшегося огня, а затем на поваленные фрегаты.

Мужики оставались неподвижными. Семен понимал, что, если они сейчас кинутся на Петра, никто уже не сможет прийти к нему на помощь. Петр говорил теперь громче, и Семен услышал: «Сами строили!.. Сами волокли!.. Неприятеля с русской земли прогнать должно!..»

Петр повернулся к мужикам спиной, высоко поднял руки и зашагал навстречу огню. Сперва за ним кинулся один из мужиков, затем несколько, наконец все остальные.

Петр размахивал руками, мужики – кольями и топорами. Мужики обгоняли Петра. Меньшиков со своими солдатами побежал за мужиками. Все двигались навстречу огню и дико орали, словно этим они хотели остановить приближение пожара.

Вспомнил Семен, что происходило дальше. Сбивали огонь кто чем мог. Вслед за Петром, скинувшим мундир, Семен сорвал с плеч куртку и бил ею по пламени, пока куртка, как и мундир Петра, не превратились в лохмотья.

Петр приказал валить деревья. Но это не помогло. Борьба с огнем продолжалась с удвоенной силой. От копоти лица людей стали черными, глаза разъедало дымом, на людях тлела одежда. Невозможно было отличить царского вельможу от беломорского мужика, только выделялся над всеми громадным ростом Петр. Чем ближе огонь подходил к фрегатам, тем яростнее пытались его остановить. Так продолжалось долгое время.

Семен вспомнил, как со стороны Выгорецкой обители пришли бородатые мужики в черных одеждах, с топорами и лопатами в руках, – привели их те двое странников, что являлись в лагерь. Раскольники начали рыть поперец надвигавшегося огня глубокую канаву. Этим, наконец, наступление пламени было остановлено, и оставалось сбить отдельные, перекинувшиеся через канаву очаги огня. Когда и это было закончено, в лесу расставили посты на случай, если где снова возникнет опасность.

Мужики возвращались туда, где их застало начало бунта, солдаты – куда приказывали командиры, а придворные – к повозкам: здесь у них хранилось запасное платье. Но прежде всего каждый направлялся к берегу озерка, чтобы смыть с себя копоть.

Выгорецкие раскольники как неожиданно появились, так же и ушли. Их не задерживали, так как понимали, что помочь была оказана не совсем бескорыстно, – огонь двигался прямо в сторону обители, и одним раскольникам было бы с ним не справиться.

Семен тушил огонь бок о бок с Петром. Когда все было закончено, он едва поднимал онемевшие руки. Но Семен улыбался, как улыбались все остальные, даже мужики, которые улыбались, может быть, в первый раз за весь поход...

Семен сошел на берег озерка – умыться. Что произошло дальше, он уже не помнил: его ударили сзади по голове, он потерял сознание.

Расставшись у Варде-горы с Семеном, Фаддеич проводил Дарью до Волостки и следующим утром вернулся к лагерю. Фаддеич хотел уговорить Семена уйти от царя, а для этого ему надо было быть подле него. Но сразу же Фаддеич наткнулся на сторожевой отряд, и его повели к Меньшикову, который определил Фаддеича тащить фрегаты.

С этого времени Фаддеич следил за Семеном, но не мог выбрать удобной минуты, чтобы скрытно переговорить с ним, – да и находился он все время под стражей.

Убежать от солдат ему удалось во время бунта. Как только потушили пожар, Фаддеич направился к тому месту, где в последний раз видел своего крестника.

Семен находился в это время на берегу озерка, собираясь умыться. Внезапно сзади появился громадного роста человек, закинул Семена себе на спину и потащил прочь. Фаддеич не видел, что Семена ударили по голове, и удивился, почему тот не сопротивляется.

Фаддеич кинул Семену на помощь, но в последнее мгновение разглядел, что похитителей двое: один нес Семена, другой, одетый в оленью парку, шел рядом. Вскоре к ним присоединился еще и третий, который был одним из придворных царя. Все трое углубились в лес, и Фаддеич, не раздумывая, – за ними.

Нести молодого помора было нелегко, и похитители часто останавливались. Придворный пошел назад, и Фаддеич, спрятавшись, разглядел его. Человек этот был в черном плаще, треугольной шляпе и с пистолетом за поясом; у него было сухощавое лицо и длинный нос.

Оставаясь незамеченным, Фаддеич следовал за похитителями... К ночи все вышли на речку, которая скатывалась небольшим порогом. Здесь, увидел Фаддеич, стояла зимушка с раскольничым крестом у входа. Семену связали руки и ноги и унесли внутрь, а его похитители начали готовить на огне еду.

5

Между опушкой леса и бревенчатой стеной зимушки было всего несколько шагов; в этом месте, среди низких кустов, Фаддеич и притаился.

С противоположной от входа стороны имелось небольшое окошко, заткнутое сухой травой; Фаддеич отметил это и стал ждать, что произойдет дальше. Ему слышно было, как чавкал у поварни Коротконогий. Фаддеич знал этого человека раньше, но не мог сразу вспомнить, где именно видел его. Он не понимал, для чего понадобилось этим людям похищать Семена. Ночь прошла без каких-либо событий; похитители оставались снаружи – у огня им не было холодно, а Фаддеич мерз в кустах. Утром снова приготовляли еду.

К полудню явился придворный, участвовавший в похищении Семена. Он привел с собой человека, лицо которого было скрыто низко надвинутой широкополой шляпой. Человек этот держал голову опущенной, словно был приговорен к казни. Придворный произносил слова как-то по-особенному; человек в оленьей парке обращался к нему на незнакомом Фаддеичу языке, а человек в широкополой шляпе говорил вполголоса. Придворный переговорил с человеком в оленьей парке, и тот ушел по тропке на запад. У зимушки снова остались трое.

Придворный и человек в широкополой шляпе сидели у входа. Услышать, что они говорили, Фаддеич не мог. До Фаддеича донеслось только несколько отдельных слов и послышалось имя протопопа Ионы Хрисанфова. Какое отношение мог иметь протопоп к тому, что происходило у зимушки, Фаддеич не понимал. К вечеру человек в широкополой шляпе ушел на восток, в сторону прокладываемой просеки; придворный проводил его и вскоре вернулся к зимушке.

Когда оба вновь поели (отчего изголодавшемуся Фаддеичу стало совсем невмоготу), Коротконогий вынес из зимушки связанного Семена. Фаддеич увидел, что Семен теперь в полном сознании. Все внимание Коротконогого, и особенно придворного, было обращено на пленника, поэтому Фаддеичу удалось подползти совсем близко и спрятаться за углом зимушки.

Семена прислонили к основанию креста; придворный сел напротив.

– Вот наш новый встреч, – услышал Фаддеич, – наш новый встреч молодой поморский человек и господин Патвард. Господин Патвард будет думать, что этот новый встреч станет для него такой же полезный, как и первый.

Семен ничего не ответил, и Патвард продолжал:

– Будем говорить, как мужчина с мужчин. Молодой поморский человек любит свой Студеный море – много рыба, большой зверь, всякий приключений...

Наступило молчание, затем снова продолжал Патвард:

– Может быть, молодой поморский человек не совсем понимает господин Патвард?

Молодой поморский человек большой грамотей – русский царь Петр любит, когда он записывает его слов. Русский царь Петр не всегда говорил полный голос, не всегда можно слышать русский царь... Теперь молодой поморский человек понимает, что нужен для господин Патвард?

Патвард: опять немного помолчал, словно ожидая ответа. Затем Фаддеич услышал:

– Молодой поморский человек записывает слов русский царь, он не мог этих слов забывать. Может быть, молодой поморский человек давал клятв молчания? Чем большой тайн, тем больше платы за тайн. Молодой поморский человек хочет вернуть себя Волостка, хочет женить себя на очень хороший девушка. Но у молодой поморский человек нет нужный денег... У него будет хороший корабль, красивый девушка, много, очень много денег... Пусть только молодой поморский человек повторяйт, что сказал русский царь Петр... Молодой поморский человек оказывал уже господин Патвард большой услуг. Пусть будет еще один услуг, и молодой поморский человек станет самый богатый человек своей Волостка. Пусть молодой поморский человек теперь хорошо подумайт...

Коротконогий снес Семена в зимушку. Фаддеичу пришлось снова склониться в кустах. Теперь он вспомнил, где раньше встречал Коротконогого. Было это на Онежском озере, в Кижах. Крестьяне, которых насильно приписали работать на медеплавильных заводах иноземц Бутенанта, взбунтовались. Для усмирения прислали стрельцов. Коротконогий был красивым парнем. Уродовали его только короткие и к тому же кривые ноги, и смеяться над ним никто не решался, – был он сильно всех. Стрельцы поймали Коротконогого, и Фаддеич и знал, что с ним после этого стало. Снова он встретил его уже теперь с вырванными ноздрями и, как догадывался без языка.

6

Семен понял, что от него хочет Патвард. Но ему крепко запали слова Петра: «Тайна сия никому не должна быть ведома... Пытать будут – молчать...» И то, что он лежит здесь связанным, без надежды на чью-либо помошь, Патварду не поможет – тайны Патвард не узнает.

Семен сознавал, что теперь ему понадобится все его мужество. Но разве не было у него мужества, когда после смерти отца он попал тринадцатилетним мальчишкой на чужое судно, где его били при каждом удобном случае? Разве не было у Семена мужества, когда он оказался на днище перевернувшегося карбаса? Разве не было у него мужества, когда он помогал Василию Босому бежать? И теперь новое испытание: тайна, которую он должен во что бы то ни стало сохранить!..

Семен лежал на боку, руки у него были связаны за спиной; он услышал, как входит Патвард.

– Молодой поморский человек приготовился сказать свой ответ?

Семен промолчал, он даже не повернулся, оставаясь к Патварду спиной. Но следующие слова заставили его насторожиться.

– Молодой поморский человек очень любит свой русский царь Петр. Царь Петр не позволяет сказать, что хочет узнать господин Патвард. Но русский царь Петр имеет много человек, который его совсем не любит, много человек хочет, чтобы русский царь Петр не был живой...

Патвард не говорил больше ни о женитьбе Семена, не сулил ему денег, – он придумал другое.

– Утром этот день здесь имелся человек, который должен убивать царь Петр. Человек этот направлялся лагерь русский царь. Господин Патвард ничего не узнавайт от молодой поморский человек, – царь Петр будут завтра убивайт...

Невольно Семен к нему повернулся. Он понимал, что не должен верить ни одному слову Патварда. Но если вдруг задумали убить Петра и ему это стало известно, как он может лежать здесь, ничего не предпринимая?

Патвард сумел смутить молодого помора. Он продолжал:

– Человек, который хочет убивать русский царь, будет ждать последний слов господин Патвард. Пусть молодой поморский человек рассказывайт, что говорил русский царь Петр, тогда никто русский царь Петр не будет убивать...

Семен верил и не верил Патварду. Не верил, так как понимал, что от него хотят выведать тайну; верил, потому что не мог допустить, чтобы Петра убили. Патвард предатель, но сейчас он мог говорить правду.

А Патвард продолжал:

– Молодой поморский человек должен сказать совсем немного слов...

Семен был в смятении, и это видел Патвард.

– ...Совсем немного слов: куда и зачем ведет свой войск русский царь Петр?

Патвард наклонился и смотрел прямо в глаза Семену. Лицо его сейчас было таким же страшным, как на поляне под Варде-городом, когда он вытаскивал шпагу из груди Памбурха. Семен вдруг вспомнил, что Памбурх хотел ему тогда что-то сказать. «Может быть, он хотел сказать, что Патвард предатель и Патвард его за это убил!..» Теперь Патвард хочет узнать о намерениях Петра, а затем и его, Семена, убить. «Нет, нет, – твердил он про себя, – пусть будет что будет, но тайна сия останется неведомой...»

Патвард сказал, что даст Семену еще подумать, и выбрался из зимушки. Он считал, что теперь молодой помор ему все откроет.

Семен снова остался один. Придумать, как освободиться от веревок, связывающих его, он не мог.

Вдруг он услышал голос, окликнувший его через окошко. Семен прислушался: кто бы это мог быть? «Это новая хитрость Патварда», – подумал он.

Некоторое время, кроме шума воды в пороге, до него ничего не доносилось. Затем он вторично услышал тот же голос. Теперь Семен уже не сомневался: звал Фаддеич, его крестный.

Фаддеич спрашивал, может ли Семен подтянуть связанные руки к окошку. Для этого Семену пришлось сделать страшное усилие; он закусил губу, чтобы не закричать от боли. Несколько раз в изнеможении Семен опускал руки и снова поднимал их. А Фаддеич, просунув в окошко нож, водил им по веревке.

Когда веревка упала на нары, Семен повернулся и развязал ноги. Теперь нужно было незаметно выбраться из зимушки. И тут он услышал предостерегающий шепот Фаддеича, – возвращался Патвард.

Семен накинул на ноги и на руки веревку и растянулся на нарах, рассчитывая, что в наступивших сумерках Патвард ничего не заметит.

Патвард вернулся с фонарем. Он посветил в сторону Семена, но ничего не заметил. Патвард хотел посмотреть, куда ему удобнее сесть, – напротив тоже были нары, и повернулся к молодому помору спиной.

Тут Семена ожгла мысль, одна из тех, которая, мгновенно возникнув, так же мгновенно должна быть приведена в действие. Прыгнув на господина Патварда, Семен пальцами обхватил его жилистую шею.

Сделал это он так удачно, что вместо крика из горла Патварда вырвался слабый хрип, – Коротконогий, сидевший у поварни, ничего не услышал.

Семен прижал Патварда грудью к нарам, и тот перестал сопротивляться. Боясь, что это уловка, некоторое время Семен рук не разжимал. Но Патварду было уже не до уловок: он потерял сознание. Тогда Семен вытащил из-за пояса Патварда пистолет. Теперь его противник, даже если бы и притворялся, не был уже опасен.

Опустив вторую руку, Семен поднял фонарь. Лицо Патварда было без единой кровинки. Сняв с него плащ и шляпу, Семен положил безжизненного Патварда на нары. Для верности он скрутил ему веревкой руки и ноги, а чтобы Патвард раньше времени не подал голос, набил ему рот травой. Семен проверил пистолет — на месте ли кремень — и подсыпал пороху из рожка, который предварительно снял у Патварда с пояса.

Ничего не подозревая, Коротконогий ждал, когда Патвард выйдет из зимушки. Произошло это довольно скоро. Патвард появился в плаще и с фонарем в руке, только шляпа у него почему-то была нахлобучена на глаза — очевидно, Патвард задел шляпой за низкую притолоку.

Коротконогий ожидал, что Патвард подойдет к нему. Но Патвард, проговорив, что сейчас вернется, направился, освещая дорогу фонарем, вниз по течению речки. Коротконогому показалось, что голос Патварда несколько изменился, но он мог ошибаться: в пороге шумела вода.

Если бы Коротконогий последовал за тем, кто вышел из зимушки, то увидел бы, что человек этот, скрывшись за деревьями, вдруг побежал. Пробежав шагов сто, остановился. Из чаши выскоцил второй человек и обнял того, кто скрывался под плащом и шляпой Патварда.

Семен оказался на свободе и должен был как можно скорее спешить к Петру. «Загаси фонарь», — велел ему Фаддеич, и оба остались в темноте.

Семен рассказал Фаддеичу про готовящееся убийство. Фаддеич предположил, что незнакомец в широкополой шляпе и есть тот человек, который должен убить Петра. И тогда Семен решил, что, может быть, Патвард его действительно не обманывал и что ему без промедления нужно спешить к Петру.

Фаддеич понял, что Семен не вернется с ним в Волостку.

— Делай как хочешь, — тихо проговорил он не без горечи, — я тебе не указчик. Только сам я туда больше не пойду — с твоим царем мне несподручно.

Семен даже не успел расспросить Фаддеича, откуда тот так неожиданно появился. На прощание они крепко обнялись, и Семен скрылся в темноте, — он направился в сторону Онежского озера.

Фаддеич слушал, как затихают его шаги. Затем он перебрался через речку и пошел в другую сторону, к Белому морю. Он хотел, пока не наступит зима, поискать свой рудник, может быть, на этот раз ему посчастливится. Но для этого ему нужно было попасть сперва в какой-нибудь скит, где бы его накормили и дали еды на дорогу.

Господин Патвард пролежал без памяти недолго; ему удалось позвать на помощь. Коротконогий был поражен, увидев Патварда в зимушке. Но тот не дал ему опомниться, и оба бросились вслед за молодым помором: необходимо было раньше его попасть в лагерь.

постройки Повенецкого Рядка, с другой – стекала речка Повенчанка. А дальше простиралась застывшая в безветрии ширь Онежского озера.

Посреди просеки, прорубленной до самой воды, стояли на салазках два малых фрегата. Матросы их обряжали: в гнезда вновь были поставлены мачты и обтянут стоячий такелаж, а к бортам подкатили ярко начищенные пушки. На снастях повисли разноцветные флаги. Одиннадцатидневный сухопутный переход через сузёмок от Белого до Онежского моря был закончен.

Пока не началось торжество, Петр выслушивал доклады: к Варде-горе было согнано более четырех тысяч мужиков, теперь не осталось и трети, остальные разбежались или перемерли; тех немногих лошадей, что выжили, прирезали на мясо; солдаты находятся в боевой готовности – это была петровская гвардия, – пушки в полном порядке, как и артиллерийский запас; для плавания по Онежскому озеру и далее к истоку Невы собрано по всему побережью много карбасов и других мелких судов.

Когда все приготовления закончили, Петр со своими придворными направился к фрегатам. Подать знак к спуску должен был выстрелом из пистолета вице-адмирал Корнелий Крюйс. А царю предстояло выбить из-под салазок последние клинья.

Петр часто оглядывался, словно кого-то потерял: не было около него Ермолайки, постоянно вертевшегося у ног. Маленького человечка нашли после пожарища обгоревшим, и в тот же вечер он отдал богу душу. Петр скучал без него. Не понимал Петр, куда после пожара девался Семен Поташов; поиски молодого помора ничего не дали. Исчез также и господин Патварт.

Петр остановился подле самых фрегатов, а придворные несколько поодаль. Внимание всех было привлечено начинающимся торжеством, и сперва никто не обратил внимания на странную фигуру, которая вдруг появилась на краю леса.

Первым эту фигуру увидел Корчмин. Он подумал, что вернулся иноземец Патварт. Но, взглянувшись, признал Семена Поташова. Корчмин указал на него Щепотьеву, и тот обрадовался, что Семен наконец-то объявился. Оба рассмеялись, увидя молодого помора в таком наряде.

Сам Семен, убедившись, что Петр жив и невредим, облегченно вздохнул: все-таки Патварт его обманывал. Семен снял шляпу и начал рукой обтирать со лба пот, – последнюю часть пути он бежал. Затем он помахал Щепотьеву шляпой.

В это время вице-адмирал поднял пистолет (заряд для безопасности был холостой) и вдруг увидел, что из-за фрегата на Петра кинулся человек в широкополой шляпе и с рогатиной в руках. Человек этот не добежал до Петра, споткнулся и повалился на песок, А чуть раньше раздался выстрел.

Петр на выстрел обернулся. Рядом на песке корчился незнакомый человек, не выпуская из рук рогатины, а немного поодаль стоял в черном изодранном плаще и без шляпы молодой помор Семен Поташов; ствол его пистолета, который он не успел еще опустить, дымился.

Выстрел послужил сигналом: взвыли трубы, загрохотали литавры, грянул залп из

фузей, Петр, словно ничего не случилось, шагнул вплотную к фрегату. Он поднял тяжелый молот и, богатырски размахнувшись, выбил из-под салазок последние клинья. Фрегат дрогнул, покачнулся и начал скользить по настилу, смазанному салом.

Когда первый фрегат врезался в воду, Петр выбил клинья из-под второго. Еще громче звяли трубы и загремели литавры. От быстрого движения на фрегатах развернулись флаги. Люди восторженно кричали, подбрасывая шляпы.

Петр кинулся к воде, все остальные последовали за Петром.

Подле Василия Босого остался только Семен. Умиравший узнал того, кто в него выстрелил. «И ты с ним, Семен...» – едва шевеля губами, прошептал он.

Петр плыл в карбасе к фрегатам. Придворныетолпились на берегу. Василий Босый хотел еще что-то сказать, но не смог. Тяжело вздохнув, он вытянулся на песке.

С фрегатов ударили пушки: приветствовали Петра, взобравшегося на палубу. Семен снял с себя плащ и бережно прикрыл мертвое тело. Это было последним, что он мог еще сделать для Василия Босого.

Семен смотрел на фрегаты. Дым от выстрелов рассеялся, и он увидел на палубе высокую фигуру Петра. Царь держал в поднятой руке шляпу. Петр махнул рукой, и снова раздался залп; фигуру Петра заволокло дымом.

Молодой помор побежал прочь от берега. Залп раздавался за залпом, и с каждым разом Семен бежал быстрее. Он бежал до тех пор, пока не оказался далеко в сизомке, где его никто уже не мог найти.

Господин Патвард, сопровождаемый Коротконогим, шел всю ночь, но поспать раньше молодого помора не сумел. К фрегатам он вышел в то мгновение, когда Семен выстрелил в Василия Босого. Увидев это, господин Патвард понял, что его пребывание при русском царе Петре закончилось, и вслед за Коротконогим поспешил вернуться к зимушке, на безымянную речку.

9

Кончилась пальба, и царь потребовал письменные принадлежности; он начал диктовать Корчмину очередное письмо польскому королю. Заканчивалось письмо так: «Мы нынче в походе обретаемся и не чаем праздны быть...»

Затем Петр приказал привести молодого помора. Все поняли, что Семена ждет большая награда. Считали, что если он сумеет, то станет теперь любимцем царя, таким, как Меньшиков, которому в свое время тоже удалось спасти жизнь Петра. Все были удивлены, когда царю доложили, что молодого помора нигде не могут найти.

Возвратившись на берег, Петр подошел к тому, кто хотел его убить. Смерть исказила лицо Василия Босого, и Петр не узнал того, кого обрек на вечное заточение в подземелье Соловецкого монастыря. Вокруг толпились придворные. Петр пытливо на каждого посмотрел, словно спрашивая, кто же из них во всем этом деле повинен.

Следующим утром оба фрегата, в сопровождении карбасов и других малых судов, отплыли от берега. Поднялась буря, заставившая от острова Поворотного вернуться назад. Петр еще раз приказал разыскать Семена, но результат оказался таким же. Вторично отправились в путь, когда буря несколько утихла.

Петр отплыл в южную часть Онежского озера, к реке Свири. Река эта соединяет Онежское озеро с Ладожским. Там, где из Ладожского озера вытекала река Нева, стояла неприятельская крепость Нотебург, выстроенная еще новгородцами. Освобождение этой крепости было целью похода Петра. Цель эта осталась для неприятеля неведомой: молодой помор из Нюхотской Волости сумел сберечь тайну.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ СМЕРТЬ ТЕРЕНТИЯ ПОТАШОВА

Больше недели дула морянка. Тучи проносились над строениями Волостки, которые от дождя стали совершенно черными. Суда не могли выходить в море, даже по реке перестали плавать в карбасах.

К тому времени войско Петра находилось уже далеко. Жители Волостки начали возвращаться из сузёмка, гоня перед собой убереженный скот. По новой дороге изредка проходили отряды солдат, скакали гонцы. Ни те, ни другие ничего не отбирали, довольствуясь только ночлегом.

Люди вытаскивали спрятанное имущество, раскапывали ямы, где хранились овощи, ловили рыбу, собирали ягоды, надеясь кое-как перебиться зиму. И вдруг появились монахи.

Приплыли они на двух судах в самую непогоду. Жителям Волостки показалось, что монахи эти, словно черные птицы, выпали из низко проносившихся туч.

Жители Волостки были крестьянами Соловецкого монастыря. Соляные варницы, морские промыслы и рыболовные тони, сенокосные угодья, лес и, наконец, земля принадлежали монастырю. За пользование всем этим люди должны были или отрабатывать монастырю или отдавать часть добытого монахам.

На всех людей велись долговые записи, и от этого никто не мог освободиться: за умершего расплачивался не только сын, но и внуки. Монастырь посыпал государю за своих крестьян подати и крепко держал их в своей кабале.

Терентий Поташов не только откупался от монастырских приказчиков подарками, но и вел с ними торговлю. Думая облегчить свою часть, люди Волостки обращались за помощью к «лучшему промышленнику» и попадали в двойную зависимость. И сейчас они стали просить денег, чтобы откупиться от монахов. Но Терентий Поташов деньги давал только под хороший залог. Люди не знали, что им делать: закладывать было нечего. И тогда монахи кинулись шарить по избам. Они забирали все, имевшее хоть какую-нибудь ценность. Уходя, они говорили, что за людьми осталось еще столько-то и столько-то долга, — монастырская кабала была безысходной.

В Волостку прислали нового попа, отца Иннокентия. Человек этот не походил на Аркашку-Шалберника. Первым делом он заставил привести в порядок церковь, — из монастыря привезли новую утварь и новопечатные книги. Новый поп принял искоренять в Волостке раскол.

Пока монахи обирали жителей Волостки, монастырский приказчик проживал в доме Терентия Поташова. Монастырь давно зарился на его богатство, к тому же и за него платили государю подати. Но приказчик понимал, что разорять «лучшего промышленника» монастырю не выгодно. Это было известно и самому Терентию Поташову. Порешили на том, что «лучший промышленник» отдает монастырю быка с кольцом в носу — в монастыре такого быка не было, а Терентию Поташову он как будто и не к лицу.

Дарья и ее мать тоже вернулись с Укк-озера. Они могли не горевать: корова, которую удалось сберечь, даст им возможность прожить зиму безбедно. К тому же в яме была закопана репа, имеются еще ягоды и можно ловить рыбу. Их было только двое, они любили и во всем поддерживали друг друга.

Снова скрыться в сузёмке ни Дарья, ни ее мать не успели. И главное, не смогли спрятать корову. Мать Дарьи валялась в ногах монастырского приказчика, но ничего не помогло. На глазах у отчаявшейся женщины корову зарезали и тут же содрали с нее шкуру. Дарья смотрела на все это стиснув зубы. Она ненавидела и монахов и монастырь. Но она не плакала.

Оставшись без кормилицы, мать Дарьи кинулась за помощью к Терентию Поташову, который был ей сродни. И хотя «лучший промышленник» всем отказывал, матери Дарьи денег дал. Сделал он это в расчете прибрать к рукам Семена, когда тот вернется. Терентий

Поташов заготовил расписки, под которыми мать Дарьи должна была в присутствии попа Иннокентия поставить кресты.

Все, что монахи набрали в Волостке, они погрузили на оба судна. Втащили на палубу и удивленно мычавшего быка. Не дожидаясь, пока утихнет непогода, монахи отправились в монастырь. На полпути бык отвязался, прыгнул за борт и поплыл. За ним попробовали погнаться, но бык был не из лучших пловцов и пошел ко дну.

2

Семен возвращался в Волостку по проложенной беломорскими мужиками дороге; он шел скрываясь от людей, словно вор или убийца. Если встречались солдаты, он прятался в кустах. У каждого опустевшего лагеря стояли могильные кресты, которые не успели еще от непогоды потемнеть.

Семен шел долго, а когда не хватало больше сил, опускался где-либо под деревом, забываясь в недолгом сне. Просыпался он от пушечной пальбы, хотя никаких фрегатов уже не было и все это ему только чудилось. Он поднимался на ноги и брел дальше.

Измучившийся, голодный и оборванный, Семен вптымах пробрался в свой дом. Мать встретила его радостными возгласами, но, когда, засветив лучину, увидела, каким стал ее сын, расплакалась.

Она собрала ему все, что у нее было поесть, затопила баню. Семен вымылся, поел и забрался на печку. Сон его и сейчас был беспокойным. То ему представлялось, что он снова в монастыре и архимандрит кричит, что нужно идти пытать боярина; то на опушке леса дерутся два чужеземца, господин Памбурх и господин Патвард, и оба протыкают друг друга насеквоздь шпагами; то вдруг на него надвигаются фрегаты и бежать некуда; то во весь рост встает Петр с глазами навыкате, а из-за деревьев Василий Босый кричит: «Антихрист, антихрист!»... И просыпался Семен снова от пушечной пальбы.

Отдохнув и немного прия в себя, Семен рассказал своей матери обо всем, что с ним произошло. Он не скрыл от нее, что сперва устроил побег, а затем убил Василия Босого, когда тот кинулся на Петра с рогатиной. После этого он от Петра убежал. Сделал он это не потому, что испугался или разлюбил Петра: Петр остался для него таким же замечательным человеком, как и раньше, и если бы нужно было, он еще раз выстрелил бы в Василия Босого. Но остаться с Петром, после того, как из-за него пришлось пролить кровь человека, Семен не мог. Семен объяснил матери, что не считает себя перед Петром виноватым: он выпустил Василия Босого, но он же его и убил.

Семен понимал и другое: если бы кто проведал, что он бежал из войска во время похода, его схватили бы и бросили в острог; и когда бы еще дело дошло до Петра (если дошло бы когда-нибудь!). К тому же вернулся он с пустыми руками, даже одежда была на нем вконец изодрана: ни работа на Зосиму и Савватия, ни служба царю его не обогатили. В доме у него было пусто: монахи забрали все, что могли унести. Особенно печально Семена то, что не было вещей, сработанных его отцом, которыми он всегда дорожил.

Мать Семена попросила у «лучшего промышленника» взаймы денег, а когда он отказал, объяснила, что это для вернувшегося сына. Терентий Поташов велел прийти к нему самому Семену.

Поздно вечером Семен пробрался задами в дом «лучшего промышленника». Здесь только что улеглась тревога. Такого сильного припадка, как в тот день, у Терентия Поташова еще никогда не было – думали, что приходит ему конец.

Семен увидел бабку-раскольницу; она что-то бормотала, заглядывая в старинную книгу, хотя читать не умела. В задней горнице находился колдун, который постоянно жил вверх по реке на Кунопачьем плесе, и его приводили в Волостку только в особых случаях. Евпраксия расхаживала по всему дому с кадильницей.

Во время припадков Терентий Поташов чувствовал себя так, словно грудь ему

стягивали обручем. И никому не могло прийти в голову распахнуть окно или двери: боялись, что в дом проникнет «нечистая сила», поэтому на всех притолоках выводили копотью кресты, а каждого входившего окуривали ладаном. Горело несколько свечей и лампадок. Глаза Терентия Поташова ввалились, жирные щеки еще больше обвисли. Но это был еще живой человек, который не только не собирался умирать, но и строил планы на будущее.

— Вот, — проговорил он после того, как Семен ему рассказал о себе, — и меня тоже разорили твой царь с архимандритом...

Семен его пожалел: «лучший промышленник» приходился ему двоюродным дядей и заботился о нем, к тому же теперь он знал, что Терентий Поташов в свое время выручил его отца.

Оглядел Семена и усмехнувшись, Терентий Поташов продолжал:

— Да и ты, видно, не очень разбогател на монастырской да царевой службе... Это ты хорошо сделал, что бросил и архимандрита и царя, не с руки они тебе... Я о тебе думал и вот что решил...

Семен внимательно выслушал Терентия Поташова. Более ста лет назад поморы начали ходить на судах в Обскую губу; там на реке Таз ими был основан богатый город Монгозея. Вывозили поморы оттуда мягкую рухлядь: шкурки пушных зверей, сбывая их с большой выгодой в Москву или иноземцам. Не один род богатых поморских промышленников пошел с той поры. А теперь давно уже не слышно про такие походы. Вот Семену ни архимандрит, ни царь богатства не принесли; поможет ему Терентий Поташов, как помог когда-то его отцу, вызволив с Мурмана и скрыв от монастырского розыска. Почему не попытать Семену счастья в далеком походе? Судно он, Терентий Поташов, ему доверит, товарищей подыскать будет не трудно: много людешек теперь от царя скрывается. А вещей всяких для обмена на мягкую рухлядь у него, Терентия Поташова, тоже наберется. С Семеном, как с кормщиком, он заключит по всем правилам договор, и Семен, вернувшись, получит свою долю прибыли. Отправляться надобно не мешкая, не дожидаясь, пока нанесет непроходимого льду. Этой осенью можно еще поспеть до Новой Земли. А после зимовки, едва наступит лето, отправиться дальше. Обратно — как получится: в тот год или в следующий. Вернется Семен богатеем, обзаведется хозяйством, на Дарье женится — девка ждала, подождет еще.

Терентий Поташов достал ларчик, где у него хранились ценные вещи. Держал он этот ларчик подле себя, вместе с большим ключом от клети с принятыми в залог вещами и долговой книгой. Вынув небольшую тетрадку, переплетенную в кожу, велел Семену раскрыть ее. Семен сразу же понял, что это такое: в тетрадке была полная роспись тому, как из Белого моря плыть до Монгозеи. Получил эту тетрадку «лучший промышленник» в залог; была она не выкуплена, так у него и осталась.

Что было Семену делать? Оставаться в Волостке, на виду у всех, он не мог; женитьба его тоже не могла состояться. Скрываться по раскольничим скитам? То, что предлагал Терентий Поташов, приходилось как раз кстати. В Студеном море да в Монгозее его никто не разыщет, а когда года через два он вернется, обо всем позабудется. Вернется он с деньгами, сумеет хозяйство завести и на Дарье жениться.

Терентий Поташов не сказал, что уже много лет такие походы запрещены и что на первых порах после запрещения за них карали смертной казнью. Но теперь уже никто не сторожил ни на Ямале, ни в самой Монгозее, — судно пройдет туда и вернется назад незамеченным.

Семен попросил у Терентия Поташова время на раздумье. Он потолковал с матерью и Дарьей. Была в предложении «лучшего промышленника» одна сторона, особенно его привлекавшая: ему сулили судно для далекого похода, причем он будет на этом судне самым заправским кормщиком. Семену в ту пору не исполнилось еще девятнадцати лет; как было ему этим не соблазниться!

И не прошло двух дней, — Семен дал свое согласие.

Оба судна, принадлежавшие Терентию Поташову, были обычными поморскими лодьями. Меньшее и хуже сохранившееся досталось Семену. Имело оно две мачты, хорошо ходило по ветру, хуже в полветра и совсем не могло маневрировать против ветра.

То, что Семену досталось именно это судно, было делом Гришки Гореликова. Еще раньше он договорился с Терентием Поташовым, что по весне отправится на Грумант, забрав с собой и Кирилла. Для этого ему и понадобилось лучшее судно. К тому же Гришка рассчитывал, что лодья, на которой отправится Семен, не выдержит далекого ледового похода и пойдет ко дну. А так как он был уверен, что Терентий Поташов долго не протянет, то к весне они с Кириллом станут полными хозяевами в Волостке.

Семен оттягивал отплытие, предполагая, что вернется, наконец, Фаддеич, которого он непременно хотел взять с собой. Когда же поп Иннокентий стал интересоваться, куда и для чего готовится судно, Терентий Поташов велел не мешкая отправляться.

Судно снаряжалось в устье, на «яме»; свозить припасы приходилось только ночью, что было далеко не легким делом: между Волосткой и устьем имелось несколько порогов.

С утра, в день отплытия, Евпраксия, скрытно от отца Иннокентия, устроила раскольничье моление. Семену пришлось на нем присутствовать. Он забывал, как креститься – «двумя» или «стремя персты». Затем все отправились в карбасе к устью реки; даже Терентий Поташов поднялся с постели. Евпраксия окурила все судно ладаном. С отливом Семен поднял якорь.

Лодья эта называлась «Николай Чудотворец». Она быстро миновала Бережнуху, Кильбас-остров и обе Ниухос-луды. Дарья сперва плыла в карбасе, затем высадилась на Кильбас-остров. Поднявшись на скалу, она долго смотрела вслед «Николаю Чудотворцу», разлучившему ее с Семеном. Девушке хотелось горько плакать, но она себя сдержала. Дарья никак не могла понять, почему ей все время приходится провожать своего жениха. Сверстницы ее уже давно ходили в повойниках, а у нее со свадьбой все никак не ладилось: то монастырь отнимет Семена, то вдруг заберет его с собой царь, то Терентий Поташов отправил в Студеное море. На душе девушки было неспокойно, словно она предчувствовала все те напасти, которые готовы были на нее обрушиться.

В тот же вечер у Терентия Поташова начался тяжелый припадок. К ночи ему стало совсем плохо. Привели причитать неграмотную бабку и снова послали за колдуном на Кунопачий плес. Во всех горницах затеплили лампадки и, где только могли, налепили зажженные свечки. Евпраксия не один раз обошла с кадильницей весь дом. В горницах стояла страшная духота; к крыльцу стали собираться жители Волостки.

Терентий Поташов понял, что на этот раз приходит ему конец. «Попа ко мне!.. Попа ко мне ведите!..» – закричал он.

Поп Иннокентий, заранее предупрежденный, явился без промедления. Перед тем как начать исповедовать, он выпроводил всех из горницы. Он понимал, что все равно за полузакрытой дверью будут подслушивать. Поп озирался, выискивая, что ему во время суматохи стащить: брать можно было только то, что легко спрятать под епитрахилью – иначе отберут да еще пристыдят.

Собравшиеся за дверью старались услышать, что бормочет умирающий. Тут были Евпраксия, Анна и другие раскольники, а также Кирилл, Гришка Гореликов, его жена и их пособники. Все интересовались ключом и долговой книгой, – предварительное обследование показало, что вещи эти где-то подле умирающего.

Терентий Поташов начал говорить громко, словно ему хотелось, чтобы о его грехах узнало как можно больше людей. Подслушивавшие старались не пропустить ни одного

слова, – может быть, умирающий скажет что-либо и про них.

Самым тяжелым своим грехом Терентий Поташов считал, что связался с раскольниками. Виновата его сестра Евпраксия, вовлекшая его в это бесовское соборище.

При этих словах одутловатое лицо раскольничьей начетчицы сперва побледнело, потом пошло багровыми пятнами. А Терентий Поташов, возвышая голос, просил попа «искоренить в Волостке раскольниче наваждение...»

«Лучший промышленник» стал припоминать и другие грехи. Первый раз у него появилось много денег, когда он обобрал товарищей по промыслу; после этого узнал, что порешили человека, но не донес... Нет, сам он в этом не принимал участия, даже не помогал выкидывать в море, а только получил свою долю за молчание... Каждый год он заносит имя этого человека в поминание... Начав снаряжать суда на промысел, многих людей разорил, пустил по миру... Еще больше людей обманул во время торговли... Было одно такое, что мучило его больше всего: убитую он зарыл выше падуна... Там растет сосна... Крест там надобно поставить, а то душа убитой не найдет на том свете покоя...

Терентий Поташов дошел до книги, где у него были записаны долги односельчан... «Дьявольская эта книга, – закричал он, – в огонь ее, в огонь...» Умирающий боялся, что с этой книгой его не впустят в царствие небесное.

Евпраксия слушала ни жива ни мертва. Она знала, что брат не безгрешен, но такого не ожидала. «Оговаривает себя, оговаривает», – шептала она так, чтобы слышали другие.

Наконец поп Иннокентий начал читать «отходную». Терентий Поташов приподнялся, вскрикнул и свалился навзничь. Все кинулись в горницу.

Но умирающий снова приподнялся, оглядел собравшихся и вдруг озлобился: «Изверги, – прохрипел он, – терзать меня пришли, рвать мое тело... Но души вам моей не взять!..»

И показал язык.

Обессилен, он свалился на подушку. Полежав немного, повернулся к собравшимся, тихо спросил: «Ждете, пока не подохну?.. Все расхватать хотите?»

Затем закричал полным голосом:

– Ничего у меня нет, все покидал в море!.. Нищий я, нищий у меня я!.. Ничего больше нет!..

И после этого забился в судорогах. Едва только Терентий Поташов испустил дух, Евпраксия бросилась к постели – первой завладеть ключом. Кирилл оказался проворнее, но Евпраксия успела вцепиться пальцами ему в волосы. Пока, лягаясь, он от нее освобождался, младшая сестра, Анна, успела обшарить умершего и схватила ключ. Это увидел Гришка и закричал жене, которая была рядом, чтобы она ключ отняла. Увидел и Кирилл.

Разделавшись с Евпраксией, Кирилл кинулся за Анной. Настиг он ее на верхней площадке лестницы. Анна яростно защищалась. Кирилл сбил ее с ног, и Анна покатилась по лестнице. С невероятным топотом, от которого затрясся весь дом, Кирилл сбежал за ней. Анна лежала без памяти: она ударила головой о перила. С трудом разжав ее пальцы, Кирилл завладел ключом. Отдуваясь, он поднялся по лестнице.

В это время в горнице водворился порядок – люди совестились покойника. Распоряжалась жена Гришки Гореликова, а Евпраксия лежала на полу, уткнувшись лицом в скомканый половик.

Вернувшись в горницу с разорванным воротом и исцарапанным лицом, Кирилл опустился на место, где всегда сидел «лучший промышленник». Сразу он не мог отышаться. Жена Гришки Гореликова хлопотливо подала ему жбан с квасом, приготовленный еще покойному.

Кирилл одним духом выпил квас, и ему стало легче. В это время с долговой книгой в руках появился Гришка Гореликов. Он собирался незаметно пройти мимо, но Кирилл увидел его, и Гришке пришло отдать книгу.

Кирилл положил книгу на колени и отерся полотенцем; ключ у него был зажат в руке. Затем он огляделся. Свечи и лампадки освещали лицо покойника, казавшееся совершенно

черным. В изголовье стоял поп Иннокентий, так и не успевший что-либо захватить, а рядом – Гришка, удрученный тем, что не сумел украсть даже книгу. Жена Гришки выпроваживала из дома лишних людей, а из угла доносилось приглушенное всхлипывание Евпраксеи, переставшей быть хозяйкой в своем доме.

Посреди горницы, у стола, сидел Кирилл Поташов, удивительно походивший на своего отца.

5

Хозяйством в доме Кирилла Поташова заправляла теперь жена Гришки Гореликова. Евпраксия пыталась этому помешать, но Кирилл пригрозил, что выгонит тетку из дома. Евпраксия сперва смирилась, затем, сумев кое-что прихватить, скрылась вместе с сестрой в одном из скитов. Хозяйственную и подвижную Анну трудно было узнать: ударившись о перила, она потеряла разум. В скиту ее почитали блаженной, прислушиваясь к тому, что она бормочет. Считалось, что «сам бог вещает ее устами».

Помощь от Терентия Поташова прекратилась, и Кирилл потребовал от матери Дарьи выплаты долга. Призвали попа Иннокентия, который подтвердил, что она сама ставила кресты... Мать Дарьи этого не отрицала, но выплатить долг ей было нечем.

Тогда к ней снова начала ходить жена Гришки Гореликова. Она сулила матери Дарьи всяческое благополучие, если девушку отдадут за Кирилла. Как-то она обронила: «Сказывают, что покойный спровадил Семена на таком судне, какое и до Новой Земли не дойдет, потонет». Это услышала Дарья и не могла после этого найти себе места. А ее мать довели до такого состояния, что она вынуждена была дать согласие.

Едва Дарья стала невестой Кирилла, жена Гришки начала носить в их дом подарки жениха, – нужно было скрасить бедность будущей жены «лучшего промышленника».

Мать не сразу сказала дочери о своем согласии. Когда она это сделала, обе проплакали всю ночь. Дарье не к кому было обратиться за помощью – даже Фаддеича, крестного Семена, в Волостке не было.

Свадьбу Кирилл требовал справить как можно скорее. Но свадьбу в Волостке играли не менее двух недель, и не «лучшему промышленнику» было идти вразрез с обычаями. Задержка злила жениха; по Волостке пошел такой пьяный разгул, что к ночи люди боялись выходить из домов.

Для Дарьи начались трудные дни: ее неволили выйти замуж за человека, который был ей противен, а любимый ее жених находился далеко в Студеном море и мог погибнуть. Дарья вначале как будто покорилась матери, но в ней с каждым днем крепла решимость, что женой Кирилла она не станет.

Мать хотела поскорее выдать Дарью замуж. Она видела, как девушке тяжело. Обвенчают Дарью с Кириллом, забудет она о Семене и свыкнется с замужеством, – так было с ней самой.

В свадьбе принимала участие чуть ли не вся Волостка: свадьбы всегда были большим событием, а сейчас женился «лучший промышленник». Определили посаженных отцов, дружек жениха, праворучицу и леворучицу невесты; тысяцкого, который становился «хозяином свадьбы», послали на Кунопачий плес за колдуном. В обязанность колдуна входило оберегать жениха и невесту «от порчи».

Невеста, если даже она выходила по своей воле, должна была всю свадьбу проплакать. Чувства свои невеста выражала в песнях-плачах, и не было такой девушки, которая бы их не знала. Но, как мать ее ни уговаривала, Дарья плакать на виду у людей наотрез отказалась. Тогда из Унежмы привезли причитальщицу. Старуха эта славилась своим искусством по всему поморскому берегу.

Начали со «сватовства». Родичи жениха подошли к дому невесты и, когда их спросили, зачем они пришли, ответили, как полагалось:

— Пришли за добрым делом, за сватовством. У нас есть князь молодой Кирилл, сын Терентьев, у вас княгиня молодая Дарья, дочь Андреева. Так нельзя ли их в одно место свесть да новый род завесть?

Сватов пустили в дом. Об угощении позабочилась жена Гришки Гореликова. Выпили, закусили, поговорили сначала о том, хорошо ли ловится рыба, потом перешли к делу. Мать Дарьи встала, поклонилась и поблагодарила за то, что «не обошли ее дочь». Так полагалось отвечать при согласии, и она быстро входила в роль.

Явился жених в сопровождении дружек, у которых через плечо были завязаны расшитые полотенца. Вывели невесту с двумя подругами – праворуцией и леворуцией. На Дарье парчовая шубейка, обшитая горностаевым мехом, и высокая головная повязка из такой же парчи, богато украшенная беломорским жемчугом. Повязку эту в песнях называли «девьей красотой». Голову и плечи невесты покрывала шелковая шаль. Праворуница и леворуница были одеты как и невеста, только без шали. Все эти вещи хранились у женщин Волостки, и их передавали из поколения в поколение – даже жадные монахи не осмелились их отобрать.

Мать Дарьи смотрела на свою дочь и думала: какая она красивая и гордая и как ей сейчас, должно быть, тяжело... Она помнила свою свадьбу, когда ее тоже выдавали против воли.

Вскоре состоялось и «рукобитье». Сватов, родичей жениха и невесты усадили за стол. Снова вывели разодетую Дарью с подругами, поставили рядом с женихом. Затеплили лампадки и начали креститься. Затем жених приподнял край шали и поцеловал первый раз невесту.

Дарья едва устояла на ногах. Все присутствующие схватились за руки, подтягивая край своего рукава до пальцев, накладывали рука на руку и трясли руками, пока кто-либо не разбивал их снизу. Точно так же делали на ярмарке, когда покупали лошадь или корову.

Девушки пели песню, ругая свата:

Сватушка лукавый, вилявый –
Он змей семиглавый,
Враль редкозубый...

Подошел черед плакать невесте, и старуха-причитальщица завела:

Ох, темнечушко-тошнехонько,
Отворочу лицо белое
От большого угла, от переднего,
От огничка палючего,
Отворочу лицо белое
От стола от дубового,
От гостей всех желанных...

Дарью увеличили. Когда к ней пришла мать, девушка бросилась ей на шею и заплакала уже по-настоящему. Мать уговаривала ее потерпеть еще немного: станет она женой «лучшего промышленника» – и кончится их тяжелая жизнь. Дарья ничего ей не ответила: она уже знала, что женой Кирилла не станет.

Были еще разные обряды, пока не подошел вечер «девишика». В горницу набилось особенно много девушек, все были разодеты. Девушки пели, а невеста сидела между печкой и стеной, в «кути», покрытая шалью.

Когда приходило ее время плакать, старуха-причитальщица выводила:

Уж я сяду, лебедь белая,
На бересчату светлу лавочку,
Ко кошевчату окошечку...

Затем подхватывали девушки:

Что ты, что ты, сине море,
Стоишь да не всколышешься,
Что ты, что ты, березонька,
Стоишь да не шатаешься...

Невеста должна была благодарить, и причитальщица заводила:

Вам спасибо, белы лебеди,
На унывных, славных песенках...

В тот же вечер происходило «расплетание косы». Причитальщица начала:

Во сегодняшнее да утро раннее
Я спала да высыпалася,
Я ждала да дожидалася,
Я петушья воспеваньница
И кукушья кукованьница...

Девушки сняли с невесты шаль, развязали парчовую повязку и, ухватившись за косу, начали ее расплетать. Ленты они поделили между собой «на счастье». С этого времени и до того, как после венчания наденут бабий повойник, невеста должна ходить простоволосой – только венчаться будет в «красоте».

Пока расплетали косу, причитальщица выводила:

Ох, темнечушко-тошнехонько,
Не пристала мне девья красота,
Мне повязка красна золота,
Мне присадка скатна жемчуга.
Без природной трубчатой косы,
Без украшевной девьей красоты...

И вот наступил день венчания. С утра в доме жениха накрыли богатый стол. Когда выпили и поели, посаженный отец благословил жениха «идти за невестой», и свадебный поезд жениха отправился.

Перед домом невесты завели разговор.

– Что вы за такие люди? – спросили родичи невесты.

— Мы люди божьи да государевы, а еще Соловецкого монастыря люди, — ответили родичи жениха.

— А что вам от нас надо?

— Мы пришли со своим князем молодым, Кириллом, за вашей княгиней молодой, Дарьей; отдайте ее нам.

— Наша княгиня молодая белой лебедью обернулась и улетела в тихие заводи, там ее и ищите.

— У нашего князя молодого есть стрелочки-охотнички; подстрелили они лебедь белую в правое крыло, и упала она в этот дом, — должна быть теперь здесь!

— Наша княгиня молодая обернулась красной лисицей и в темные леса ушла, — ищите ее там.

— У нашего князя есть собачки остроухие, лисицу в этот дом загнали, — должна быть теперь здесь!

— Наша княгиня молодая обернулась щукой и ушла под воду — имайте ее там.

— У нашего князя молодого есть промышленники-рыболовы, закинули сети, им попалась щука, которая хвостом плеснула и в этот дом ушла — подайте ее нам!..

Жених начал выказывать признаки нетерпения, и переговоры закончились. Вывели покрытую шалью невесту. Свадебный поезд во главе с тысяцким, за которым шли жених с невестой и колдун, растянулся по: Волостке.

Кирилл старался гордо выпячивать грудь: никаких не было больше сомнений, что Дарья станет его женой.

А девушки пели:

Как пошла река быстрая,
От Москвы пошла до Вологды,
До города, до Архангельского...
Уж как наша-то Волостка,
Волостка Нюхотская,
На горе стоит да на высокой,
У нас восход красна солнышка,
У нас заход светла месяца,
У нас девушки-прядеюшки,
Молодые парни у нас работнички...
Тут к нам приехал добрый молодец,
Добрый молодец Кирилл,
Кирилл, свет Терентьевич...
— Да ты долго будешь ездити,
Доколе будешь коня томити?..
— Я дотоле буду ездити,
Дотоле буду коня томити,
Пока взамуж не возьму,
Пока женой не назову
Я Дарью, свет Андреевну...

Сели в карбасы, чтобы переправиться через реку, — там на высоком берегу и стояла церковь.

Раскольники раньше церковь не посещали, а сейчас в ней собралась чуть ли не вся Волостка. И это понятно: венчаться должен был не кто иной, как Кирилл Поташов, а Поташовы считались закоренелыми раскольниками.

У попа Иннокентия было уже все приготовлено: зажжены лампады, горело множество свечей — на масло и воск жених не поскупился. Сам поп Иннокентий нарядился в лучшую ризу и до блеска начистил венцы.

Кирилла и его накрытую шалью невесту поставили перед налоем; дружки держали над их головами венцы. Поп Иннокентий, вместо обычной скороговорки, произносил слова нараспев и двигался на этот раз как-то особенно величаво.

Подошло время спросить, по доброй ли воле жених берет невесту, а невеста – жениха. Кирилл ответил сразу, невеста помедлила. Поп Иннокентий повторил вопрос: он-то хорошо знал, что девушку выдают против воли.

Но вот и во второй раз невеста не ответила. Поп Иннокентий забеспокоился: вдруг девушка заупрямится?

Все в церкви притихли – ждали, что произойдет дальше. Под шалью, покрывающей невесту, раздался странный звук: словно кто-то подавлял желание рассмеяться, но не в силах был этого сделать.

Тут вмешался Кирилл: со словами «что ты, дура, упрямишься» – он потянул за край шали. Шаль соскользнула на плечи, и оказалось, что вместо Дарьи рядом с женихом стоит хитро улыбающийся Фаддеич.

Сперва все обомлели: очень уж это было неожиданно; затем людей начал одолевать смех. Задние спрашивали передних о том, что произошло. В церкви поднялся невообразимый шум.

– Ты чего это? – только и сумел выговорить Кирилл.

А Фаддеич, пользуясь начавшейся суматохой, стал скидывать женское одеяние.

– Бей его! – вдруг закричал во весь голос Кирилл, забывая, что находится в церкви.

Люди кинулись к выходу, тесня и толкая друг друга. Бабы, стиснутые в дверях, визжали. Ребята, которым обещали «показать свадьбу», ревели, а те, кто видели, как из-под шали появился Фаддеич, хватались друг за друга, чтобы устоять на ногах от душившего их смеха. По всему Беломорью еще долго потом рассказывали, как «лучший промышленник» венчался со скоморохом.

Так закончилось первое венчание попа Иннокентия. Церковь снова запустела. Раскольники, как и раньше, продолжали молиться по домам, чему помогло возвращение Евпраксии. Анну она похоронила в скиту. В Волостке пошло все по-старому. Даже поп Иннокентий от расстройства запил, подобно своему предшественнику – Аркашке-Шалбернику.

Куда скрылась Дарья, никто не знал. Говорили, что ее видели вместе с Фаддеичем. Фаддеича тоже больше не встречали. Кирилл только тем и смог отомстить, что сжег его избушку, стоявшую у берега, над самым порогом.

6

Разыгравшийся взводень не хотел утихомириться. «Николай Чудотворец» то скатывался вниз, то вздыпался на сглаженный гребень. Под днищем журчала вода, на палубе пахло смолой.

Буря кончилась; попутный ветер надувал паруса, и «Николай Чудотворец» продолжал плыть по Студеному морю. Скоро должен был открыться берег Новой Земли.

Молодой кормщик Семен Поташов стоял па палубе. Опасность миновала; внизу спали

товарищи, только один он бодрствовал у руля.

Одна мысль все время не оставляла молодого помора. Может быть, следовало, несмотря ни на что, пойти за Петром, как шли Щепотьев, Корчмин, Меньшиков? И чем дальше упывало судно по Студеному морю, тем чаще задавал себе Семен этот вопрос. И сейчас он не находил на него ответа, не знал, правильно ли он поступил.

* * *

Одиннадцатого октября тысяча семьсот второго года неприятельская крепость Нотебург, стоявшая у истока Невы, пала под ударами войска Петра.

Последний штурм был самым ожесточенным. Но сикурса не последовало, и Шлиппенбах, не раз уже русскимибитый, сдал крепость на милость победителей. Старинный русский Орешек, почти сто лет находившийся под властью чужеземцев, был, наконец, освобожден. Победа эта открыла Петру путь к устью реки Невы и в Балтийское море. Петр переименовал освобожденную крепость в Шлиссельбург, что значило: «ключ-город».

Семен находился далеко от этого места и всего, что произошло, знать не мог. А если бы узнал, наверное, пожалел, что его там не было.

«Николай Чудотворец» то скатывался с гребня, то взбирался на взводень, который никак не мог успокоиться. На горизонте показались очертания Новой Земли.

7

Вконец распоясавшийся Кирилл Поташов всю зиму наводил страх на нюхотских жителей. По весне Гришка Гореликов уговорил его отправиться на промысел морского зверя к Груманту.

Вернулись они поздно осенью с богатой добычей. Но вернулись не все: троих снесло в море во время бури.

Кирилл выделил семьям погибших причитавшуюся им долю, хотя никто не мог проверить, сколько действительно причиталось. Самым же замечательным было то, что, вернувшись с промысла, Кирилл перестал бражничать.

Он начал торговать, завязал отношения с Соловецким монастырем и стал ссужать деньги в рост. Правой рукой у него стал Гришка Гореликов. Гореликов скоро понял, что хватка у Кирилла еще покрепче отцовской.

СЕМЕН И ДАРЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ ДОВЕРЕННОЕ ЛИЦО ГОСУДАРЯ

1

Длиннобородый мужик, высунувшийся из маленького окошка, испуганно глядел на молодого всадника. Окошко находилось в толстой бревенчатой стене. Всадник был одет в городское платье; он слез с лошади и долго стучался у ворот.

– Пошто тревожишь мирную обитель? – наконец выговорил длиннобородый.

Молодой всадник быстро ответил:

– Прибыл к настоятелю обители по приказу государя.

Длиннобородый отпрянул, забыв даже захлопнуть окошко. Было слышно, как, гулко стуча ногами, он сбежал по лестнице. Вскоре тяжелые ворота вздрогнули и начали медленно раскрываться. Длиннобородый, одетый в черную одежду, выбежал навстречу и взял лошадь под уздцы.

Все пространство за стенами было заполнено строениями. Посреди двора поднималась высокая башня-звонница.

Ворота за молодым всадником закрылись. Суетясь и кланяясь, к нему подбежал тощий человек в скуфейке. Поклонившись особенно низко, человек этот пригласил прибывшего следовать за собой. Оба прошли в соседнюю избу, где в широкой горнице, кроме скамеек вдоль стен и икон в углу, ничего не было.

Еще раз поклонившись, суетливый человек осведомился, нет ли у приезжего грамоты, которую надлежало бы передать киновиарху.

Прибывший услышал это слово впервые, но догадался, что так раскольники зовут Андрея Денисова. Он ответил, что грамота действительно имеется, но что передать он ее может только в руки самого настоятеля. Тогда суетливый человек попросил обождать.

Ждать пришлось недолго. Прибывшего провели во вторую избу, где его уже поджидал другой человек. Был он небольшого роста, толстый, краснощекий, с широкой бородой и совершенно лысый.

После витиеватого приветствия человек этот произнес:

– Отец нарядник выговской киновии просит вас, сударь, вручить ему привезенную грамоту.

И он протянул руку. Прибывший ответил, что грамота написана для настоятеля обители – Андрея Денисова.

Отец нарядник словно не услышал этих слов и терпеливо повторил:

– Позвольте, сударь, ознакомиться с грамотой?

– Грамота будет вручена настоятелю обители – Андрею Денисову, – прозвучал ответ.

Отец нарядник сказал, что киновиарх еще почивает и что именно ему поручено принять грамоту.

– Настоятель не век будет почивать, – ответил прибывший, оглядываясь, куда бы присесть.

Неодобрительно покачав лысой головой, отец нарядник вышел из горницы. Вернулся он скоро и попросил следовать за собой. Снова пересекли двор и вошли в третью избу. Здесь прибывшего встретил человек, заявивший, что он «экклезиарх обители», который руководит духовной жизнью братьев и сестер.

Экклезиарх был тоже небольшого роста, коренастый, в подряснике из шелковой материи, имел разделенные на две стороны, обильно умасленные волосы и небольшую бородку.

Экклезиарх протянул руку, как бы предлагая вручить ему грамоту. Прибывший стоял посреди горницы, спокойно ожидая, чем же все это кончится.

Он услышал:

– Отец экклезиарх смиленно просит вас, сударь, вручить ему грамоту, переданную вам, сударь, Александром Даниловичем.

Прибывший отметил, что Меньшикова называют здесь по имени и отчеству, а также и то, что в обители известно, кем была написана привезенная им грамота.

– Грамота будет передана в руки настоятеля, – еще раз сказал он.

Экклезиарх ответил:

– Киновиарх находится в отсутствии; возвращения киновиарха придется ожидать. А грамота, весьма возможно, нуждается в прочтении немедленно.

– Находится настоятель в отсутствии или почивает?

Экклезиарх понял, что допустил ошибку, и сразу же поправился:

– Почивающий всегда как бы отсутствует, ибо духовное естество почивающего на это время бывает как бы усыпленным.

Попросив немного подождать, экклезиарх вышел. Ждать и на этот раз пришлось недолго. Снова пересекли двор и поднялись по широкой лестнице в верхнюю горницу высокой избы. После полагающихся приветствий из-за закрытой двери донеслось «аминь», и дверь изнутри раскрылся келейник.

Киновиарх Выгорецкой раскольничьей обители Андрей Денисов сидел в резном деревянном кресле подле стола. Перед ним лежали раскрытые книги и ворохи исписанной бумаги. Андрей Денисов был поглощен работой. Обернувшись, он внимательно поглядел на прибывшего, словно желая сразу уяснить себе, что это за человек.

Два года назад мимо обители прошел со своим войском «царь-антихрист», и над раскольниками нависла угроза. Никто не знал, что делали братья Денисовы в царском лагере. Но то, что Петр не разорил обители и позволил раскольникам «молиться по-своему», приписали мудрым действиям Андрея Денисова. Когда же узнали, что Петр со своими фрегатами и войском уплыли прочь, совет особо чтимых старцев избрал Андрея Денисова киновиархом. Оказанное доверие Андрей Денисов оправдал: хозяйство обители еще больше окрепло, а руководители ее, как вожди раскола, далеко прославились за пределами выгорецкого сузёнка.

Продолжая внимательно смотреть на прибывшего, он проговорил не без достоинства:

– У вас, сударь, имеется до меня грамота.

Прибывший сунул руку под камзол, откуда извлек сложенный лист бумаги. Келейник принял бумагу и бережно передал киновиарху. Андрей Денисов развернул ее, прочел, и лицо его нахмурилось.

Прибывший знал, что написано было следующее:

«Податель сего есть доверенное лицо государя, коему поручается осмотреть производимые обителью работы по добыче озерной и болотной руды, вести переговоры об усилении поставки руды на карельские железоделательные заводы и проведении поиска на руду, поелику армия и, особенно, морской флот зело нуждаются в пушках и ядрах к ним».

И подписано было: «Александр Меньшиков».

То, что Меньшиков заговорил таким тоном и прислал вместо себя никому не ведомого человека, Андрею Денисову понравиться не могло, – опять придется умилостивлять царского любимца.

Еще раз посмотрев на прибывшего, Андрей Денисов спросил:

– Как, сударь, прикажете именовать вас?

Прибывший ответил:

– Семеном, сыном Ивашки, а по прозванию – Поташовым.

Андрей Денисов сказал:

– Поташовы на Белом море проживают, не оттуда ли будете?

– С Белого моря, родом из Нюхотской Волостки.

– Не вам ли, сударь, пришлось быть келейником у преосвященного архимандрита Фирса?

Молодой помор подтвердил и это, а сам подумал: «Откуда тебе известно?»

Меньшиков предупреждал, что раскольники начнут «оплетать его разговорами», но чтобы он, Семен, на все их хитрости ни в коем случае не поддавался.

Андрей Денисов спросил:

— Известно нам стало, сударь, что уберегли вы от смертной опасности особу государя; за все это вас государь, вероятно, наградил должным образом?

«Значит, ты не все знаешь или притворяешься», — подумал Семен.

Доверенное лицо государя поместили в той же избе, где жил сам киновиарх; его накормили и дали с дороги отдохнуть. После этого Андрей Денисов повел показывать свое хозяйство. При его появлении работавшие вскакивали и приказчик докладывал, как идет работа. Отличившимся киновиарх давал поцеловать свою руку, а провинившихся наказывал. Наказанием служили поклоны перед иконами, заключение в келью на хлеб и воду, а наиболее злостных отправляли на самые тяжелые работы, Семену все это напомнило Соловецкий монастырь. Только не было здесь мирских трудников и работы выполняли сами раскольники. Женскую часть обители отделяла высокая стена, и доверенное лицо государя туда не повели. Ни от одного человека в обители Семен не услышал приветствия. Раскольники быстро узнали, кем он прислан, и кидали на него такие взгляды, от которых становилось не по себе.

К ночи Андрей Денисов развернул перед Семеном план той местности, где производилась разработка болотной и озерной руды. Он сказал, что работают все, кого только можно было на это дело поставить. Если Александр Данилович станет требовать присылки людей на заводы, от этого пострадает добыча. Семен заявил, что необходимо увеличить количество поставляемой руды.

Андрей Денисов предложил Семену самому посмотреть, можно ли это сделать. Рано утром следующего дня, сидя рядом с Андреем Денисовым в тележке, Семен выехал из ворот обители.

Они направились вверх по Выгу. Неподалеку от впадения в него Лексы тележка перебралась по наведенному мосту на другую сторону. Доехали до большой излучины, где было заготовлено много бревен, досок и теса. Денисов объяснил, что здесь «возводится женская обитель» и что, когда строительство закончится, сюда переведут «духовных сестер и стариц».

Духовные сестры и старицы Семена не интересовали, — тележка покатила дальше. Вновь остановились у края большого болота, пересеченного длинными и узкими канавами. Снятый с поверхности мох был сложен в кучи. Несколько десятков бородачей в подоткнутых длинных одеждах собирали руду и, согнувшись, относили в корзинах на ближайшую возвышенность. Здесь к небу поднимались столбы дыма — руда подвергалась предварительному обжигу. Так выгорецкие раскольники добывали железную руду, которая нужна была «царю-антихристу» для продолжения войны со свейским королем Карлом XII.

Семен все внимательно осмотрел, взял пробы руды, и Денисов повез его дальше. Дорога оборвалась у широкого озера. По гладкой поверхности, увидел Семен, медленно передвигаются плоты. На каждом плоту было по двое бородатых мужиков, в длинных подоткнутых одеждах. Один погружал в воду тяжелый черпак на длинной рукоятке, другой при помощи шеста толкал плот. Человек с черпаком вытаскивал со дна руду, вываливал на плот, второй промывал. Когда накапливалось много руды, плыли к берегу, где сносили ее в корзинах на возвышенность для обжига.

Плоты начали подплывать к берегу — пришло время полдника. Весть о прибытии киновиарха сразу распространилась, и каждый старался подойти к нему под благословение. Семен увидел изнуренных людей, с ввалившимися щеками, но никто из них не роптал, —

свои страдания считали они угодными богу; и старались они не для себя, а для прославления обители.

На Семена, который выделялся своим городским платьем, смотрели с ненавистью: раскольники узнали, что человек этот прислан царем.

Вдруг Семен почувствовал, что один из мужиков особенно пристально смотрит на него. Взглянув в его сторону, Семен сперва отступил к деревьям, а потом, повернувшись к озеру спиной, направился к тележке. Его нагнал Андрей Денисов, и они поехали дальше.

Глядя на изменившееся лицо Семена, Денисов думал: хорошо, что такое впечатление оказали на тебя люди, добывающие для царя руду, – расскажешь ему, как стараются они для него, – может быть, царь не будет требовать от обители большего.

Произошло же совсем другое: в человеке, который на него так пристально смотрел, Семен узнал Фаддеича, своего крестного, с которым расстался два года назад у зимушки на безымянной речке. Каким образом Фаддеич очутился на Выге? Семен не сомневался, что это был именно его крестный, хотя по раскольничьему обычанию Фаддеич отрастил длинную бороду.

Пока киновиарх и доверенное лицо государя объезжали места добычи руды, в обители на Выге началось брожение. Для Денисова это неожиданностью не было: он сам этому способствовал. По возвращении в обитель Семена встретили недружелюбными возгласами и угрозами с ним справиться. Денисов понимал, что этого не должно случиться – покушение на доверенное лицо государя ему не простят, и принял меры для ограждения Семена. К ночи Денисов и Семен обсудили все возникшие у них вопросы. Господин Поташов не шел ни на какие уступки. Ему было велено добиться от Андрея Денисова увеличения в два раза поставки руды, и он на этом настоял. Андрей Денисов догадывался, что такое требование исходит даже не от Меньшикова, а от самого государя, – с Петром же шутки были плохи. Это его больше всего и беспокоило, так как с Меньшиковым легче было столковаться.

Андрей Денисов накормил Семена ужином; сам он при этом ничего не ел, ссылаясь на то, что постится, а затем предложил Семену еще до утра покинуть обитель, чтобы не возбуждать больше ее обитателей. Он объяснил Семену, что снова начались толки об «огненном крещении»; если вспыхнут, как несколько десятков лет назад в сузёмке, «гари», когда сжигались по нескольку сот человек сразу, понизится добыча руды.

Семен это понял, и Денисов вывел его после полуночи через тайную калитку к реке. Здесь уже ждала оседланная лошадь. Денисов рассказал, как ближе всего проехать к Повенецкому Рядку, и пожелал Семену доброго пути.

Семен отъехал несколько верст до росстани, откуда боковая дорога вела на Выг, в обход обители. Вскоре он был уже на реке и направился в сторону Лексы. Переправившись через мост, проехал еще немного по дороге и свернул в лес. Соскочив с лошади, не снимая седла, спутал ей ноги и отпустил пасть. А сам, завернувшись в теплый плащ, улегся под елью и заснул.

Пока Семен спит, расскажем, как это случилось, что, отправившись в далекое плавание по Студеному морю, он очутился в Выгорецкой раскольничьей обители, да еще доверенным лицом того самого государя, от которого бежал два года назад.

ГЛАВА ВТОРАЯ У «ЧЕЛОВЕЦЕВ НЕЗНАЕМЫХ» И В САНКТ-ПИТЕР-БУРХЕ

1

Больше полугода прожили промышленники у Югорского Шара на Новой Земле; приютились они в небольшой избушке. «Николая Чудотворца» с помощью ворота вытащили на берег. Семен осмотрел днище и порадовался, что не пришлось плыть тяжелыми льдами: на таком ветхом судне не трудно было и пойти ко дну.

Пока море не замерзло, выходили в карбасах промышлять морского зверя, – добывали кожу, запасли много жира и мяса, охотились на диких оленей. Продовольствия теперь должно было хватить надолго.

Наступила полярная ночь, На избушку обрушился такой силы ветер, что если кто-либо захотел выбраться наружу, его мгновенно унесло бы прочь и засыпало снегом. Целыми днями промышленники просиживали в избушке.

Все, кроме Семена, были раскольниками. Семен считался «никонианином» – он был келейником у архимандрита Фирса и общался с «царем-антихристом». У раскольников имелась своя посуда, Семен не должен был к ней притрагиваться. К тому же раскольники строго соблюдали посты, во время которых запрещалось есть мясо. Наконец Семен, будучи кормщиком, оказался среди промышленников самым молодым, остальные были этим обижены.

Все это сумел использовать Онуфрий Гореликов, племянник Гришки Гореликова. Гришка прямо сказал Онуфрию, что судно должно вернуться в Волостку без Семена, которого нужно бросить в таком месте, откуда ему домой не вернуться.

Как Семен ни уговаривал промышленников есть сырое мясо и пить свежую кровь зверя, они не слушали и все переболели цингой, а двое из них не дожили до весны. В их смерти сочли виновным «никонианина Семена», решив, что именно он «приносит несчастье». На судне теперь оставалось всего пять человек. К тому же, переболев цингой, не все могли работать в полную силу. В таких условиях трудно было рассчитывать на преодоление волок на Ямале, где суда перетаскивают посуху из одного озера в другое.

Лето пришло с запозданием, – льды долго не освобождали Нарземского моря, по которому нужно было плыть к Ямалу. До середины лета восточный выход из Югорского Шара был забит торосами. Все эти неудачи тоже приписали Семену. Онуфрию Гореликову нетрудно было восстановливать промышленников против молодого кормщика.

Наконец в середине лета лед начало уносить к северу, и путь в сторону Байдарацкой губы освободился. «Николай Чудотворец» быстро пересек Нарземское море и, не спускаясь в Байдарацкую губу, стал подниматься вдоль западного берега Ямала.

Поблизости от Шараповых Кошек было устье реки Мутной, в которую входили суда, следовавшие к волоку. Река эта кончалась озером; неподалеку было другое озеро, в котором брала начало река Зеленая, впадавшая в Обскую губу. Для того чтобы попасть из одного озера в другое, нужно было перетащить судно по водоразделу.

Семен понимал, что впятером им волока не одолеть. К тому же поход в Обскую губу, на реку Таз, где стояла Монгозея, надолго задержал бы обратное возвращение. Терентий Поташов наказывал Семену: «Если не сумеешь пройти в Обскую губу, добывай мягкую рухлянь на Ямале». Молодой кормщик объявил об этом промышленникам, и они обрадовались: из Нарземского моря выбраться домой было проще, чем из Обской губы.

Вскоре появился лед. Семен высаживался на берег, поднимаясь на ближайшие возвышенности, чтобы осмотреться.

Долгое время в тундре никого не было видно. Наконец он наткнулся на жертвеннное место: стояли длинные палки с вырезанными изображениями птиц, а под ними черепа оленей и белых медведей. Все это только недавно обмазали кровью: значит, неподалеку кочевали люди. И действительно, вскоре Семен увидел человека, ехавшего по летней тундре, как зимой, в нарте, запряженной оленями.

Увидев незнакомца, человек остановил оленей, что позволило Семену к нему приблизиться. Семен объяснил, что у них есть разные товары для обмена. Человек долго его слушал, ничего не отвечая. Но Семен так и не понял, разобрал ли что-нибудь человек этот из его слов. Ничего не ответив, он поехал дальше, пока не скрылся за холмами.

Лед прижало к берегу, не давая судну свободно продвигаться на север; все время приходилось отпихивать льдины шестами. Через день после первой встречи Семен увидел уже нескольких людей. Сразу же он высадился на берег. Люди тундры были вооружены луками, только у одного имелось старинное ружье. Свое ружье Семен оставил в карбасе.

Он старался объяснить жестами, что не имеет враждебных намерений и хочет начать обмен. Один из приехавших спросил, откуда прибыло судно. Семен ответил и снова предложил начать обмен. Тот, с которым он говорил, передавал его слова остальным.

Люди тундры некоторое время переговаривались, после чего говоривший по-русски объяснил, что все вернутся на берег через два дня; он велел перевести судно на другое место, так как неподалеку находится святилище и духи предков могут помешать обмену.

Семен перевел судно еще севернее, и точно через два дня из тундры снова явились люди. Теперь их было значительно больше: новости здесь распространялись быстро.

Семен погрузил в карбас часть вещей, предназначенных для обмена, и приплыл с Онуфрием на берег. Он спрятал ружья, чтобы не отпугнуть этих людей. Первым пришел тот, кто говорил по-русски. Он сказал, что вещи нужно положить на сухое место и уйти в сторону, – люди тундры осмотрят вещи и положат рядом все то, что захотят обменять.

Онуфрий предупредил Семена, что это хитрость: приехавшие заберут разложенные вещи, сядут на нарты и быстро уедут. Но Терентий Поташов предупреждал Семена, что люди тундры никогда не обманывают. На сухом месте были разложены котлы для варки пищи, ножи, топоры, иголки, разная материя, ружья, порох, свинец и другие вещи. После этого Семен с Онуфрием отошли к карбасу.

Спустившись с возвышенности, приехавшие все внимательно осмотрели, – было слышно, как они обмениваются восклицаниями. Вещи им нравились, чего они не скрывали. Один остался на берегу, другие пошли к нартам, откуда стали носить небольшие тюки. Развязывая тюки, они клали около вещей связки шкурок. После этого все отошли на возвышенность.

Семен понял, что пришла их очередь действовать. Онуфрий предложил выстрелить из ружья: «Язычники перепугаются и убегут, после этого легко будет захватить шкурки». Семен так прикрикнул на него, что об этом Онуфрий больше не заикался.

Семена удивило, как много было оставлено шкурок. Каждый взял вещи, около которых положил свои шкурки. Говоривший по-русски предложил, чтобы судно не уходило, так как дано знать в глубь тундры остальным родам.

На следующий день прибыли новые люди, с которыми тоже был произведен выгодный обмен, причем и на этот раз обе стороны остались довольными. Так в течение нескольких дней было обменено все, чем снабдил промышленников Терентий Поташов. Зная цену мягкой рухляди, Семен поразился, с какой выгодой это было сделано.

Люди тундры спросили, нет ли у русских «огненной воды». Они сказали, что дадут за это все оставшиеся шкурки. Водка на судне была, но Семен помнил, как на Мурмане перекупщики обманывали захмелевших саами, и менять что-либо на «огненную воду» отказался.

Семен сказал, что, если они хотят, он подарит немного «огненной воды», пусть только соберут хорошее угощение, а менять не будет. Людям тундры это очень понравилось, и они пригласили русских приехать к ним в гости.

Решили, что поедет один Семен, а остальные подготовят в это время судно к обратному пути, – лед прибывал, нужно было спешить. Семен, ничего худого не заподозрив, охотно согласился.

С небольшим бочонком в руках его посадили на нарты и повезли в глубь тундры. Чумы стояли у озерка. К ночи со всех сторон понаехали гости, и началось пиршество.

Было собрано лучшее угощение: вяленая рыба и сущеное мясо, кроме того пригнали

самых жирных оленей. Семен в первый раз увидел, как их убивают: удар обухом по голове, затем ножом прямо в сердце. Сразу же выпускали кровь и сдирали шкуру. Гости разбирали куски еще теплого мяса, обмакивали в кровь и подносили ко рту, острым ножом обрезая их около самых губ.

Пиршество продолжалось всю ночь. Хозяева и гости пели песни и, взявшись за руки, ходили по кругу, притопывая ногами. Семен принимал во всем это участие, что особенно понравилось собравшимся. И Семену эти люди понравились. Семен понимал, как трудно жить им в тундре и как редко им, наверное, приходится веселиться.

Семен мало ел и еще меньше пил, а утром попросил отвезти себя на берег. Провожать отправились чуть ли не все участники пиршества. Когда нарты выехали на высокий берег, Семен взглянул туда, где еще вчера стоял «Николай Чудотворец»: сегодня судна там не было. Не оказалось судна и нигде поблизости. Только под берегом был оставлен карбас.

Семен сказал провожавшим, что судно должно скоро вернуться, и что он подождет на берегу. Ему трудно было скрыть беспокойство, а его новые друзья были очень чуткими. Но они и вида не подали, что понимают, в чем дело. Распрощавшись, люди эти обещали вернуться на следующий день.

Семен спустился к воде. В карбасе было оставлено ружье с запасом пороха и свинца, немного продовольствия и кое-что из теплой одежды. Промышленники, как видно, поступили с ним по-своему честно: не хотели дать ему умереть с голода.

На следующий день жители тундры вернулись. Они убедились, что их предположение оказалось правильным: судна не было. К тому же нанесло еще столько льда, что только узкая полоска чистой воды оставалась вдоль берега.

Жители тундры, видел Семен, отлично во всем разбирались. Но они ему об этом ничего не сказали. Молчал и Семен, – ему стыдно было за промышленников.

Тот, кто говорил по-русски, посоветовал спрятать карбас в безопасное место, – здесь его разломает льдом. Карбас вытащили на берег и перевернули, обложив мхом, – так он будет лежать в сохранности, пока не понадобится.

Больше всего помогал Семену тот, кто говорил по-русски. Звали его Ламдо, что означало «низкорослый», а принадлежал он к ямальскому роду Вэнонгки – «собачье ухо».

Пока Семен стоял в раздумье, приехавшие с ним люди о чем-то горячо спорили; раньше он не видел их такими возбужденными. Споры умолкли, и к нему подошел Ламдо.

Немного помолчав, Ламдо сказал:

– Семен остался на берегу один: у него худые товарищи. Люди нескольких родов обсудили, у кого будет жить Семен. Люди решили: Семен должен отправиться в стойбище Ламдо.

Он схитрил, не сказав, что такое решение приняли потому, что Ламдо умел говорить по-русски. Ламдо выучился этому в Обдорске. Люди тундры съезжались туда на ярмарку и там платили ясак березовскому воеводе.

Семен оценил, что люди эти подошли к его беде по-деловому: человеку нужно помочь, и они прямо сказали, какой будет эта помощь.

Через несколько дней Семен попросил Ламдо свезти его еще раз к тому месту, где стояло судно. «Может быть, промышленники все же вернулись?» – думал он.

Ничего не сказав, Ламдо поймал оленей, и оба поехали к берегу. Судна не было, да и попасть сюда оно уже не могло: все было забито льдом. Происходило это в середине августа.

Семен спросил своего нового друга:

– Всегда здесь в это время так много льда?

– Нет, – ответил Ламдо, – раньше месяца комоловых оленей льда бывает мало. В этом году очень много льда было в начале лета, рано вернулся и новый лед. А до месяца комоловых оленей осталось еще много времени.

Семен слышал уже, что «месяц комоловых оленей» приходится на вторую половину сентября. Подумав, Семен задал другой вопрос:

— Когда мы плыли сюда, нам помогало течение, — течение шло с лета на сивер⁴³. Зимой это течение прекращается и лед стоит на месте? Так ли это?

Ламдо тоже задумался; чтобы ответить, ему пришлось подытоживать свои прошлые наблюдения. Наконец он сказал:

— Один человек забыл свои нарты на льду, нарты унесло прочь, пока их совсем не стало видно. Нет, лед двигается, как вода.

— А что там на сивере? — спросил Семен.

— Ламдо там не был, — последовал ответ.

Они поехали в стойбище, и Семен вспомнил про одну старую рукопись: находилась она в Соловецкой обители, и читал он ее вместе с настоятелем. В рукописи рассказывалось про «человечев незнаемых», которые проживают на севере Сибири. О чем только в рукописи не говорилось: и питаются люди там человеческим мясом, и замерзают они на всю зиму, чтобы к лету оттаивать, и рты у них расположены на груди. «Как все это не похоже на то, что есть на самом деле», — думал молодой помор.

2

У Ламдо имелось более тысячи оленей; паслись они в тундре. По мере передвижения стада перебирался и Ламдо со своим чумом. Все работы внутри чума лежали на двух женах Ламдо, его матери и старшей дочери. Сам Ламдо с сыном пас оленей. Кроме того, он охотился и разъезжал по тундре. Знание русского языка делало его для всех очень нужным. Теперь же, когда один из русских жил в его стойбище, значение Ламдо еще больше возросло.

Семен не оставался праздным. Он быстро усвоил привычки своих новых друзей и научился обхождению с оленями: умел накидывать на них аркан и управлять во время езды на нартах. Семену здесь пригодилось и то, чему его научил отец. Он выковал Ламдо нож, хорошо закалив его. Теперь к нему за этим же делом начали обращаться из разных концов полуострова. Люди привозили не только куски железа, но и уголья, на которых Семен должен был раскалять железо, — дров в тундре было мало. Вместе с тем росла популярность и Ламдо. Про него теперь говорили: «Это тот Ламдо, у которого живет русский, умеющий ковать железо».

Очень скоро Семен научился есть сырое мясо только что зарезанного оленя, запивая теплой кровью. «Люди тундры делают так, — пояснил Ламдо, — поэтому и не боятся цинги. Цинги боятся только русские, потому что русские не умеют жить в тундре».

За работу Семену привозили подарки, и постепенно у него стало накапливаться имущество. Это были выделанные шкурки песцов, оленьи кожи и даже меховая одежда. Семен оделся как житель тундры, и теперь его не сразу можно было отличить от других: разница только была в росте.

Семен много разъезжал по тундре. Не раз он присутствовал при жертвоприношениях, когда мазали теплой кровью деревянные изображения. Такие же идолы, только поменьше, стояли и в чумах. Семен про себя смеялся, когда кто-либо из его друзей, сердясь на то, что «дух не помогает», оставлял его изображение голодным — не мазал кровью. А то и вовсе выбрасывал на мороз, делая из дерева или мамонтовой кости новое изображение. Семен вспоминал, как Терентий Поташов, когда ему не везло, поворачивал иконы с изображением Зосимы и Савватия лицом к стене. Семен вспоминал моши Зосимы и Савватия, оказавшиеся склонившими костями, а также все споры раскольников, как правильнее креститься — «двумя» или «тремя перстами». И после всего этого он не стремился, как раньше, поскорее к духовнику, чтобы покаяться в греховых мыслях, да и духовника поблизости не было.

Поздней осенью Ламдо, как и все остальные, двинулся на юг. Оленей гнали средней

---

⁴³ Лето — юг; сивер —искаженное «север».

частью полуострова. Сперва в поймах речек начал попадаться мелкий кустарник, затем появились небольшие перелески. Вскоре Ламдо пригнал оленей туда, где начался лес; здесь жители Ямальской тундры проводили зиму. А в середине зимы Ламдо отправился с Семеном в русское селение Обдорск, стоявшее на берегу Оби.

3

Свой чум Ламдо поставил в нескольких верстах от селения. Здесь уже были раскинуты другие чумы. Немедленно пришли русские перекупщики, которые были в меховых малицах, отделанных дорогой материей. Они ничего не покупали, желая сперва выведать, что имеется у Ламдо. Они угостили его водкой. Зная, чем это может кончиться, Ламдо пил мало.

Перекупщики обратили внимание на Семена. Молодого помора не расспрашивали, тем не менее понимали, что он явился откуда-то извне – такого человека в Обдорске раньше никто не видел.

Когда перекупщики ушли, Ламдо повел Семена в селение. На улице, несмотря на поздний час, было людно, – подходили к концу святки. Мужчины и женщины в праздничных одеждах предавались веселью. Сновало много ряженых, да и жители тундры в своих меховых одеждах казались такими же. Посреди широкой улицы была сложена изо льда гора, с которой, громко крича и взвизгивая, скатывались люди; гора эта была украшена цветными фонариками. Если прибавить еще полярное сияние, развернувшееся по небу, – все это невольно захватило Семена.

Поздно ночью, вернувшись в чум, он сказал Ламдо, что им предстоит расстаться. Семен уже раньше рассказывал, что у него есть невеста. Ламдо, правда, надеялся женить Семена на одной из своих дочерей; он даже говорил Семену, что не возьмет с русского никакого выкупа.

Теперь Ламдо понял, что решение Семена бесповоротно, и опечалился. Он счел обязанностью с ним рассчитаться: как и все жители тундры, Ламдо был честен. Кроме того, он попросил оставить ему карбас, – за него он даст много шкурок.

У Семена уже было столько шкурок, что, продав их, он выручит денег на дорогу. Он сказал, что дарит карбас Ламдо. Тот сперва не понял и все прибавлял количество шкурок. Но Семен настоял на своем. Он только спросил, не нужно ли Ламдо какой-либо грамотки, из которой остальные узнали бы, что карбас оставлен именно Ламдо. Оказалось, что ничего такого не нужно: если Ламдо скажет, что русский отдал карбас ему, то все будут знать, что так и есть. Семен вспомнил, что, покидая тундру, Ламдо оставил часть своего имущества на открытом месте; когда он вернется, вещи будут в полной сохранности.

Следующим утром Ламдо поехал на ярмарку. Было это на окраине селения, в конце широкой улицы; тут же выстроились амбары перекупщиков.

Вернулся Ламдо несколько подвыпившим. Он отоспался и рассказал Семену, что к нему приходили из воеводской избы и спрашивали, что это за русский с ним приехал. Ламдо про обмен в тундре ничего не рассказал, опасаясь, что за это на Семена рассердятся. Он объяснил, что судно русского потерпело крушение, и Семен нашел у него приют.

Семен не придал значения сообщению Ламдо: он сам хотел пойти в воеводскую избу просить помочь ему добраться до Белого моря. Но для этого нужно было сперва продать шкурки.

С утра следующего дня он, в сопровождении Ламдо, выехал на ярмарку. К большому удивлению, у него никто не покупал. Если кто подходил, то только убедиться в том, кто он такой. Узнав, что русский человек приехал из тундры и продаёт шкурки, люди качали головами и отходили прочь.

Семен не понимал, что происходит, Ламдо же все больше и больше тревожился. Он упрашивал Семена уехать, пока не случилось чего-либо плохого. Но Семену были необходимы деньги для обратной дороги, и он оставался на ярмарке до темноты. А затем,

попросив Ламдо увезти его шкурки и ждать в чуме, направился в селение.

Святочное веселье было в полном разгаре. Плясали не только на улице, но и в домах, где горели яркие огни.

Ряженые не раз подбегали к Семену, желая увлечь его с собой. А один, изображавший черта, долго скакал перед ним, держа в руках свой длинный хвост.

Оказавшись в толпе, Семен с особой силой почувствовал, как его влечет к людям. «Ничего, – рассуждал он, – не все еще потеряно – вернусь на Белое море, схожу на промысел и получу свое. А если „Николай Чудотворец“ доберется до Волостки, потребую свою долю. И женюсь на Дарье – нельзя же заставлять девушку так долго ждать».

Все эти мысли словно согрели его и жизнь стала казаться ему уже не такой плохой. Вспомнил он и Петра. И, может быть, только сейчас Семен остро почувствовал, что сделал ошибку, убежав от него.

Но больше всего ему хотелось как можно скорее вернуться в Волостку. И словно в ответ на его мысли, в небе, как и вчера, начали вспыхивать разноцветные огни. Житель севера, Семен был хорошо знаком с полярными сияниями. Но сейчас пазори произвели на него особенно сильное впечатление. «Какая благодать!» – подумал Семен и с чувством вздохнул.

И как раз в это мгновение его окружили стражники. Не произнося ни слова, стражники схватили Семена за руки и повели прочь, – сопротивляться было невозможно. Ряженые, не догадываясь, что происходит, с криком и пляской вертелись вокруг них.

Семена привели во двор, обнесенный высоким тыном. Здесь его толкнули в небольшой сарай, похожий на погреб, и заперли за ним дверку на замок.

Семен не понимал, за что с ним так поступили. Но он был уверен, что утром все разъяснится: его расспросят, поймут, что ничего плохого он не сделал, и, отпустив, помогут добраться до Белого моря.

На Семене была меховая одежда, и замерзнуть он не мог. Свернувшись в углу, Семен заснул, причем его последней мыслью было, как тревожился, должно быть, Ламдо, понявший, что русский друг не смог вернуться.

Утром на его зов никто не явился. Семен начал подозревать, что, может быть, узнали про обмен в тундре. Но если бы так случилось, Ламдо ему об этом сказал бы. Тогда почему же его схватили? Семен решил дождаться, когда поведут на допрос.

В воеводскую избу его не повели и даже не принесли поесть. Казалось, что о человеке, брошенном в подвал, забыли. Только на следующий день дверь приоткрылась и просунулась голова стражника. Стражник шепнул, что к заключенному просится какой-то самоед. Он привел к нему Ламдо, не сказав Семену, сколько за это взял.

Перепуганный Ламдо сообщил, что вчера его допрашивали в воеводской избе, добиваясь, откуда в тундру приехал русский человек. Ламдо подтвердил Семену, что про обмен никто не знает. Ему велели собрать шкурки Семена и принести в воеводскую избу. Ламдо сделал это, думая, что шкурки передадут Семену. Ламдо только не сказал, что приложил и свои шкурки, надеясь таким путем подарить их русскому другу. Он думал, что, когда увидит Семена, шкурки будут ему уже переданы. Ламдо страшно удивился, узнав, что это не так.

Семен ему сказал:

– Ламдо должен сделать, как я скажу. Собери скорее свой чум и уезжай отсюда как можно дальше. Не послушаешься, с тобой поступят так же, как со мной. В тундре они тебя не найдут. А про меня расскажи людям тундры, что с воеводой я как-нибудь договорюсь. Помочь мне они уже не смогут.

Ламдо запротестовал: люди тундры любят Семена, их очень много, они все придут в Обдорск и заставят воеводу выпустить Семена.

– Нет, – ответил Семен, – я никому здесь ничего плохого не сделал – это поймут и отпустят меня. Мне помогут добраться до Белого моря. Если люди из тундры станут помогать мне, только рассердят воеводу. Уезжай, Ламдо, отсюда поскорее. Поблагодари от

меня всех людей в тундре.

Прощаясь, Ламдо заплакал, – он очень любил своего русского друга. Но он его послушался, и хорошо сделал. Ламдо всем рассказал про то, что случилось с Семеном. И долго еще в тундре рассказывали о русском, который умел все делать, был честным и всем помогал, а воевода посадил за это русского в подвал.

Через несколько дней Семена вывели во двор. Здесь уже собрали несколько десятков человек. Многие были клеймеными, а на некоторых звенели цепи. Выведя под охраной на улицу, всех рассадили на нарты. Узнать от стражников, куда их повезут, не удалось очевидно, стражники сами не знали этого.

Караван двинулся в путь. Ночевали в зимушках, где было грязно и дымно. Следя ночью за звездами, Семен видел, что их везут в ту сторону, откуда дует шелонник⁴⁴, но куда именно, понять, конечно, не мог.

Вскоре дорога пошла густыми лесами. В большом селении оленей заменили лошадьми, а нарты – розвальнями. Здесь к ним присоединили еще несколько партий клейменых и закованных людей. И эти люди тоже не знали, куда их везут. Несколько позже откуда-то пошел слух, что гонят «строить город». Что это за город и где находится, никто не знал. Семен сперва думал о побеге, но, понимая, что приближается к Белому морю, решил с этим делом повременить.

Часто по ночам слышался вой волков. Однажды к ночи стая волков гналась за ними, и голодных зверей отогнали лишь горящими ветками.

Санный путь продолжался весь остаток зимы. Наконец начало пригревать солнце, а с юга потянули перелетные птицы. В разгар весенней распутицы, когда пришлось оставить телеги, добрались до большого города, в котором было много церквей. Многие тяготы пути не выдержали. Живые, несмотря на то, что трудно было копать еще не оттаявшую землю, каждого умершего зарывали как можно глубже, чтобы уберечь от диких зверей. Над могилами ставили кресты.

Всем оставшимся в живых дали отдохнуть, подкормили и погнали дальше. И опять заговорили, что людей гонят «строить город».

Наконец выбрались на гряду холмов, откуда увидели широкий водный простор. Кто-то узнал, что озеро называется Онежским. В памяти Семена сразу возникли все события, произошедшие во время похода Петра через сузёмок, – тогда войско вышло на северный берег озера, теперь же Семен попал на южный. Молодой помор подумал, не пора ли ему бежать.

Не успел Семен прийти к какому-либо решению, как всех рассадили по баркасам. Людям сказали, что гонят их «строить новый город на Неве». Вскоре доплыли до истока большой реки, которую называли Свири. По Свири спускались трое суток и снова выплыли в большое озеро, противоположного берега которого не было видно. Это озеро называлось Ладожским. Семен вспомнил, что видел его на карте Корчмина. О побеге он уже не думал: «новый город» возбуждал его любопытство.

Плавание по Ладожскому озеру было тяжелым: налетела буря, и часть баркасов перевернуло, – большинству людей удалось выплыть, закованные же сразу пошли на дно.

Наконец приплыли к Неве. Река эта тоже была обозначена на карте Корчмина. У ее истока стояла на небольшом острове поврежденная бомбардировкой крепость. Людей сопровождали петровские солдаты. Один из них рассказал, как осенью позапрошлого года крепость эту, именовавшуюся свяями Нотебург, брали штурмом. «Зело крепок был сей орешек», – повторял солдат слова, сказанные после взятия Нотебурга Петром.

Баркасы поплыли вниз по течению. Река расширялась. В устье речки Охты стояли развалины Ниеншанца. Солдат рассказал, что эту крепость брать было уже не так трудно.

Вскоре берега еще больше разошлись, стали ниже, заболоченная местность подходила

---

⁴⁴ Шелонник – юго-западный ветер.

к самой воде. Кое-где стояли убогие деревянные домики. Моросил дождик. «Гнилое место», – подумал Семен.

Баркасы пристали к искусственно насыпанному берегу. Слева, над валами возводимой земляной крепости, поднимался высокий шпиль. В глубине были видны низкие дома. Все это и называлось тогда Санкт-Петербургом – городом, заложенным меньше года назад по велению Петра.

4

Людей повели в глубь Градского острова. Солнце садилось в багровой дымке. Шпиль деревянной церкви вонзался остроконечным силуэтом прямо в низкие облака. Люди не понимали – креститься им или нет на это сооружение. Впоследствии Семен узнал, что собор построен в «голландском вкусе», который так нравился царю.

Людей провели немного по деревянному настилу, затем по узким мосточкам, наконец по вязкой тропе среди мохового перелеска, – это были первые улицы нового города.

Вскоре добрались до землянок, которые, словно грибы, пытались вылезти из земли. Все кругом в наступивших сумерках казалось особенно мрачным и сырьим.

Семен попал в артель к тем, кто еще раньше был пригнан с севера. Его предупредили далеко от дома не отходить, во всяком случае в одиночку не забираться за тын, который на протяжении нескольких верст тянулся по проложенной поперек острова просеке. Дальше начиналась «чужая земля», где могли встретиться неприятельские лазутчики, добывавшие языка. Кроме того, зимой там бегали волки; Семену рассказали про попа, которого изголодавшаяся стая волков растерзала на самой просеке вместе с лошадью.

На следующее утро вновь пригнанных первый раз повели на работу. Они прошли под конвоем солдат вдоль берега, укрепленного сваями; отсюда по мосту – на небольшой остров, называвшийся в старину Заячьим, где под шпилем собора насыпались валы крепости. Остров был разделен на две части каналом, вдоль которого стояли небольшие каменные дома.

Прибывшим людям показали тачку: ее смастерил себе сам царь, чтобы возить в крепость землю. Объяснили, что остров низменный и во время наводнения его затопляет. Семен узнал еще, что когда-то этот остров был подарен свейским королем одному из своих придворных. Тот обрадовался, выстроил на острове обширный дом и назвал остров Веселым. Первое же наводнение снесло дом, и придворный назвал остров Чертовым. Теперь здесь по приказу Петра стали возводить крепость, которая должна была оберегать новый город.

На постройку крепости со всего государства гоняли мужиков. Одни возили землю в тачках, другие носили на спине в рогожных кулях. От царя Семен и остальные мужики отличались только тем, что царю пришлось самому себе мастерить тачку, а для них тачки уже были приготовлены.

Работа начиналась с четырех утра. Первый перерыв приходился на восемь – получасовой отдых, во время которого нельзя было отлучаться. Многие и не могли бы этого сделать, так как за попытку к побегу были прикованы к тачке. Затем работа до одиннадцати. Снова короткий отдых и работа до четырех. Еще один отдых – и работа дотемна. За все это выплачивали полтину в месяц. На эти деньги нужно было кормиться, платить за проживание и обеспечивать себя хоть какой-нибудь одеждой. Про обувь и не думали – работали босиком. Пища стоила страшно дорого, была недоброкачественной, временами и ее невозможно было достать. Изголодавшиеся и истощенные люди все время болели.

Если человек не выдерживал и валился с ног, его на рогоже оттаскивали в сторону. В

руки ему вставляли зажженную свечу. Каждый проходивший должен был положить хотя бы самую маленькую монету. Так собирали на похороны. Когда скапливалось достаточно денег, являлся поп, насконо отпевал покойника и забирал себе большую часть денег, – остальное шло на гроб и выкапывание могилы.

Из дня в день Семен возил в крепость землю. Это была каторжная работа. Еще раньше изнурительная дорога и голод подорвали его силы. Напрягаясь из последнего, он говорил себе, что должен во что бы то ни стало держаться: если свалишься, все будет кончено: умерших, видел он, сменяли вновь пригнанные. Многих из тех, кто прибыл с ним, не было уже в живых. Толкая тачку по узкой доске, Семен всматривался в лесную чащу, покрывавшую дальний берег и острова; ему снова приходила мысль о побеге. Но сделать это не представлялось возможным: по окрестностям рыскали свои и неприятельские солдаты. Свои пригнали бы назад, после чего работать пришлось бы уже прикованным к тачке, а неприятельские, выпытав, что было им нужно, бросили бы мертвое тело в реку.

Отупелый, валился ночью Семен на нары; беспокойный сон не приносил отдыха. Семену начало казаться, что живым он отсюда не выберется. Все же он продолжал возить землю. Но вот случилось так, что тачка вдруг выскоцила из рук. С трудом нагнувшись, Семен попытался поднять ее. От чрезмерного усилия у него закружилась голова. Кругом были глубокие лужи, Семен упал на спину и потому только не захлебнулся в грязной воде.

Каждый час отбивали время. И сейчас, находясь в полузаинтии, Семен еще нашел силы повторять про себя громкие удары. Было одиннадцать часов, – до отдыха он не дотянул нескольких минут.

Так как работа на время прекратилась, с дороги его никто не оттащил. Но вскоре Семен почувствовал, что его подняли и понесли, а затем положили на мокрые доски и еще раз подняли и снова понесли.

Очнулся Семен в небольшом помещении, на нарах. Свет проникал через узкое окошко, за которым виднелись сосны. Пристально взглянувшись в стоящего перед ним человека, Семен воскликнул:

– Сержант Щепотьев!..

В ответ он услышал: «Не сержант, а капитан». Это проговорил второй человек, сидевший на табурете несколько поодаль.

Оглянувшись на говорившего, Семен еще больше поразился.

– Капитан Корчмин!..

– Не капитан, а майор, – произнес тот, кого Семен назвал Щепотьевым. Видя недоуменное лицо Семена, оба рассмеялись. А затем Щепотьев оборванный и грязного Семена крепко прижал к своей груди.

– Полегче, капитан! – закричал Корчмин. – А то он стал совсем щуплым – переломаешь ему ребра!..

На этот раз поправлялся Семен удивительно быстро. Щепотьев все время находился в разъездах; молодого помора приютил у себя Корчмин. На стрелке Васильевского острова стояла его батарея. Дом Корчмина на левом берегу Невы еще не начинали строить, и майор жил в небольшой избушке, прятавшейся среди сосен позади батареи.

Семену объяснили, что и у самого государя не было приличествующего его званию дворца. Останавливался Петр на правом берегу реки, неподалеку от крепости, в маленьком домике, выстроенным чуть ли не за один день. Только через шесть лет на месте, где было раньше охотничье поместье некого свейского ротмистра Канау, а затем устроили Летний сад, Петру был поставлен первый в новом городе дворец.

Едва Семен поднялся на ноги, его свезли на небольшой лодке – верейке – в баню, постригли и побрили. От меховой малицы остались лохмотья. Корчмин подарил Семену один из своих костюмов.

Это был камзол и кафтан из добротного синего сукна, такие же штаны и сапоги с высокими ботфорками. На голову он ему дал круглый фетровый картуз черного цвета с большим козырьком. Такие картузы любил носить сам Петр, и все ему подражали. Корчмин

удивился не столько тому, что платье пришлось впору, а тому, что Семен сразу же почувствовал себя в нем непринужденно.

Однако вести себя как полагалось при царском дворе Семен, конечно, еще не умел. И вот, по мере того, как Семен поправлялся, Корчмин принял его «воспитывать». А когда у Семена чего-либо сразу не получалось, наставительно приговаривал: «Это вам, сударь, не на Белом море!»

Очень скоро, к вящему удовольствию воспитателя, чрезвычайно щепетильного в подобных вопросах, Семен не только овладел всем необходимым, но проделывал все с «достаточной грацией и изяществом». Корчмин и не догадывался, с каким упорством Семен этого добивался. Уходя в лес подальше от батареи, он часами расхаживал, как учил Корчмин, и раскланивался во все стороны, ведя вежливые разговоры с соснами, приговаривая: «Это вам, сударыня, не на Белом море!»

Вернувшийся Щепотьев сделал вид, что вовсе не узнает молодого помора. По этому поводу Корчмин заметил:

— Везет тебе, Семен: сперва я тебя не узнал, а теперь вот — Щепотьев.

Этим он напомнил то, о чем раньше рассказали Семену: когда оба проходили мимо лежавшего у тачки человека, Корчмин действительно Семена не узнал. И если бы не Щепотьев, гнить бы теперь Семену в сырой земле.

Вскоре со стороны Ладожского озера пришло судно, известившее о своем прибытии оглушительными пушечными выстрелами; с верков крепости и батареи Корчмина ответили не меньшей пальбой. Все понимали: прибыл царь.

— Собирайся, — сказал Корчмин, — поедем к государю, надобно тебя к делу приставить.

Корчмин и Щепотьев помнили, что Петр хотел наградить молодого помора, но тогда Семена не нашли. Теперь, считали они, Семен свое получит.

Иначе к этому отнесся сам Семен: он знал, что придется объяснить Петру, почему он от него сбежал, а может быть, отвечать и на другие вопросы. Но без колебаний он шагнул в лодку вслед за Корчмином, — в новом городе предпочитали не ходить по улицам, а ездить на баркасах или верейках.

Царь находился в крепости, где в соборе происходило молебствие. Оставив Семена на берегу, Корчмин велел ему подождать. Вскоре он вернулся, сказав, что Семен должен прийти в домик царя, где Петр будет его ждать через час.

5

Домик стоял в полуверсте от крепости, у самого берега. Здесь была насыпана земляная пристань, укрепленная сваями. Корчмин рассказал Семену, что к этому месту в прошлом году пристало первое иноземное торговое судно. Петр наградил голландского шкипера громадной суммой денег — пятьюстами ефимками. И сейчас здесь стояло несколько кораблей.

Домик был сложен из сосновых, гладко отесанных бревен. Выкрасив стены масляной краской, провели по ним горизонтальные и вертикальные линии, отчего издали стало казаться, что все сооружение сложено из камня. Крышу покрыли гонтовой дранкой, походившей на черепицу. На коньке укрепили выточенную из дерева мортиру с двумя «огнедышащими бомбами» по бокам.

Вход был со стороны леса, где расхаживали на страже преображенцы. Семен назвал себя — его сразу пропустили. В небольших сенцах встретил Фельтон, который и привел к Петру.

При входе Семену пришлось нагнуться, чтобы не разбить лоб о низкую притолоку. Петр ждал в левой комнате, служившей столовой. Стены здесь были обтянуты холстиной, в середине стоял небольшой стол и несколько табуретов. На полке укреплена искусно сделанная модель галеры.

На Петре, поверх расстегнутой рубашки и голландских шаровар, распахнутый халат из дорогой итальянской материи с цветным узором. На ногах у него – белые нитяные чулки и башмаки с пряжками. Длинные волосы зачесаны назад.

Петр сидел в привычной позе, закинув ногу на ногу у него была короткая трубка. Занимал он в комнате много места. Мелкая расстекловка окна, находящегося сзади, пропускала достаточно света, чтобы можно было хорошо разглядеть лицо пришедшего.

Очнувшись перед Петром, Семен быстро снял картуз, сделал поклон и замер, ожидая, пока царь к нему обратится. Корчмин учил, что первому заговаривать не полагается.

– Преотлично вымуштровал тебя Василий, – сказал Петр, – пожалуй, теперь и в придворные годиться будешь.

– Государь!.. – воскликнул Семен, задетый за живое, забыв, что возмущаться словами царя тоже не полагается.

– Вот ты и сбылся, брат, – рассмеялся Петр, – разве так с царствующей особой разговаривают?..

И он рассмеялся еще громче, пыхнув дымом из трубы.

– Виноват, государь! – воскликнул Семен.

Он действительно смущился, так как сразу же подвел своего учителя.

Петр начал расспрашивать: его интересовало, где все это время находился и чем занимался Семен. Без утайки молодой помор рассказал, как переплыл с промышленниками Нарземское море, обменял товары на мягкую рухлянь, прожил часть зимы на Ямале, как попал в Обдорск, откуда его пригнали «строить город».

О том, как спасли Семена его друзья, Петр уже знал.

– Значит, – спросил Петр, – промышленники тебя обманули?

– Выходит так, государь.

– А самоеды поступили с тобой самым наилучшим образом?

– Это хорошие люди, государь.

– Судно вернулось на Белое море?

– Мне неизвестно, государь.

– А воевода тебя обокрал?

– Выходит что так, государь.

– И не попадись тебе Щепотьев с Корчмином, мы бы с тобой не встретились?

– Не встретились, государь.

Помолчав, Петр захотел узнать, что же произошло с Семеном в сузёмке, когда молодой помор после лесного пожара неожиданно пропал.

Семен рассказал, как его утащил Патвард, что ему Патвард предлагал и как ему удалось при помощи Фаддеича спастись.

Петр удивленно смотрел на Семена: хорошо зная молодого помора, он ни на мгновение не усомнился в правдивости его слов.

Больше всего Петра заинтересовал человек в широкополой шляпе, сидевший у зимушки: ведь именно этот человек и кинулся на него с рогатиной.

Отведя трубку в сторону, он посмотрел на Семена и спросил:

– Ведомо тебе, кто был этот человек?

Семен взгляд выдержал и твердо ответил:

– Ведомо, государь...

Достаточно было Семену сказать, что он этого человека не знает, и все дальнейшее осталось бы скрытым. Но Семен мог отвечать только правду, особенно если его спрашивал Петр.

Мускулы на лице Петра напряглись. Не подозревая еще того, что последует дальше, Петр спросил:

– Кто был сей человек?

Семен сказал:

– Василий Босый.

У Петра была хорошая память.

– Тот, что на вечное заточение остался под Корожной башней? – спросил он.

– Тот самый, государь.

Наступило молчание. Семен ждал. По лицу Петра забегала судорога.

Ударив свободной рукой по столу, Петр воскликнул:

– Вышло так, что келарь не зря предупреждал: архимандрит хотел меня убить!..

– Что ты, что ты, государь! – поспешил возразил Семен, позабывая про всякий этикет. –

Архимандриту сделать такое? Архимандрит тебе верен, государь!..

Тогда Петр спросил:

– Кто же выпустил Василия Босого?

Семен молчал: ответить на вопрос – выдать себя с головой.

– Кто же выпустил Василия Босого? – не замечая замешательства Семена, переспросил Петр.

– Государь, – с трудом выговорил Семен, – прикажи кликнуть солдат.

Петр удивленно на него покосился.

– А для чего тебе понадобились солдаты?

– Заковать Семена Поташова в железа.

Петр заерзal на табурете; молодой помор его удивлял.

– Почему это вдруг понадобилось заковывать Семена Поташова в железа? – спросил он.

И молодой помор решительно заявил:

– Потому что освободил Василия Босого Семен Поташов.

Петр приподнялся, переспросил:

– Освободил Василия Босого Семен Поташов?

Семен протянул руки, словно прося скорее заковать их.

Глаза Петра округлились, а по лицу его снова забегала судорога.

Опустившись на табурет, Петр попытался раскурить трубку. Но, когда из этого ничего не получилось, отбросил трубку на стол.

А затем, вскочив, крикнул:

– Для чего ты это сделал?..

Семен молчал.

– Говори же: для чего ты это сделал?

Подняв глаза, Семен тихо ответил:

– Василия Босого обманули плохие люди, а он даже под пыткой их не выдал... Я сам смотрел, как его подвешивали, мне стало Василия Босого жалко...

Петр сделал шаг в одну сторону, затем в другую – маленькая комната не давала возможности разойтись, – наконец резко повернулся к Семену.

Сдерживаясь, что давалось ему с трудом, Петр спросил:

– Но ты же убил его?.. Сам его убил!.. Так ведь?

Семен не мог говорить, он только кивнул головой.

– Так для чего же ты выпустил его?

– Я тогда, государь, поступить иначе не мог.

Петр опустился на табурет, посидел, барабаня пальцами, и вдруг снова выкрикнул:

– Знаешь, что за все это полагается?

Семену на это нечего было сказать. Тут Петра словно осенило, и он быстро проговорил:

– Не стал бы я спрашивать, – ты бы мне все это рассказал?

Семен ответил убежденно: «Да, государь». А затем, подумав добавил: «Если бы представился случай».

– А не могло тебе прийти в голову, что обо всем этом нужно было молчать?

– Нет, государь.

– За все это, – продолжал Петр, – и не таким, как ты, рубят голову. Это тебе понятно?

Семен снова ничего не ответил. Петр вскочил и закричал, размахивая трубкой:

– Так почему же ты не падаешь мне в ноги, не молишь о пощаде?..

И, приблизив возбужденное лицо к побледневшему лицу Семена, для чего ему пришлось согнуться, Петр прошептал:

– Моли же меня о пощаде, – ведь ты спас мне жизнь, я у тебя в долгу...

– Мне не о чем молить тебя, государь: я поступил, как велела мне совесть.

Пораженный Петр сел. «Непостижимо, – подумал он, глядя на Семена, – человек этот или в безумстве наговаривает на себя или честен до безумия».

Он начал разжигать трубку, что удалось не сразу. Затянувшись несколько раз и делая вид, что будто ничего не произошло, Петр спросил:

– Расскажи, – как это ты устроил побег?

Семен все рассказал по порядку: и про посещение старой оружейной палаты, и про найденный план, и про подземные ходы, – словом, про все, что относилось к побегу. Петр слушал и удивленно покачивал головой.

А затем спросил:

– Кому, кроме нас с тобой, все это ведомо?

– Надо думать, государь, отцу келарю.

Петр нахмурился.

– Про келаря не вспоминай, келарь удавился еще до того как из-под Варде-горы вернулся архимандрит. Архимандриту ты, надеюсь, об этом не рассказывал?

Петр пытливо посмотрел на Семена. Тот ответил:

– Нет, государь.

– Не представилось случая? – передразнил Петр.

Семен промолчал. Петр заговорил о другом:

– Господин Патвард, сказал ты, собирался выведать у тебя тайну похода?

– Собирался, государь.

– Но ничего не выведал?

– «Тайна сия никому не должна быть ведома»... Твои же слова, государь.

– А если бы господин Патвард стал тебя пытать?

Лицо Семена вспыхнуло, – он быстро ответил:

– Государь, господин Патвард придумал страшнее всякой пытки!..

Петр ласково взглянул на Семена и сказал совсем просто:

– Знаешь, Семен, в первый раз встречаю такого человека... Скажу прямо – Александр Данилович тоже спас мне жизнь, но ты на Меньшикова не походишь, ты – совсем другой.

Опять наступила тишина. Петр, как вначале, закинул ногу на ногу. Семен продолжал перед ним стоять. Заговорил Петр:

– Что бы ты ни сотворил, все равно я у тебя остался в долгу. Проси у меня, что хочешь.

Понимаешь, все, что хочешь!..

– Государь...

Семен запнулся.

– Проси, проси!..

– Государь, мне ничего не нужно.

– Тебе ничего не нужно!.. Ничего не нужно?.. А вот Александр Данилович ужо

воспользовался бы случаем вытянуть из меня побольше... Я тебе говорю: проси, что хочешь, а тебе – ничего не нужно!.. Так ничего и не нужно?

– Ничего, государь.
– Чин адмирала?
– Государь!..
– Дворянское звание?
– Государь!..
– Мешок денег?
– Государь!..

– Да что ты заладил: «государь, государь...» Я и без тебя знаю, что я государь!..

Семен умолк, а Петр продолжал:

– Денег, чинов и званий ты не хочешь. Но делать тебе что-то надо, Семен.
– Я, государь, отлынивать от дела не собираюсь.
– Хочешь служить в армии? Только помни: у меня даже родовитые начинают с солдат.
Семен отрицательно покачал головой.

– Хочешь на флот? Я чуть не забыл – ты с Белого моря. Значит, на флот?

Семен снова отрицательно покачал головой.

– Может быть, собираешься оставаться при моей персоне?

В вопросе Петра прозвучала изdevка.

– Нет, государь, хотелось бы получиться строить корабли... Рыбаку это может пригодиться.

– Вот это изрядно! – воскликнул Петр. – Я и сам, Семен, обучался в Англии и Голландии у преотличнейших мастеров корабельного дела!.. Уважил меня, Семен. Завтра получишь назначение, да и жалование тебе положу. – Петр снова ласково взглянул на Семена. – Ну а теперь, – продолжал он, – возвращайся, пожалуй, к Василию, – беспокоится, верно, по тебе. Да и Щепотьев, должно быть, у него, вместе прибыли.

Семен понял, что пора уходить. Но у него имелся еще один вопрос.

– Государь! – обратился он.

– Что еще... Может, надумал, что попросить?

– Нет, государь, хочу только узнать: господин Патвард после того случая не объявлялся?

– Ты же сам скрутил его да набил ему глотку сеном.

– Там, государь, имелся человек, который должен был его освободить. Значит, господин Патвард где-либо обретается.

– Возможно! И это твоя вина: нужно было господина Патварда убить до смерти, он это заслужил.

– Это, государь, не так просто.

Петр нахмурился, сердито спросил:

– Что еще – «не так просто»?

– Убить человека до смерти, государь.

Петр едва не всыпал. Но, увидя, что Семен поклонился, собираясь уходить, крикнул:

– Поди сюда поближе!..

И, когда Семен подошел, тихо спросил:

– Так о побеге, кроме нас, никто не знает?

– Никто, государь.

– Ну, Семен, смотри: и сия тайна никому не должна быть ведома...

Он весело посмотрел Семену в глаза, и тот в тон ему ответил:

– И сия тайна, государь, никому не будет ведома.

– Особливо береги ее от архимандрита, – добавил Петр.

Поклонившись, Семен снова собрался уйти.

– Постой, – еще раз остановил Петр, – не сможешь ли мне сказать: кто ты такой?

– Помор я, государь, из Нюхотской Волости.

– На берегу Невы, где сейчас за батареей домик Корчмина, я когда-нибудь построю кунсткамеру, и в ней буду показывать разные курьезитеты. Так вот – первым курьезитетом будешь у меня ты, помор.

И, довольный своей шуткой, Петр рассмеялся.

Еще раз поклонившись, Семен повернулся и быстро вышел из комнаты, забыв, что до двери нужно пятиться. Но нагнуться, чтобы не удариться о низкую притолоку, не забыл – был выучен этому с детских лет.

Семен вышел на берег, где стояли у пристани корабли. Петр, повернувшись, смотрел ему вслед. Раскуривая трубку, Петр сам удивлялся: как это могло случиться, что он, всемогущий государь, нещадно каравший за малейшую оплошность, не приказал отрубить голову помору из Нюхотской Волостки?

В тот же день он написал соловецкому архимандриту о том, что в обитель будут вскоре присланы новые преступники, и указал, куда их поместить; в том же письме он объяснил архимандриту, каким путем бежал Василий Босый, но при этом ни словом не упомянул о Семене.

А Семен, отыскав Корчмина и Щепотьева, сообщил, что будет обучаться строить корабли. В подробности разговора с царем он их не посвятил. Только несколько дней спустя Семен все же спросил у Корчмина, что такое «кунсткамера» и «курьезитеты». И сам был не рад, когда Корчмин ему это объяснил.

6

Семену еще раз пришлось возить в тачке землю. Произошло это при следующих обстоятельствах. По городу зазвучали со всех сторон сигналы военной тревоги – это было в первой половине июля.

Семен находился на верфи, где строили «малые суда». Всех, кого можно было, посадили в баркасы и повезли на Градской остров. Еще раньше стало известно, что начались столкновения с отрядами свейского генерала – поручика Майделя, двинувшегося к Санкт-Петербург из-под Выборга.

Петра в городе не было. Месяца за два до этого он направился с войском освобождать старую новгородскую крепость Корелу, стоявшую на западном берегу Ладоги. Но ему пришлось вернуться, так как прискакал гонец от Апраксина с сообщением, что в устье Нарвы появился большой неприятельский флот и что туда же идет с восьмитысячным войском Шлиппенбах. Петр направился в Эстляндию. Весть о готовящемся нападении на Санкт-Петербург застала его под Дерптом. Начальником строящейся столицы в это время был Брюс, и Петр послал ему на подмогу Меньшикова.

Одновременно с Майделем на суше, около Котлина на море появилась неприятельская эскадра адмирала Де-Пру. Подойдя со стороны залива к городу, Майдель начал стрелять «свейским лозунгом», уведомляя этим Де-Пру, что он уже здесь и можно начинать совместные действия.

Затем Майдель выставил против Градского острова пушки и, уверенный в своем превосходстве, послал к Брюсу барабанщика с письмом, предлагая город сдать.

Брюс ответил отказом, присовокупив: «Не угодно ли господину генералу-поручику удалиться в свою землю, а нас таким писанием пощадить». Тогда Майдель с утра начал стрелять из пушек.

На северо-восточном берегу Градского острова ночью возвели артиллерийские позиции. Вместе с остальными жителями города Семен возил туда в тачке землю. Затем явился Корчмин с пушками и бомбардирами в красных мундирах.

Корчмин оставил Семена при себе. Семен увидел, как неприятельские позиции на северном берегу реки вдруг окутались дымом и оттуда донесся орудийный грохот. Затем раздались свистящие звуки, которые Семен уже раньше слышал, но при совсем других

обстоятельствах. Когда на море приближалась буря, впереди летела небольшая птица, похожая на чайку. Птица эта рассекала воздух с таким же свистящим звуком. Здесь же этот звук производили летящие ядра. Они описывали дугу и попадали на Градской остров. Падая, ядра или уходили в болотную почву, или, ударившись о сухую землю, отскакивали, продолжая прыгать в разные стороны.

Первый раз при приближении ядра Семен пригнулся – это вызвало у окружающих смешки. Семен сразу же выпрямился и увидел, что ни бомбардиры при орудиях, ни Корчмин, ни Брюс с Меньшиковым и сопровождавшими их офицерами ядрам не кланяются. Если ядро попадало в людскую гущу, убитых и раненых уносили, а оставшиеся в живых, как ни в чем не бывало, продолжали делать свое дело.

Сразу же начали отвечать батареи Корчмина. Пушки стреляли аккордом⁴⁵, и все кругом заволокло пороховым дымом. Семен увидел, как после каждого залпа бомбардиры подкатывают обратно орудия, пробанивают⁴⁶ стволы, снова орудия заряжают и ждут команду к следующему залпу. Когда стволы стали горячими, их начали обливать водой, за которой, под неприятельскими ядрами, бегали к реке.

Корчмин объяснил Семену, что наша стрельба наносит неприятелю больший урон: Майдель выбрал неудачную позицию – почва на том берегу была каменистой, отчего ядра выбивали множество осколков.

В это же время, по распоряжению Меньшикова, к развилку реки подвели находившиеся на Неве корабли, пушки с которых начали бить вдоль по неприятельским позициям. Среди этих кораблей Семен увидел малые фрегаты «Святой Дух» и «Курьер»; раньше ему рассказывали, что корабли эти участвовали при взятии Нотебурга и Ниеншанца.

Перестрелка продолжалась несколько часов, после чего огонь с неприятельской стороны прекратился. Разведчики сообщили, что неприятель снимается с позиций. В то же время Де-Пру делал неудачные попытки высадиться на Котлине.

Ничего обстрелом Градского острова не добившись, Майдель двинулся вверх по Неве к разрушенному Ниеншанцу. Несколько дней войско его, преследуемое русскими отрядами, маневрировало к северу от города, в то время как Де-Пру пытался овладеть Котлином. В конце концов оба они, Майдель и Де-Пру, «удалились в свою землю».

По окончании артиллерийского сражения Корчмин сказал Семену, что испытание огнем молодой помор выдержал. Сам же Семен со стыдом вспоминал, как начал кланяться ядрам. Корчмин его утешал, говоря, что так в первый раз со всеми бывает. Он звал Семена остаться с ним, пообещав сделать из молодого помора «отменного бомбардира». Но Семен сказал, что учится строить корабли.

Встречался Семен и с Меньшиковым. Царский любимец подробно расспрашивал молодого помора о его жизни. Будь Семен похитрее, понял бы, что Меньшиков это делает неспроста: Александр Данилович ревниво относился к своему положению. После того как Меньшиков увидел, что Семен не собирается перебегать ему дорогу, он стал относиться к нему благосклоннее.

Меньшиков сказал, что царь велел отправиться Семену вместе с ним на Свири, где на Олонецкой верфи строят большие суда, – Петр про молодого помора не забывал.

Уезжая со Свири, Меньшиков сказал, что имеет на Семена большие виды, но какие, – не разъяснил.

---

⁴⁵ Аккордом – все вместе.

⁴⁶ Прочищать ствол при помощи банника (щетки).

На Олонецкой верфи Семен проработал до конца лета. Уже в сентябре, отправляясь в Карелию, на железоделательные заводы, Меньшиков взял с собой Семена. Александру Даниловичу нужно было добиться от раскольников увеличения добычи руды, но сам встречаться с Андреем Денисовым он не хотел. Вот для этого дела и понадобился ему Семен.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ «ГАРЬ» НА РЕЧКЕ КУМБУКСЕ

1

К полудню Фаддеич, как обычно, пристал на своем плоту к берегу. Он понимал, что при Андрее Денисове Семен не мог ему открыться. Теперь Фаддеич ждал, когда Семен подаст знак, и не ошибся.

Из кустов донеслось: «Фаддеич!.. Крестный!..» Не поворачивая головы, Фаддеич ответил: «Стемнеет – приходи на это место».

Так быстро закончился их первый разговор. Продолжение произошло уже в потемках. Сперва они стояли обнявшись и долго не могли ничего сказать друг другу. Затем отошли подальше от берега и начали рассказывать о том, что с каждым из них за это время случилось. Семен изложил все первым, да и приключений у него было больше.

Фаддеич сообщил ему о смерти Терентия Поташова и о том, как «женился» Кирилл.

Семен сразу же спросил:

– А где теперь Дарья?

Фаддеич усмехнулся, помедлил и ответил:

– Дарья укрылась в обители.

– У Андрея Денисова? – воскликнул Семен.

– Мы с Дарьей состоим в раскольниках... – И добавил, снова усмехнувшись: – Потому-то вот и приходится добывать руду.

У Семена захватило дух; чуть не шепотом он спросил:

– Дарья постриглась в монахини?

– Уговаривают.

– А Дарья что?

– Да не желает... Воли, говорит, терять не хочу... Все надеется из обители выйти.

Семен облегченно вздохнул. Если бы Дарья постриглась в монахини, он не мог бы на ней жениться. И Семен спросил:

– Ты Дарью встречаешь?

– Женская часть обители огорожена стеной, – раз в месяц разрешают переговариваться через окошко.

– Дарья здорова?

– Была здорова.

– А теперь как?

– Известно как, – здорова... Только жалуется, что покоя не дает мать Соломония.

– А что хочет мать Соломония?

– Все постричься Дарью понуждает.

– Дарьо?

– А то кого же?

– А Дарья что?

– Известно что. Говорит: «Руки на себя наложу, а раскольницей не стану... Не нужна мне жизнь, коли за Семена замуж не пойду... Я, – говорит, – Семену предназначена...» А Соломония все напевает: «Не надейся по-пустому, – давно утонул твой Семен, больше не вернется...»

– А Дарья что?

– Известно что. Говорит: «Не верю этому, чтобы Семен утонул, вернется...»

Фаддеич рассказал, что Кирилл и Гришка Гореликов отправились с промышленниками к Груманту, за морским зверем. Вернулись поздней осенью с хорошей добычей. Только вернулись не все: троих снесло в море во время бури. А ближе к весне понаехали из Архангельска стражники и увезли Гришку, Кирилла и третьего, кто с ними вернулся. Вскоре в Волостке узнали, что те трое не утонули, а были побиты своими товарищами. Только одного побили не до смерти: выжил и все рассказал спасшим его промышленникам... За учиненное злодейство Кирилла, Гришку да третьего, что с ними был, заклеймили и в Сибирь угнали на каторгу.

Наконец Семен спросил, как это крестный очутился тогда у зимушки.

– Ты и про то ничего не знаешь?

– Откуда же мне знать?

И Фаддеич рассказал. Затем они начали обсуждать, что делать дальше. Дарья находилась в раскольничьей обители, там, где Семен только что был. Как ему освободить теперь Дарью? Фаддеич объяснил, что добровольно раскольники никого от себя не отпускают. Вернуться к Андрею Денисову и потребовать Дарью? Но Андрей Денисов знал же, что Дарья невеста Семена, и ни слова про нее не проронил. К тому же Семен понимал, что, выполняя поручение Меньшикова, не волен распоряжаться собой.

И, подумав, Семен сказал Фаддеичу:

– Вернусь к Меньшикову, все ему расскажу и отпрошусь съездить за Дарьей. Где мне тебя отыскать?

Договорились встретиться на этом же месте. Расставшись с крестным, Семен поскакал к Онежскому озеру.

Посещение доверенным лицом государя Выгорецкой обители имело еще одно последствие: по сузёмку пошел слух про «антихристовых слуг», которые собираются разорить обитель, а людей всех согнать на железоделательные заводы. И снова раскольники начали толковать про «огненное крещение».

2

Семен знал, что Меньшикову поручено большое дело – поставлять армии и флоту оружие. Меньшиков возглавлял заводы в Карелии. А так как часть руды шла от раскольников, портить из-за него отношения с Андреем Денисовым, считал Семен, Меньшиков не станет. Но все же рассказал Меньшикову про Дарью.

Александр Данилович задумался. Выгорецкую обитель, как и весь раскольничий сузёмок, он считал осинным гнездом.

Найдясь для этого предлог, он давно бы согнал раскольников на заводы. Но Андрей Денисов так повернул дело, что ему, Меньшикову, разорять обитель было сейчас невыгодно.

Все же Меньшиков не отказался помочь Семену: в этом он видел возможность сделать Андрея Денисова более сговорчивым. Если Андрей Денисов заупрямится, то, может быть, дело дойдет до того, что удастся прогнать его, сослав куда-либо в Сибирь, скажем, в Березов, – пусть занимается там раскольничими делами. А здесь мужики станут добывать руду или работать на заводах уже без его посредничества.

Меньшиков сказал, что Семен может отправиться за своей невестой. Если Денисов не отпустит Дарью, он, Меньшиков, ему подсобит. В помошь Семену Меньшиков отрядил с ним одного из своих солдат, Ахмета, родом башкира, который считался в отряде разведчиком.

Оба отправились на лошадях. Семен заехал сперва за Фаддеичем, это тоже разрешил ему Меньшиков. Но в обитель Фаддеич с Семеном не пошел, оставшись поджидать на другом берегу реки.

Покинув за несколько дней до этого Андрея Денисова, Семен снова к нему вернулся, а

из окошка в стене его опять спросили: «Пошто тревожиши мирную обитель?»

3

Узнав, что прибыл господин Поташов, да еще с солдатом, Андрей Денисов обеспокоился. Семена провели к нему, и киновиарх первым делом осведомился о здоровье Александра Даниловича. Молодой помор ответил, что Александр Данилович здоров, после чего Денисов спросил: «А как здоровье государя Петра Алексеевича?» Семен ответил, что, как ему известно, «государь ни на что не жалуется». «А как война?» – последовал вопрос.

Семен знал, что в обитель приходят из разных мест люди, и Денисов обо всем хорошо осведомлен. Но он рассказал о последних победах – взятии Дерпта, Нарвы и других городов. А когда вопросы прекратились, Семен сразу же изложил причину своего приезда, – хитрить он не умел.

Денисов облегченно вздохнул. Он предполагал, что Меньшиков, а может быть и сам царь, остался неудовлетворенным результатом первого посещения господина Поташова и прислал его снова.

Киновиарх ответил, что женская часть обители находится «под началом его сестры, матери Соломонии». Сейчас он позовет сестру, и она обо всем господину Поташову расскажет.

Киновиарх написал записку, которую послал с келейником. Он предложил молодому помору ознакомиться с собранными у него книгами. «Раньше господин Поташов, – проговорил Денисов, – подобными предметами даже весьма интересовался».

При других обстоятельствах Семен проявил бы к предложению Денисова большой интерес, но сейчас ему больше всего хотелось узнать, что написал киновиарх.

Через некоторое время вошла «мать Соломония». Высокая, распльывшаяся от полноты женщина, с выпученными глазами, она напомнила Семену Евпраксею, сестру покойного Терентия Поташова.

А в записке, которую написал Денисов, стояло: «Немедля скрой Дарью в скит на Кумбуксу, к старцу Пахомию, сама приходи в келью, говори, что будут подсказывать; явился жених Дарьи, требует отпустить».

Не давая сестре раскрыть рот, Денисов начал:

– Господин Поташов хочет, чтобы обитель отпустила в мир его невесту. Это та девица Дарья, помнишь, что попросилась в обитель прошлой осенью.

Мать Соломония закивала головой. Она попыталась что-то сказать, но Денисов продолжал:

– Но мне представляется, что означенной девицы в скиту уже нет?

Мать Соломония закивала еще утвердительнее.

– Ведь девица Дарья покинула обитель? – спросил Денисов сестру.

Та воскликнула:

– Разве господин Поташов этого не знает?

– Выходит, что не знает, – ответил Денисов, взглянув на Семена.

– Дарья покинула обитель? – спросил молодой помор. – Где же Дарья теперь?

Соломония затруднялась ответить, за нее поспешил это сделать Денисов.

– Господин Поташов, – сказал он, – интересуется девицей Дарьей, предполагая на ней жениться. Правильно ли я вас понимаю, господин Поташов?

Семен подтвердил, что Денисов понимает его правильно.

– Неужто господин Поташов собирается жениться на девице Дарье? – воскликнула Соломония.

Семен на нее удивленно посмотрел, не понимая, что плохого в его желании жениться на Дарье.

– Господин Поташов совсем не знает, какой теперь стала девица Дарья, – сказал

Денисов.

Семен сразу насторожился.

– После того как господин Поташов отправился в Соловецкую обитель, – продолжал Денисов, – прошло много времени. Если бы господин Поташов узнал, какой стала теперь девица Дарья, он, вероятно, переменил бы к ней свое отношение.

– Как это нужно понимать? – спросил с тревогой Семен.

Видя, что он уже смущил молодого помора, Денисов продолжал:

– Пусть господин Поташов выслушает нас: мы с матерью Соломонией желаем ему только добра. Может быть, девица Дарья и хотела выйти замуж за господина Поташова. Но господин Поташов отправился в монастырь. А разлука в таком деле плохой помощник. Господин Поташов знает, что Кирилл Поташов добивался жениться на девице Дарье. Знает он и то, что в Волостку явился сержант Щепотьев. Господин Поташов стал в это время келейником архимандрита, а девица Дарья соблазнилась посулами сержанта. Сержант отбыл из Волостки, а девица Дарья утешилась с Кириллом Поташовым. Только простой рыбак после царского любимца не пришелся девице по душе. Во время свадьбы она сбежала. Девица считала, что сержант поджидает ее. Но где его найти! Да он и думать о ней позабыл. Вот тогда с отчаяния девица и попросилась в нашу обитель. Мы сочли, что девица Дарья раскаялась и ищет в обители душевного покоя...

Видя, что молодой помор совсем смущился, Денисов продолжал:

– Отдохнув в обители, девица Дарья снова стала стремиться в греховный мир. И темной ночью, никому не сказавшись, она убежала. Не думайте, что обитель с этим смирилась. Девицу Дарью повсюду искали, хотели вернуть ее на праведный путь. Но она как в воду канула. Обитель даже не может указать господину Поташову, где ему теперь искать девицу Дарью.

Семен поднялся. Глядя раскольническому киновиарху в глаза, он спросил:

– Чем, господин Денисов, вы подтвердите, что все это именно так, как вы сказали?

В первое мгновение Андрей Денисов хотел оскорбиться. Но, поняв, что тогда Семен заподозрит обман, он положил левую руку на евангелие, а правой трижды перекрестился.

Семен смотрел на него широко раскрытыми глазами. «Значит, это правда», – с ужасом сказал он себе. Он не мог допустить, чтобы такой человек, как Андрей Денисов, обманывал.

После недолгого молчания Семен с трудом выговорил:

– Прошу дать мне возможность покинуть обитель...

Андрей Денисов и Соломония переглянулись: оба поняли, что добились своего. Денисов подошел к окну и распахнул его.

В келью проник многоголосый ропот – внизу собирались раскольники.

– Видите, господин Поташов, к чему привело ваше неразумное возвращение в обитель. Еще немного, и я не смог бы отвечать за вашу безопасность перед Александром Даниловичем. Но сейчас есть еще возможность вывести вас незамеченным.

Пройдя в угол, киновиарх легко отодвинул книжную полку, за которой скрывалась небольшая дверка. Вслед за ним Семен спустился по узкой лестнице. Оба прошли затем по выложеному сырьими бревнами подземному ходу и оказались за стенами обители, на берегу Выга. Здесь начался лес и ждал уже солдат Ахмет с лошадьми.

На прощанье Денисов сказал:

– Позвольте пожелать вам, господин Поташов, благополучного пути. Прошу наведываться в обитель, когда наступят более спокойные времена. Передайте Александру Даниловичу, что его просьба об удвоении доставки руды уже выполняется.

Андрей Денисов улыбался, словно между ними только что закончилась приятная беседа. Ничего не ответив, Семен схватился рукой за луку и вскочил в седло. На какое-то мгновение ему вдруг захотелось выдернуть пистолет и разрядить его в улыбающееся лицо киновиарха. Вместо этого он хлестнул лошадь и поскакал прочь. Остановил его голос Фаддеича. Переправившись с того берега, Фаддеич осведомился, чем кончилось посещение обители. Соскочив с лошади, Семен опустился у края дороги в траву и схватился за голову.

Он рассказал крестному все, что услышал от Андрея Денисова про Дарью.

– И ты, Семен, мог в Дарье усомниться? – спросил Фаддеич.

– Так Денисов перекрестился...

– Слушай, – сказал Фаддеич, – после того как ворота за тобой закрылись, прошло немного времени, и из калитки, что выходит на реку, насильно вывели Дарью, посадили ее в карбас и повезли вверх по реке...

– Ты правду говоришь? – воскликнул Семен.

– Креститься мне, что ли, как твой Денисов?..

Все для Семена сразу изменилось: теперь нужно было как можно скорее настичь карбас и освободить Дарью. Фаддеич и солдат Ахмет поняли это все без объяснений. И втроем они быстро направились вверх по реке.

4

Сkit, куда доставили Дарью, стоял на самом берегу. Речка Кумбукса в этом месте разливалась, образуя широкий плес. В скиту жил старец Пахомий с Коротконогим. Когда Патвард скрылся за рубеж, Коротконогий бросил зимушку, – одному ему было скучно. Денисов отправил его к старцу Пахомию, подальше от обители.

После неудачного покушения на петровские фрегаты старец Пахомий стал совсем невменяемым. Теперь он обвинял уже Андрея Денисова в пособничестве «антихристовым слугам» и всячески препятствовал добыче железной руды. Выдать старца властям Денисов не мог: раскольники Пахомия уважали.

Слух о новом появлении «антихристовых слуг» быстро побежал по сузёмку. Передавали, что у «господина Поташова выпущенные глаза, толстые, как у вурдалака, губы, а изо рта торчат страшные клыки»; еще говорили, что одна нога у него с лошадиным копытом, а под круглым картузом спрятаны рога. Солдат-башкир превратился в «косоглазого беса», от которого по всему сузёмку распространяется смрадный дух. Все, кто жаждал «огненного крещения», собирались в скит на Кумбуксу – в сузёмке вот-вот могла вспыхнуть «гарь».

Андрей Денисов, когда ему обо всем этом сообщили, снова встревожился. Он не мог понять, откуда господин Поташов узнал правду, и уже сожалел, что не отпустил с ним Дарью; корысть им руководила: после смерти «лучшего промышленника» Нюхотской Волостки и угона на каторгу Кирилла Дарья могла стать наследницей имущества Терентия Поташова, так как приходилась последнему сродни. Если бы Дарья постиглась в монахини, все нажитое Терентием Поташовым перешло бы Выгорецкой обители. Денисов не знал еще, что после того как был сослан Кирилл, наследством Терентия Поташова сразу же завладел Соловецкий монастырь.

Киновиарх опасался, что Семен поднимет на ноги весь сузёмок. Он был убежден, что все это подстроил ему Меньшиков. Но, когда сообщили, что Дарья благополучно доставлена в скит на Кумбуксе, а господин Поташов потерял ее след, Денисов успокоился.

5

Два дня проискав Семен с Фаддеичем и Ахметом увезенную Дарью. Пробираться берегом с лошадьми было трудно: в реку впадало много ручьев, и берег весь завалило упавшими деревьями.

К вечеру второго дня заметили плывущий по течению карбас, перевернутый вверх дном. Карбас вытащили на берег, и Фаддеич готов был голову прозакладывать, что именно в нем увезли Дарью. Почему карбас перевернулся и, главное, где теперь находятся те, кто в нем плыли, было непонятно.

Ахмет долго разглядывал карбас, смотрел вверх и вниз по реке и, наконец, сказал:

– Штука хитрая.

Он пояснил, что девушку нужно искать не выше по течению, откуда принесло карбас, а ниже. По его мнению, доставив девушку в один из скитов, раскольники поплыли затем вверх по реке, где и бросили карбас. Ахмет добавил, что именно так попытался бы он сам обмануть преследователей. И выводом было: девушку нужно искать на одном из притоков Выга, ниже, а не выше по течению.

Семен колебался. Но Фаддеич сразу согласился с Ахметом. Он знал, где расположены скиты и что ближайший из них находился на Кумбуксе, куда в свое время спровадили старца Пахомия.

Мнение Ахмета как будто подтверждалось тем, что рыболовный забор, отделявший Кумбуксу от Выга, был разобран и поставлен заново – ветки, связывавшие колы, оказались совсем свежими. Все это могло означать, что здесь недавно проходил карбас. Конечно, это мог быть и не тот, в котором увезли Дарью.

На Кумбуксе Семен двинулся по одному берегу, Ахмет с лошадьми – по другому, а Фаддеич поднимался в карбасе, отпихиваясь шестом. Речка эта была расчищена от завалов, – очевидно, по ней часто плавали.

Вскоре Ахмет разглядел на сырой земле большие следы, вызвавшие его удивление. Он показал их спутникам, – Семен и Фаддеич сразу вспомнили Коротконогого. Но как человек этот попал на Кумбуксу?

Речка делала много извилин. Только к вечеру преследователи выбрались на широкий плес. Лес отступил, открыв прибрежные пожни.

Сгущались сумерки.

На дальнем берегу темнела большая изба скита. Над избой к небу поднимался высокий столб дыма. Огонь, выбившийся из-под крыши, отражался в застывшей воде. Скит горел.

Сперва Семен, Фаддеич и Ахмет остановились, не зная, что делать дальше. Затем бросились к скиту, чтобы оказать людям, если это было еще не поздно, помочь. В это время стены избы начали обваливаться и рухнула крыша. Высоко взметнувшись к небу искры посыпались в холодную воду.

6

В скиту на Кумбуксе к вечеру заложили окна и двери, а также все отверстия, через которые можно было бы выбраться наружу. Открытой оставалась только выходная дверь, но и к ней приделали тяжелый засов с крепким замком, – дверь в любое мгновение можно было запереть. Внутри все свободное пространство завалили хворостом.

Раскольники собрались в большой горнице. Они стояли в белых саванах, держа в руках зажженные свечки. Каждый громко каялся. Старец Пахомий, глаза которого от возбуждения блестели, давал отпущение грехов. Люди старались друг на друга не смотреть, и в их застывших глазах отражалось пламя свечек.

Перед тем как запереть входную дверь, старец Пахомий в последний раз выбрался наружу. Солнце уже опускалось за лесом и начало темнеть. В это время Коротконогий внес в горницу Дарью.

На Коротконогом, как и на остальных, был белый саван, так не соответствовавший всему его облику. Он положил Дарью на пол, и девушка открыла глаза, оглядела собравшихся; сразу Дарья не поняла, что здесь происходит.

В это время возвратился старец; он считал, что «антихристовы слуги» уже недалеко от скита. «Приготовимся, братья и сестры, – визгливо вскрикнул он, – наступил желанный час!»

Люди вздрогнули, отчего в их руках заколебалось пламя свечек. Коротконогий запер наглухо входную дверь, ключ он выбросил через щель наружу. Выбраться из горницы теперь уже никто не мог. Но никто из собравшихся раскольников этого и не желал.

Затеплив свечку, Коротконогий отступил к стене. В это время старец упал посреди

горницы на колени. Он что-то пробормотал и сунул свечку в кучу хвороста. Остальные повторили жест старца. Посышался негромкий треск вспыхивающих сухих веток, потянуло дымом.

Изба, в которой все это происходило, отапливалась по-черному. Верхняя часть стен и потолок были покрыты густым слоем сажи. В потолке имелось небольшое отверстие для выхода дыма; сейчас этого отверстия было уже недостаточно, и дым под потолком начал сгущаться.

Коротконогий не спускал глаз с Пахомия. Считая себя большим грешником, он боялся, что окажется недостойным вечного спасения, поэтому Коротконогий ждал мгновения ухватиться за старца, вместе с которым он уже, наверное, вознесется на небо.

Так Коротконогий увидел, что тело старца вдруг начало уменьшаться. Испугавшись, что вознесение на небо может произойти без него, Коротконогий бросился вперед. Тут только он понял, что старец уползает в люк, ведший в подполье.

В это время дым, накопившийся под потолком, быстро опустился, окутав неподвижно стоявших раскольников. Теперь только по огням свечек можно было понять, что горница полна людей.

А у люка в подполье происходила борьба. Силы были неравными, но старец отбивался в смертельном отчаянии: скрыться он хотел совсем не для того, чтобы сохранить себе жизнь – старец считал, что не всех еще сумел собрать, кто «ожидает огненного крещения», – поэтому ему самому рано сжигаться.

Стараясь высвободиться из рук Коротконогого, старец рвал на лице его волосы, ногтями пытался выковырнуть ему глаза, кусал беззубым ртом.

Коротконогий легко вытащил старца из люка. Поднявшись на ноги, он кинул его туда, где в это время ярче всего разгоралось пламя, а сам, задыхаясь от дыма, захлопнул люк подполья и пополз к тому месту, где, отчаянно визжа, извивался в огне старец. Коротконогий и сейчас не хотел упустить возможности вознести с его помощью на небо.

Одна только Дарья при всем этом сохранила здравый рассудок. Когда вспыхнул хворост, она кинулась к запертой двери, – выйти из избы было невозможно. Вдруг она увидела раскрытое подполье. Долго не раздумывая, Дарья прыгнула туда. Сразу же захлопнулась крышка, и никто не заметил ее исчезновения.

Некоторое время оглушенная, Дарья пролежала на сырой земле. Над ее головой раздавались глухие удары – это падали задыхавшиеся в дыму люди. Затем через наружную дверь подполья Дарья выползла на берег.

Отбежав в сторону леса, Дарья обернулась. Изба, увидела она, горит словно поленница дров. Дарья побежала дальше, к тому месту, где река суживалась. И тут она увидела перед собой Семена Поташова. Девушка вскрикнула, ноги подкосились, и, если бы не сильные руки, подхватившие ее, Дарья упала бы на землю.

* * *

Ни одного живого человека под обгоревшими бревнами они не нашли. Дарью, которая не приходила в себя, бережно положили в карбас. С ней поплыл Семен и Фаддеич, а солдат-башкир берегом повел лошадей. Пробираясь среди деревьев, Ахмет возмущался:

– Самих себя сжигать?.. Воевать нужно, когда недоволен, но сжигать себя – не понимаю...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ «ВЕРНАЯ ЛЮБОВЬ»

1

Свейская армия считалась по тем временам в Европе самой лучшей, а свейские литейные заводы – наиболее совершенными. Самого же Карла XII превозносили как непобедимого полководца.

Все это возлагало на Петра большие заботы. После поражения в тысяча семисотом году под Нарвой русская армия не только была восстановлена, но и достигла небывалой до этого мощи. Во многих сражениях неприятель оказался побитым, и к осени тысяча семьсот четвертого года Ижорская земля с устьем Невы снова стала русской. Не удалось неприятелю помешать и строительству Санкт-Петербурга. Победно прогремела «вторая Нарва». Но не пришло еще то генеральное сражение, которому предстояло решить исход войны. Сам Карл похвалялся, что, расправившись с Августом, ринется на Петра и одним ударом сметет с лица земли его войско. Россия перестанет после этого существовать, превратившись в одну из провинций свейского государства; отдельные свои неудачи Карл не считал серьезными. Петр же в это время напрягал все силы, чтобы добиться окончательной победы. Особое внимание он обращал на железоделательные заводы, поставлявшие армии и флоту оружие.

Меньшиков ведал заводами в Карелии. Он совсем не был царедворцем-выскочкой, каким характеризовали его многие из завидовавших ему современников. Петр не за то любил Меньшикова, что тот был когда-то расторопным слугой и спас ему жизнь. В Меньшикове Петр ценил ясную голову, и ему он давал наиболее ответственные поручения. Сам Меньшиков тоже научился подбирать себе помощников. Молодой помор Семен Поташов подкупал его своей деловитостью, а главное, поражал бескорыстием, – последнего царский любимец в себе самом никак не мог выработать.

Семен рассказал ему о «гари» на речке Кумбуксе. Меньшиков подумал, не обрушиться ли ему на раскольников. Но рассудил, что в этой «гари» он повинен больше сам, чем Денисов, и нужно было сперва подготовить новые источники получения руды.

Александр Данилович поделился с Семеном еще одной заботой: то домна вдруг на железоделательных заводах загаснет, то молот выйдет из строя, то прорвет плотину, а как начнут испытывать пушечные стволы, их разрывает. Докладывать царю Меньшиков не стал, – сам должен был с этим справиться. Через соглядатаев ему удалось схватить того, кто пытался заклинить станок, на котором сверлили восемнадцатифунтовые пушки. Под пыткой узнали многое. Но даже пытка не могла обнаружить, кто всем этим руководил и где человек этот скрывался, – схваченный сам не знал.

Меньшиков от Петра слышал о том, что случилось с Семеном у зимушки и каким подлым изменником оказался иноземец Патвард. И Меньшиков подумал, что все это не дело ли его рук.

И вот Семен вместе с солдатом-башкиром Ахметом, получив разрешение взять с собой и Фаддеича, выехал во главе небольшого отряда солдат к безымянной речке. Отправились ночью, чтобы не привлечь к себе внимание, и двинулись не дорогой, а прямо сузёмком.

На тропе, которая вела от безымянной речки к западу, Семен поставил засаду, сам же с Фаддеичем и Ахметом подобрался к зимушке.

Казалось, здесь ничего не изменилось. Стоял на месте восьмиконечный крест, а над поварней вился дымок. Зимушка и сейчас была обитаемой.

Вскоре увидели человека, выбравшегося из зимушки. Семен сразу разочаровался – это не был Патвард. Ростом и фигурой он на Патварда как будто и походил, но лицо было совершенно другим: широким, с толстым вздернутым носом, и волосы этого человека были седыми, в то время как у Патварда почти черными.

К вечеру из засады сообщили, что явившийся с запада человек схвачен. Сделано это было так ловко, что человек этот не только не успел кинуться назад, но и позвать на помощь. Теперь он лежал связанным, с кляпом во рту.

Семен и Фаддеич узнали в нем человека в оленьей парке. Обыскав его, обнаружили под одеждой грамоту. Написана была грамота на незнакомом языке. Семен знал, что у Меньшикова есть кому ее прочесть.

Весь следующий день наблюдали за человеком у зимушки. С запада никто больше не появлялся. С востока тоже никого не было. Человек, обитавший в зимушке, ловил рыбу и готовил еду. Время от времени он выходил на тропку, ведшую на запад. Его явно беспокоило, что оттуда никто не являлся.

На третий день Семен решил, что ждать больше нечего. Если это не Патвард, все равно нужно схватить – Меньшиков разберется.

К зимушке подползли с трех сторон. Человек кинулся к берегу, где имелся челнок. Схватив шест, он оттолкнул челнок на середину речки и понесся вниз по порогу.

Семен уже хотел крикнуть, чтобы стреляли, но его предупредил Ахмет, пустивший в ход свое оружие – аркан, которым пользовался для ловли скота.

Петля, захватив удирающего за шею, выдернула его из челнока. Подтянув заарканенного человека к берегу, Ахмет с помощью солдат вытащил его из воды. Тут Семен поразился: перед ним на траве собственной персоной лежал господин Патвард.

Семен хлопнул себя по лбу – как это он мог так опростоволоситься: конечно, Патвард должен был изменить свой облик, который многим был хорошо известен. А сейчас, побывав в воде, он снова стал таким, каким знал его раньше Семен – узколицым, длинноносым и совсем еще не седым.

Пойманного высвободили из петли, дали прийти ему в себя, после чего Семен вежливо сказал:

– Вот, господин Патвард, «еще один наш с вами встреч».

Сейчас самообладание господину Патварду изменило: выругавшись, он отвернулся. А Семен начал сушить грамоту, написанную на том же незнакомом языке, которую нашли у Патварда.

Семен был рад, что поймал и Патварда, и человека в оленьей парке. Он жалел только, что никто не пришел с востока.

Семен не знал, что человек этот приходил и именно когда ловили Патварда. Был это не кто иной, как бывший сумской приказчик. Жил он теперь с раскольниками на Выге. После того как сгорели Пахомий и Коротконогий, он встретился с господином Патвардом и стал ему помогать. Явившись к зимушке и увидев, что ловят господина Патварда, человек этот поспешил как можно скорее скрыться. В обители долго не задерживался: взял у Андрея Денисова поручение к раскольникам на далекую Печору.

Семен обратился к Меньшикову с просьбой отпустить его «по своему делу». Меньшиков заинтересовался, что это за «свое дело» у молодого помора. Семен сказал: «Хочу жениться».

Дарья находилась в это время в Челмужах, на берегу Онежского озера. Туда они вышли после того, как девушка спаслась от «гари» на Кумбуксе. В Челмужах они неожиданно встретили Аркашку-Шалберника. Бывший нюхотский поп теперь остыл, больше не брал в рот хмельного и обзвался хозяйством. У него и осталась Дарья. Посмотрев внимательно на Семена, Меньшиков спросил:

– А который тебе годочек?

Семен прикинул в уме, сколько прошло с тысяча шестьсот восемьдесят четвертого года, когда он родился, до сентября тысяча семьсот четвертого года, и ответил:

«Двадцать первый», а затем, поняв, что соврал, поправился: «Нет, только двадцать еще будет».

– Вот видишь, – сказал Меньшиков, – не лучше ли обождать. Смотри: Щепотьев не женат, Корчмин не женат, не женат и я сам...

Но Семен решительно заявил: «Нет, пора», – и пояснил: «А то невеста ждать перестанет, пойдет замуж за кого другого, и так уж долго ждет».

Меньшиков неодобрительно покачал головой и спросил:

– А есть у тебя деньги, чтобы жениться?

– Мне царь положил жалование, – с достоинством ответил Семен.

– А ты хоть раз получил свое жалование?

Семен смутился и отрицательно мотнул головой.

– На что же ты все время жил? – поинтересовался Меньшиков.

– Корчмин да Щепотьев на дорогу собрали.

Меньшиков рассмеялся.

– Как же ты собираешься без денег жениться?

У Семена на это был готов ответ:

– Поп в Челмужах знакомый, повенчает задаром.

– Я не про то спрашиваю; жену-то на что содержать будешь?

Происходи все это в Волостке, Семен знал бы что делать: отправился бы на промысел, да у него с Дарьей было хозяйство. Здесь же ничего не имелось. Царь, хотя и посулил жалование, да, вероятно, позабыл. Сам же Семен стеснялся ему об этом напомнить.

– Так все же хочешь жениться? – спросил Меньшиков.

– Беспременно! – подтвердил Семен.

Он считал, что все как-нибудь образуется.

Достав мешочек с деньгами, Меньшиков высыпал их на стол. Сперва собирался дать половину, затем, вздохнув, пододвинул Семену все. Тот было заупрямился, не захотел брать. Но царский любимец, который к тому времени стал чуть ли не самым богатым человеком в государстве, проговорил:

– Бери не от Меньшикова, а от человека, которому, как и тебе, пришлось в жизни не сладко.

Семен взял деньги. Меньшиков спросил:

– А у тебя есть что надеть к свадьбе?

Семен ответил, что, кроме того платья, что на нем, больше ничего нет, – подарил это платье еще Корчмин. Сперва камзол и кафтан были даже нарядными, теперь же время и события оставили на них свои следы.

Из запасов, которые даже в разъездах были не маленькими, царский любимец выбрал нарядный костюм. В нем Семен стал походить на расфранченного придворного. Меньшиков уверил, что таким и подобает быть жениху.

Семен и Фаддеич сели на лошадей и поехали в Челмужи. Фаддеич сперва удивленно посмотрел на Семена, понял, что молодой помор как поехал, так и вернулся неженатым.

– А ну-ка расскажи! – попросил он.

В Челмужи приехали к вечеру. Им сказали, что Дарья на берегу залива. Поджидала возвращения Семена, девушка часто там проводила время.

Соскочив с лошади и отдав поводья Фаддеичу, Семен подбежал к Дарье. Та, услышав шаги, поднялась с камня. Семен подбежал ближе, и девушка обернулась. Обернувшись, она от неожиданности замерла.

Дарья увидела на Семене кафтан из лилового атласа, под которым был надет шелковый камзол. Короткие штаны были тоже из шелковой материи, чулки нитяные, белые, а на ногах башмаки с большими пряжками. На грудь от горла спускалось кружево; не менее дорогое кружево выбивалось из-под широких рукавов. Все это венчал завитой парик с треугольной шляпкой, отделанной золотым галуном. Кафтан благодаря множеству складок оттопыривался ниже талии во все стороны.

Семен правильно отнес удивление Дарьи к своему костюму. И для того, чтобы поразить ее еще больше, он подбоченился. Наконец, покрасовавшись, шагнул вплотную к девушке, набрался духу и выпалил:

– Дарья, выходи за меня замуж!.. Поп тут свой, разом обвенчает!..

И сделал попытку обнять ее, – он считал, что в таких случаях именно так и полагается действовать.

Что тут могло произойти?

Молодая девушка, мытарства которой наконец-то кончились, обовьет руками шею жениха и тихо скажет, что она страшно счастлива и, в подтверждение своих слов, может быть, даже, преодолев робость, поцелует его.

Дарья этого не сделала. Она продолжала удивленно смотреть на Семена, и вдруг из ее глаз потекли слезы.

– Так как же, Дарья, – уже менее уверенно проговорил Семен, протягивая руки, – пойдешь за меня замуж?

Девушка отрицательно покачала головой.

– Так как же, не пойдешь? – еще неуверенное протянул Семен.

Девушка опять отрицательно мотнула головой.

Семен ничего не мог понять: невеста, которая столько времени поджидала его и ни за кого не шла замуж, теперь, когда они могут, наконец, пожениться, вдруг отказывается. На какое-то мгновение он вспомнил все то, что говорил Андрей Денисов. Но, к чести Семена, он сразу же забыл об этом.

Наконец его словно осенило.

– Дарья, – воскликнул он, – ты меня разлюбила?..

Сквозь слезы Дарья улыбнулась; это должно было означать, что он ее не понял. Но Семен настаивал:

– Дарья, ты полюбила другого!.. Да, да, ты полюбила другого!

Дарья молчала.

– Да, да, ты меня больше не любишь!.. – настаивал Семен.

Ничего иного он придумать не мог.

Дарья ласково взглянула на него и ответила:

– Сема, я люблю тебя пуще прежнего.

— Так выходи за меня замуж! — уже с отчаянием в голосе закричал на весь берег Семен.

— Нет, замуж за тебя не пойду, — решительно ответила девушка.

Это было уже свыше его понимания. А Дарья, улыбаясь, приблизилась к нему и, все еще сквозь слезы, проговорила:

— Сема, я люблю рыбака-помора, ты же теперь стал совсем другим, посмотри сам на себя. Ты теперь — господин Поташов.

Фаддеич, который за всем этим внимательно наблюдал, вдруг так громко прыснул со смеху, что лошади испуганно вскинулись, и ему, чтобы успокоить их, пришлось сильно дернуть за поводья.

А Дарья продолжала:

— За господина Поташова поморская девушка не пойдет — господин Поташов ей не ровня... Господину Поташову теперь под стать придворная принцесса, на ней ему и жениться.

И снова она заплакала.

Конечно, Дарья плохо представляла себе «придворных принцесс» и за кого они выходят замуж. Но она понимала, что, если Семен останется при царе, поморская девушка окажется ему в тягость.

Додуматься до этого Семен сейчас не мог — у него была своя, пусть глупая, но логика.

— Нет, Дарья, ты меня разлюбила! — категорически заявил он.

— Грех тебе так говорить, Сема, — ответила девушка.

— Нет, нет, — упорствовал Семен, — ты меня не любишь... — И добавил, совсем уже расстроившись: — Ты меня и раньше не любила.

— Сема, я тебя любила, когда ты ушел в монастырь, любила, когда уплыл в Студеное море... Я и теперь тебя люблю. Но таким, каким ты был раньше, а не каким стал теперь... Я люблю помора, а не царского вельможу.

Дарья привлекла его к себе и крепко поцеловала. А затем проговорила:

— Уезжай скорее, «господин Поташов!» Уезжай!..

Семен внимательно посмотрел на Дарью; кажется, он начал что-то понимать. Спросил:

— Значит, за «господина Поташова» замуж не пойдешь?

— Не пойду! — подтвердила девушка. — А теперь уезжай скорее!..

— Нет, погоди, — продолжал Семен. — А за помора замуж пойдешь?

— Пойду, — тихо ответила Дарья.

В это время лошади опять забеспокоились, и Фаддеичу, едва не помиравшему со смеху, снова пришлось их что есть силы одернуть.

Семен вдруг сказал: «Ладно» — он все понял.

И, не говоря Дарье больше ни слова, повернулся к Фаддеичу.

— Сослужи мне еще раз службу, крестный, отвези Дарью в Волостку; она с тобой поедет... Вот тебе деньги, все, что дал мне Меньшиков... Только лошадей дать не могу — царевы они, с меня взыщут... А перед Меньшиковым в долгую не останусь...

Зная, что Фаддеич ему не откажет, Семен вскочил на лошадь, схватил за поводья другую и поскакал, не оглядываясь.

А если бы обернулся, то увидел бы, с какой любовью смотрит ему вслед Дарья.

* * *

На следующий день Меньшиков сказал Семену:

— Собирайся, поедем к государю, вызывает.

— А где государь находится?

— Может, на Сясьской верфи, — может, в Олонце, где застанем.

Это как раз устраивало Семена: Петр молодому помору был сейчас нужнее всего.

Но, прежде чем отправиться в дорогу, Семену пришлось присутствовать при казни

господина Патварда и его сообщников. Найденные грамоты их разоблачили: одна содержала подробные инструкции, другая – не менее подробный отчет о том, что уже выполнено.

Господин Патвард сделал попытку спасти себя: предложил Меньшикову, что будет шпионить против прежних хозяев. Но Меньшиков на это не пошел, – у него уже давно в неприятельском стане были верные соглядатаи. Но другую просьбу господина Патварда Меньшиков выполнил: дал ему, перед тем как повесить, бутылку вина и именно испанского, к тому же очень крепкого.

3

Царя застали на Олонецкой верфи. Большие корабли строились здесь, на склоне песчаного берега. Петр наезжал сюда проверять, как идет работа; еще чаще бывал здесь Меньшиков.

Встреча произошла среди бревен, свежетесанных досок и стружек, в которых утопали ноги.

– Александр Данилович, – начал Петр, – говорил, что просить чего хочешь?

– Хочу, государь!

– Так проси, послушаем.

И, присев на бревно, Петр начал оттирать с ладоней смолу.

Семен поднял голову, поймал взгляд Петра и решительно сказал:

– Отпусти меня, государь, на Белое море.

Петр посмотрел себе на руки, нахмурился и сердито спросил:

– Чем же тебе здесь худо?

Не срубев, Семен продолжал:

– Государь, помор я. Вернусь к себе, судно новое построю, пойду промышлять. Сделаю судно, как на верфи учили, всем к примеру.

Наступило молчание. Петр вспомнил все, что ему рассказывали о Семене и что он сам о нем знал. Затем спросил:

– Хочешь со мной расстаться?

Семен не ответил. И, может быть, в первый раз опустил глаза.

– Другие, – продолжал Петр, – из кожи бы вывернулись, чтобы очутиться на твоем месте, горло бы перегрызли друг другу, а ты мною пренебрегаешь... Не хорошо это, Семен!

Молодой помор продолжал стоять опустив глаза.

И понял, наконец, Петр, что не выйдет из Семена Поташова ни Щепотьевы, ни Корчмины и уж, конечно, Меньшикова. А на севере он будет ему полезен.

– Будь по-твоему, – сказал Петр, – не могу тебе приказывать – в долг у тебя.

Царь поднялся, собираясь уходить.

– Еще прошу, государь...

– Проси, проси... Какую милость хочешь получить?

– Не милость, государь, а то, что ты сам обещал.

– А что я такое обещал?

– Выплати мне жалование.

– Вот занятно! – воскликнул Петр. – Такому бессребренику деньги!.. На что тебе понадобилось жалование?

У Семена уже был готов ответ:

– Купить лесу придется, да парусины, да снастей, да железа на скобы... Судно, конечно, сам сработаю... Еще избу, верно, придется подновить...

– И жениться собираешься? – в тон ему поддакнул Петр.

– И жениться, – подтвердил Семен.

– А вдруг Дарья за тебя и не пойдет? – спросил Петр.

Он хитрил, так как по рассказу Меньшикова знал обо всем, что произошло между молодым помором и его невестой.

– За помора Дарья пойдет, – уверенно ответил Семен.

– Эх, Семен, Семен, – сокрушенно проговорил Петр, – зря ты меня сватом не позвал, когда был я на Белом море. Я, Семен, сватать умею... Хорошо это делаю!.. Я бы и тебя сейчас высватали, да ехать недосуг – не дает мне передохнуть мой августейший братец Карл.

– А то поедем, государь, – воскликнул Семен. – Я свадьбу сыграю на всю Волостку, хорошо погуляем!

Петр рассмеялся, спросил:

– А сколько тебе жалования уплатить?

– Сколько тобой положено, государь.

Петр достал мешочек с деньгами и, передавая молодому помору, приказал:

– Сочти!

Семен счел.

– Хватит? – спросил Петр.

– С избытком! – воскликнул молодой помор.

Хотя Петр и поскупился, но у Семена никогда еще не было так много денег; их должно было хватить и на свадьбу, и на первое хозяйственное обзаведение.

Петр в это время думал: «Первый раз встретил честного человека, а он от меня уходит». И сказал:

– На севере у меня много забот – буду на тебя рассчитывать, Семен.

Молодой помор утвердительно кивнул. Попрощался Семен затем и с Меньшиковым; царский любимец ему, в свою очередь, сказал:

– Не думай, что ты от меня избавился. Как стану олонецким губернатором, попадешь под мою власть. А может быть, и меня на свадьбу пригласишь? Не плохо бы это получилось – губернатор на свадьбе у помора!..

Трогательнее всего прощался Семен с Щепотьевым. Словно оба предчувствовали, что никогда больше не увидятся. Через два года под Выборгом Щепотьев с небольшим отрядом храбрецов кинулся на абордаж неприятельского судна. Судно они захватили, и подвиг этот был расценен как из ряда вон выходящий. Тело Щепотьева и остальных погибших привезли в Санкт-Петербург, где и предали земле под грохот артиллерийского залпа. Сам Петр плакал у гроба своего верного помощника.

Корчмина на Свири не было, и Семен не смог с ним попрощаться. Но и о нем у него остались самые лучшие воспоминания.

По пути на Белое море Семен завернул в Выгорецкую обитель. Андрей Денисов встретил его сдержанно. Будучи хорошо осведомленным, киновиарх знал, что никакого поручения от Меньшикова или самого Петра у господина Поташова не имеется.

– Сударь, – обратился к нему Семен, – во время прежних посещений усмотрел я в вашей келье сундучок, расписанный цветами. Не сможете ли удовлетворить мое любопытство, как оный предмет к вам попал?

Денисов охотно ответил, что сундучок, расписанный цветами, привез тот самый старец Пахомий, которому, как известно, господин Поташов способствовал бежать из Соловецкого монастыря. И он спросил, почему этот сундучок господина Поташова заинтересовал.

Семен сказал, что сундучок подарила ему невеста, «хорошо известная господину Денисову девица Дарья», а так как он собирается на ней жениться, то хотел бы получить сундучок обратно, если, конечно, у господина Денисова нет причин оставить его у себя. Не

моргнув глазом, Андрей Денисов выполнил просьбу молодого помора, на чем они оба без сожалений и расстались.

Снова Семен ехал по проложенной через сузёмок дороге. Восьмиконечные кресты продолжали еще стоять, только от непогоды они потемнели. Дорогу эту прозвали «государевой», и рассказы про царя, который работал вместе с беломорскими мужиками и протащил через сузёмок фрегаты, сохранились на долгие времена.

Возвращался Семен на лошади (которую подарил будущий олонецкий губернатор), везя с собой сундучок, расписанный цветами, в платье, подаренном еще Корчминым, с жалованием, уплаченным Петром.

4

Всю зиму на одном из островов в устье Нюхчи строили судно. В работе Семену помогал Фаддеич и многие из односельчан.

Поморы всегда умели строить суда, но строили по старинке, как учили делать это еще отцы и деды. Семен применил многое из того, чему научился на петровских верфях. У своего судна он усилил крепление опруг и сделал более плавными обводы носовой части. Для того чтобы улучшить маневренность, он увеличил высоту киля и оснастил судно не совсем привычным образом. Но при всем этом он сохранил яйцеобразную форму старых поморских лодий.

Ранней весной судно спустили на воду. Семен пожалел, что не было при этом Петра. Сейчас он выбил клинья сам, – и не без внутренней гордости. Но совсем не взволновало Семена освящение судна, которое с большим вдохновением совершил поп Иннокентий. К подобным вещам молодой помор стал относиться теперь едва не безразлично. А когда забывал, как нужно креститься – «двумя» или «тремя персты», то не делал этого совсем.

Наконец в жизни Семена произошло большое событие: на выстроенном им самим судне он в первый раз вышел на промысел. Вместе с ним отправился Фаддеич. Они взяли с собой несколько молодых поморов, которых должны были обучить морскому делу.

Когда судно выходило из губы, всех поразило, что может оно идти чуть ли не против ветра, – старые поморские суда так ходить не могли. Многие старики крестились: они опасались, что здесь «не обошлось без нечистой силы».

Провожала Семена и Дарья. Только никто не знал этого, даже сам Семен. Как и прежде, девушка склонилась среди скал на Кильбас-острове. Когда судно проходило мимо, Дарья увидела на носу два слова: «Верная Любовь». Так назвал Семен свое судно.

«Верная Любовь» закончила промысел раньше всех. Семен распродал в Архангельске улов, рассчитался с товарищами и купил много гостинца на свадьбу.

Сватом у него был Фаддеич. Дарья сама исполняла все плачи. Целых две недели длилось в Нюхотской Волостке свадебное веселье. Семен жалел, что не было среди гостей ни Петра, ни Меньшикова, ни Корчмина и особенно Щепотьева.

5

Осенью следующего года промышленники, как обычно, возвращались домой. Первой появилась «Верная Любовь», так как могла круто ходить даже против самого противного ветра. Среди встречавших была и Дарья. С невольным трепетом молодой муж приблизился к жене, – Дарья держала на руках спеленатого ребенка.

Робко прикоснувшись к нему, Семен спросил:

– Петром назвали?

Отправляясь весной на промысел, он попросил, что, если родится мальчик, пусть назовут Петром.

– Нет, – ответила молодая мать, опуская глаза.

«Значит, дочка», – решил Семен и спросил, как назвали дочку.

Дарья посмотрела ему в глаза и, улыбаясь, сказала:

– Нет, сын, да только назвала его не Петром, а Семеном, – так лучше.

* * *

Зиму Семен провел в Волостке. Его не раз звали в другие селения помочь строить по-новому суда. А весной пришла через Меньшикова эстафета: у царя Петра было дело до помора Семена Поташова.